

ПОЛНЫЙ
НОКАУТ

Нокаут #3

Скайла Мадди

vk.com/romantic_books_translate

Вот она.

Моя месть.

Я чувствую ее вкус на языке. Сладкий и вызывает привыкание.

Я слишком много работал, чтобы довольствоваться вторым местом, поэтому я буду первым.

Сет Марк вернулся и тренируется усерднее, чем когда-либо прежде, чтобы компенсировать поражение от Дона Рассела. Напряжение сильное, но ставки выше, поскольку основатель ММАС Мэтт Сомерс заставляет Сета и Дона тренироваться под одной крышей.

Хотя Мэтт Сомерс считает, что провоцировать этих двоих для рекламы — всего лишь хорошее развлечение, он не осознает, насколько серьезна вся ситуация.

Оливия находится рядом с Сетом, который доводит себя до предела и изо всех сил пытается выбросить из головы своего противника Дона Рассела, пока они сражаются в последний раз.

Скайла Мадн

Полный нокаут

Перевод: Юлия Цветкова

Редактор: Kseny

Вычитка: Юлия Цветкова, Kseny

Оформитель: Kseny

Обложка: Natali Morgan

Переведено специально для группы:

vk.com/romantic_books_translate

Оливия

Он крепко прижимает мое тело к своему. Его пальцы лежат на моей пояснице, и клянусь, что сквозь платье я чувствую, как его кожа горит, когда я изо всех сил стараюсь не растаять в его руках. Мы медленно танцуем. Танцуем, кажется, уже несколько часов. Я вздыхаю и сильнее наваливаюсь на него всем своим весом. В детстве я мечтала о том, как пройдет моя свадьба, но эта превосходит все мои ожидания. Сет превосходит все мои самые смелые мечты и фантазии. Он милый, заботливый, свирепый и преданный с восхитительным подтянутым телом и сексуальным лицом, он лучше, чем кто-либо. Под моим ухом бьется его сердце в ровном и завораживающем ритме через его новый костюм, а пот на его ладони смешивается с моим.

Мой Сет.

Мой муж.

Когда я встретила его, то и представить себе не могла, что наши жизни сложатся таким образом. Я хотела его. Я хотела попробовать его на вкус, прикоснуться к нему. Это было чистое сексуальное влечение... Но что-то изменилось. Мы соединились, и как только наши души соприкоснулись, то мы больше не хотели отпускать друг друга. Теперь мы здесь как муж и жена под самой красивой хрустальной люстрой Элизы, которую я когда-либо видела, танцуем под медленные песни, которые слышим впервые. Наши матери сыграли большую роль в организации свадьбы. Мы с Сетом хотели маленькую свадьбу, черт, в какой-то момент мы рассматривали побег в Вегас, но наши родители пресекли это, заявив, что нам нужно что-то запоминающееся. Мне не нужна была экстравагантность, чтобы сделать этот день незабываемым. Сета было достаточно. И вот все же мы стоим здесь, уступив желаниям наших мам. Они получили то, что хотели — экстравагантность, элегантность и родственников в красивой одежде, организовав все, чтобы посмотреть, как их «дети» женятся. Я не против, потому что у меня тоже есть то, что я хочу. *Его*. У меня есть он. И это все, что мне нужно. Он — это все, чего я когда-либо захочу.

Я чувствую, как его тело смещается, когда он наклоняет голову ближе к моей.

— Готова уйти? — спрашивает он своим глубоким, вызывающим мурашки голосом.

Я киваю, когда бабочки взрываются у меня в животе. Я уже несколько часов хотела выбраться отсюда. Сет выглядит просто восхитительно в черном костюме-тройке, но лично я думаю, что он будет лучше смотреться где-нибудь на полу или на сиденье машины. Я отстраняюсь от него, и меня встречают завораживающие темно-шоколадные глаза. Мне всегда нравились его глаза, а тем более теперь, когда они официально принадлежат моему мужу. Я вижу в них счастье, а под его счастьем вижу озорство, и вдруг мое сердце не выдерживает. Мы с Сетом занимались сексом много раз — больше, чем я могу сосчитать, — но на этот раз все по-другому. На этот раз это будет началом всей нашей оставшейся жизни.

Муж.

Му...ж.

Не думаю, что когда-нибудь устану прокручивать это слово в голове, даже когда признала это вслух.

У Сета есть привычка мучить меня, пока мое лицо не покраснеет и не запыхает. Ему это нравится. Ему нравится проникать мне под кожу, и как бы мне ни нравилось видеть, как

вспыхивают его глаза, довольные моей реакцией, или его самоуверенная ухмылка, которая заставляет меня хотеть облизать его губы, это раздражает. Он раздражающий, думаю, самый раздражающий мужчина, которого я когда-либо встречала, и я чертовски люблю его. Я люблю его всем, что у меня есть, и сегодня вечером я пообещала, что буду любить его всю оставшуюся жизнь.

— Я умираю от желания сбежать от наших семей с тех пор, как мы поцеловались в церкви, — выдыхаю я так, чтобы бабушка и дедушка Сета не услышали.

Они улыбаются и машут нам с Сетом, когда вальсируют мимо, и мы отвечаем им неловкими смешками.

— С тех пор, как мы поцеловались? — спрашивает он, улыбаясь мне этой чертовой улыбкой. — Правда?

Я чувствую, как горят мои щеки.

— Да.

Его пылающие карие глаза вспыхивают. Он хочет подразнить меня, я это вижу. Его губы слегка изгибаются.

— Ужасно слабо с твоей стороны.

Я хмурюсь, и он наклоняется вперед, приближая губы прямо к моему уху. Его теплое дыхание обдувает мочку моего уха, мои ноги слабеют. Если бы Сет не поддерживал меня, уверена, что растворилась бы от покалывания и стонов.

— Я умираю от желания убежать с тобой с того момента, как увидел, как тыходишь в дверь.

Я смеюсь.

— Это было всего за шесть или семь минут до нашего поцелуя.

Он пожимает плечами, раскачивая меня из стороны в сторону и крепко прижимая к своему телу.

— Хорошо, значит, ты нравишься мне на шесть или семь минут больше, чем я тебе.

— Бессмыслица.

— О, я думаю, что это правда.

— Как твоё влечение может быть ко мне больше, чем мое к тебе? Ты видел себя?

Сет наклоняет голову, его глаза улыбаются вместе с губами. Его рука, все еще удерживающая мою поясницу, опускается ниже, и он проводит мизинцем по изгибу моей попы.

— А ты видела себя?

Мое дыхание становится глубже, когда его рука скользит еще ниже по изгибу моей попы. Он сильнее прижимает меня к своему телу, и я чувствую каждый его твердый сантиметр. Я опускаю голову ему на грудь с тихим стоном, и он мрачно смеется себе под нос. Его пальцы дергаются на моей попе, прежде чем он делает тяжелый выдох и неохотно возвращает свои нетерпеливые пальцы в более безопасное положение на моей спине.

— Тебе лучше прекратить, — предупреждает он. — Или вся комната увидит, насколько ты меня возбуждаешь.

— Ты говоришь мне прекратить, как будто это возможно рядом с тобой.

Я хихикаю, прижимаясь к нему.

У меня болят ноги, а мышцы лица сводит от слишком большой улыбки, но я не могу быть еще счастливее. Я так счастлива, что едва могу сдерживаться. Время от времени мои пальцы произвольно дергаются в руке Сета, и я беспричинно хихикаю.

— Мы уходим. Пришло время проверить твои актерские способности, — бормочет он, прежде чем обнять меня за плечи.

А? Я пытаюсь повернуть голову, чтобы посмотреть на него, но он удерживает меня рядом прижимая голову к своей груди. Боже, он так хорошо пахнет. Мылом, одеколоном и *самим собой*. Это воспаляет мою кровь, угрожая сжечь платье на моем теле.

— Она устала, да? — Я слышу маму, чувствуя, как ее рука гладит мои волосы.

— Очень, — со вздохом отвечает Сет. Его голос грохочет в груди, заставляя меня дрожать с головы до ног. — Мы поедем.

Он ослабляет хватку и отталкивает меня с моего удобного места. *Думаю, теперь моя очередь действовать*. К счастью для него, я с блеском играла в театральные постановки в школе. Я притворно зеваю и поворачиваюсь к маме, игнорируя Сета, который ругается себе под нос. *Что? Я не так уж плохо справляюсь с работой*. Мама отлично смотрится в своем сливовом платье и с небольшим количеством макияжа. Я не видела ее накрашенной много лет, но ей идет макияж с дымчатыми глазами и темно-сливовой помадой. Она убирает с глаз короткую прядь волос и выглядит искренне обеспокоенной моей усталостью. Я бросаю на Сета едва заметный самодовольный взгляд, и он закатывает глаза.

— Мне нужна кровать, — говорю я ей. — У меня болят ноги и глаза.

Мама хлопывает меня по плечу и слегка сжимает настолько успокаивающе, как это может сделать только мать.

— Езжай, милая. У тебя был важный день. — Она обращает свой внезапно обвиняющий взгляд на Сета, и он едва моргает. — Сколько ты выпил?

— Ни капли.

Ее брови хмурятся.

— Я видела тебя в баре пару раз за вечер.

— Брал только прохладную воду, клянусь.

Она изучает его некоторое время, и Сета это несколько не смущает. Когда я была ребенком, ее взгляд мог заставить меня признаться в чем угодно. Правда. Она может быть довольно страшной, когда захочет, спросите Селену. Она цепенела от моей мамы.

— Ладно, я тебе верю. — Ее губы подергиваются. — Тебе будет весело. Увидимся с вами после медового месяца.

Она заключает нас в объятия и задерживается на несколько секунд.

— Сегодня мы все очень гордились тобой. — Она шмыгает носом. — Идеальная картина.

— Мам, не плачь, — говорю я ей, смеясь.

Она отпускает нас и вытирает слезы, которые катятся по ее лицу. Мама хватается за руку и притягивает к себе, нежно целуя в щеку.

— Я люблю тебя, — говорю я, сжимая ее руку.

— И я тебя люблю.

Сет берет меня за локоть и быстро выводит из зала. Признаюсь, мне действительно немного стыдно за то, что я бросила наши семьи, но я не могу быть с Сетом ни секунды дольше, не срывая с него одежду. Он тянет меня за собой и быстро бежит трусцой.

— Кому-то не терпится, — шучу я, изо всех сил стараясь не подвернуть лодыжку. Я едва успеваю за ним и его желанием поскорее убраться отсюда. — Ты же знаешь, я на каблуках.

Я задыхаюсь, когда он тянет меня за руку, подталкивая ближе, и у меня перехватывает дыхание, когда он поднимает меня на руки.

— Тогда я понесу тебя.

Я обнимаю его за шею и держусь, пока он несет меня вниз по лестнице.

— Ты мог бы остановиться, чтобы я сняла обувь.

Он качает головой, его улыбка передает миллион неприличных слов.

— Обувь должна оставаться на ногах.

Когда мы подходим к машине, он открывает дверь и усаживает меня внутрь, стараясь не прищемить платье, когда закрывает ее. Я смотрю, как он обходит машину спереди, выуживая ключи из кармана. Он останавливается под уличным фонарем, чтобы поглубже порыться в ткани штанов, и я люблюсь им со своего места. Под ярким светом он выглядит таким ангелом. Чистым. Таким чистым, что я почти ожидаю, что у него вырастут крылья и он улетит. *Но* когда он смотрит на меня исподлобья и тени скрывают большую часть его лица, я вижу темноту. Я вижу демона, которым он на самом деле является, и, хотя я восхищаюсь милой ангельской стороной Сета, я навсегда буду поглощена его темной стороной. Стороной, которая делает то, что хочет, и берет то, что, по ее мнению, ей причитается.

Сегодня вечером мы поженились, и то, что будет потом, никого не касается, кроме нас. У меня свои планы на моего мужа. Я знаю, что это сведет его с ума. Я никогда не была той, кто хвастается победами... Однако Сет, несомненно, расскажет об этом всему миру.

Сет

Мои горячие ступни охлаждаются, когда я встаю на холодный бетонный пол. Я быстро и решительно иду по коридору к огромным двойным дверям передо мной. Мой взгляд падает на слоган ММАС, нарисованный на задней стороне двери. *Будь сильным. Будь умным. Будь великим.* Я был сильным, умным и великим, когда сражался с Мосетом. Сейчас? Сейчас я зол, мстителен и голоден. Я встряхиваю руками, подпрыгиваю на носках и мотаю головой из стороны в сторону. Чувствую тепло. Все мое тело горит огнем, которого я никогда раньше не чувствовал. В моей груди не чувствуется тяжести, как обычно перед боем, потому что на этот раз я борюсь за себя. Я не борюсь за то, чтобы произвести впечатление на своего отца или заявить о своей позиции в ММАС. К черту все. Мне надоело пытаться произвести впечатление на людей. Мне надоело отдавать им все, что у меня есть, только для того, чтобы это было брошено мне в лицо. Сейчас этот бой для меня.

— Сделай это, детка, — мурлычет Оливия мне на ухо, отрывая меня от моих мыслей. — Это твоя битва.

Я поворачиваю голову и вижу ее прекрасное лицо. Ее зеленые глаза с любовью смотрят на меня, и я знаю, что независимо от того, выиграю я или проиграю, она будет ждать меня прямо там, где я ее оставлю. Она подносит каппу к моим губам, и я открываю рот, чтобы она засунула её. Когда мои губы смыкаются, я целую самые кончики ее пальцев, заставляя О хихикать, ее грудь покачиваться... *две мои любимые вещи.*

Я улыбаюсь про себя, прежде чем заставить себя отвлечься от Оливии и вернуться к бою. Дон Рассел. Наши отношения привели к этому. Все началось с того, что я трахнул его подружку, а теперь заканчивается тем, что я избил его до полусмерти в клетке. Он не получит от меня пощады.

Я слышу, как диктор называет мое имя, и двери передо мной распахиваются. Сотни, тысячи людей начинают кричать, и я наблюдаю за ними, окидывая взглядом огромную арену.

Когда слышу, как они кричат мое имя, по моему телу проходит электрический разряд, и я стискиваю зубы, борясь с дрожью, которая проходит по моему позвоночнику.

Я живу ради этого.

Я усердно работал ради этого.

— Чего ты ждешь? Выходи оттуда, — кричит Дэррил мне в ухо, но я игнорирую его и продолжаю наблюдать за толпой, совершенно пораженный.

Оливия кладет свою ладонь на мою, и это все, что мне нужно для толчка. Я хватаю ее за руку и тащу за собой. Я чувствую, как ее пальцы нервно сжимают мои, когда я тяну ее по узким проходам сквозь толпу людей. Они тянутся ко мне, мужчины хлопают меня по спине, а женщины запускают пальцы в мои волосы, когда я прохожу мимо них. Чувствуя напряжение Оливии, я притягиваю ее к себе, обнимаю за талию и мысленно объявляю войну любому, кто к ней прикоснется.

Я не смотрю на Дона, который ждет меня в клетке. Вместо этого я не отрываю глаз от своего угла. Чувствую на себе его взгляд, анализирующий меня. Я знаю, о чем он думает, и я знаю, каким дерзким он себя чувствует. Последние несколько месяцев он провел в тренировочном лагере, где ему рассказывали, какой он замечательный. Ему сказали, что он

победит, что он полностью уничтожит меня. Проблема в том, что я тоже, и только один из нас может выйти на первое место. К несчастью для него, Дэррил ни разу в жизни не солгал мне, так что я *знаю*, что за кот у меня в гребанном мешке.

Моя кровь кипит. Она горит, и я готов к работе. Мои мышцы сокращаются и расслабляются сами по себе, прислушиваясь к моей жажде мести. В ту секунду, когда прозвонит гонг, я не буду контролировать свои действия, и меня не волнует, умрет он в конце концов или останется жив.

Не успев опомниться, я грубо целую Оливию в губы, стягиваю через голову толстовку и бросаю ее на пол. Я показываю судье свои перчатки и каппу, поднимаюсь по ступенькам и вхожу в клетку прежде, чем Джексон и Дэррил смогут даже прикоснуться ко мне.

В клетке я не выставляю себя напоказ, делаю шоу. Я бросаюсь в свой угол, стою там и, наконец, поднимаю взгляд на Дона. Он смотрит на меня в ответ, его губы самодовольно подергиваются, и я не могу дождаться, чтобы стереть эту улыбку с его лица.

Диктор представляет публику и перечисляет огромный список спонсоров. Я ничего из этого не слышу. Все мое внимание сосредоточено на ссыкуне, который угрожает всему, ради чего я так усердно работал. С каждой проходящей секундой я становлюсь все более и более встревоженным. Я начинаю расхаживать по клетке. Несколько шагов влево, затем несколько вправо. Мои пальцы непроизвольно сжимаются и разжимаются, и я слышу, как Дэррил и Джексон в моем углу говорят мне, чтобы я очистил голову, чтобы не позволить Дону добраться до меня. Я не могу. Моя ненависть к нему поглощает меня сантиметр за сантиметром.

— Сет, — голос Оливии проникает в мои уши сквозь рев толпы и заглушает Дэррила и Джексона.

Я поворачиваюсь к ней. Она на ринге, ее тонкие пальцы обхватывают сетку клетки, и как только мои глаза встречаются с ее, моя тревога улетучивается.

— Ты все контролируешь, — говорит она мне, когда я подхожу ближе к ней. — Он недооценивает тебя. Он думает, что ты глупый мальчик, который не представляет угрозы.

Ее пухлые розовые губы изгибаются в сексуальной темной ухмылке. Такую тьму я вижу в ней только за несколько секунд от секса.

— Покажи ему, насколько ты опасен. Ты сильнее его во всех отношениях, и я хочу, чтобы ты это доказал.

Я сжимаю клетку и приближаю свое лицо к ее лицу. Наши губы едва касаются, и если бы моя кровь уже не кипела и не мчалась по моим венам, то я уверен, что она бы собралась в моем члене, делая его твердым, и все бы это увидели.

— Ты хочешь, чтобы я причинил ему боль? — спрашиваю я, отчаянно желая, чтобы она кивнула.

Вместо этого она качает головой, и я чувствую, как в моей груди растет протест. Никто не может помешать мне поставить Дона на место, даже Оливия.

— Я хочу, чтобы ты уничтожил его, — шепчет она.

Что ж, будь я проклят. Я никогда не думал, что доживу до того дня, когда Оливия будет поощрять меня выбивать дерьмо из кого-то. Думаю, что повлиял на нее во многих отношениях. Я цепляюсь пальцем за звено клетки, едва успеваю поймать воротник ее рубашки с надписью «СЕТ». Я тяну ее вперед, преодолевая крошечное расстояние между нашими губами. Провожу языком по ее нижней губе, но она отказывается открывать рот для меня. Она слишком застенчива, чтобы целоваться перед камерами, как мило. Я втягиваю ее

нижнюю губу в рот и прикусываю.

Как и планировал, она со вздохом открывает рот и позволяет мне сделать несколько быстрых и голодных движений языком. О отстраняется, тяжело дыша.

— Выиграешь для меня?

Я улыбаюсь ей.

— С удовольствием.

Я встречаю Дона с новой жадой, той же жадой, которая заставила меня работать усерднее и дать Оливии все, что она когда-либо хотела. Мне все равно, как по-идиотски я звучу. Я не могу притворяться равнодушным, когда дело касается ее, никогда не мог. Я приму все комментарии типа «подкаблучник» и «я могу видеть твою вагину» с широкой улыбкой на лице.

Не прошло и секунды, как раздался гонг. Я выхожу из своего угла и оказываюсь в центре ринга. Дон протягивает мне руку, ожидая рукопожатия, его ладонь широкая. Он, твою мать, сошел с ума, если думает, что я собираюсь прикоснуться к нему чем-то, кроме своих кулаков. Я не испытываю к нему никакого уважения, и он не заслуживает его с моей стороны. Ему повезло, что я не сломал его гребаное запястье прямо в эту секунду. Я стискиваю зубы, когда он убирает руку и улыбается мне, обнажая свою красную каппу. Бросаюсь вперед, размахиваясь со всей силы и метя в живот. Он отшатывается назад, совершенно ошеломленный моей внезапной атакой. У меня не было лучшего плана, кроме как уничтожить его. Чем больше я его бью (и когда я говорю бить, я имею в виду бить кулаками в живот), тем больше понимаю, что он больше не двигается. Его тело перестало реагировать на мои руки. Я бью его снова и снова, но не получаю никакого удовольствия.

Только гнев. Я останавливаюсь, совершенно запыхавшись, и оглядываю клетку. Арена пуста. Мы одни. Я поворачиваюсь к Дону, он ушел, и фигура, заменившая его — это лицо, которое я презираю так же сильно.

— Папа?

Я смотрю на его реалистичную фигуру: высокий, крепкий, с седеющими волосами и угловатыми чертами лица... Он кажется здоровым, совсем не похожим на того болезненно-худого человека, которого я видел на смертном одре.

— Где все? — спрашивает он, почти улыбаясь и указывая на пустые места.

Я хмурюсь, оглядывая заброшенную арену. Здесь ничего нет... даже мусора.

— Они были здесь секунду назад.

— Но теперь они ушли. Что ты сделал, чтобы отпугнуть их?

Я делаю шаг к нему, но останавливаюсь на полпути, когда Дон появляется из воздуха и бьет меня прямо в рот, прежде чем снова исчезнуть. Я отшатываюсь назад, сжимая рот, когда боль пронзает мою челюсть. Я не чувствую вкуса своей крови, но чувствую, как она сочится у меня изо рта. Плюю и смотрю, как красная жидкость падает на чистый коврик. Я ненавижу истекать кровью.

— Ты пришел, чтобы мучить меня? — огрызаюсь я. Жар заливает меня, наполняя грудь яростью, которая точно не понравится отцу, когда разорвется и согнет меня пополам.

— Я пришел, чтобы привести тебя в чувство. Ты становишься слишком самонадеянным. У тебя высокооплачиваемая работа, большой дом, машины, даже красивая жена, но ни на секунду не думай, что они твои навсегда.

Боль пронзает мои почки, и меня отбрасывает в сторону. Я оглядываюсь... Но Дона больше нет. Мое дыхание гремит у меня в ушах, когда моя грудь начинает быстро

подниматься и опускаться. Мой характер берет надо мной верх... Если я не буду осторожен, то в конце концов врежу собственному отцу в челюсть. Каким-то образом мне удавалось избегать этого большую часть своей жизни, но прямо сейчас он находится в опасной близости.

— Ты знаешь, — рычу я, мои внезапно обнаженные пальцы дергаются по бокам. — Я не так плох, как ты говоришь.

— Почему? Потому что *она* сказала тебе, что ты хорош?

Я медленно вдыхаю, пытаюсь успокоиться. Это работает... Как минимум временно.

— Я хорош.

Папа откидывает голову назад и смеется.

— Мне неприятно говорить тебе об этом, мальчик, но она не в том положении, чтобы называть кого-то хорошим. — Я хмурюсь. — Ты думаешь, *она* такая? Хорошая? Возможно, когда-то она и была такой, до того, как ты запустил в нее свои грязные и испорченные когти.

Как ты, мать твою, смеешь! Все мое тело напрягается, мышцы едва не сводит судорогой, и я прыгаю вперед, прежде чем ударить собственного отца в челюсть. Удар отбрасывает его голову в сторону, но отец быстро приходит в себя. Я едва нанес ему ущерб... И это печальное осознание, когда ты обнаруживаешь, что больше расстроен тем, что не разбил губу своему отцу, чем тем, что психанул и ударил его. Я рычу, пока рык не обжигает мне горло, и пытаюсь снова. Тот же результат. *Я хочу причинить ему боль, черт возьми!* Я пытаюсь снова и снова, пока моя грудь не начинает гореть, а костяшки пальцев не начинают болеть. *Терплю неудачу... Это все, что я всегда делаю, когда дело касается его.* С тяжелым выдохом я падаю на колени у его ног.

— Что я тебе такого сделал?

Я тяжело дышу, качая головой.

Я никогда в жизни не чувствовал себя таким слабым, и звук моего собственного голоса, умоляющего его, разочаровывает меня.

— Ты существуешь, отравляешь людей и никого не уважаешь. Одно из трех, выбирай сам.

Я поднимаю на него взгляд.

— Я стал таким благодаря тебе. Я являюсь следствием твоей неспособности быть достойным родителем. — Мои губы начинают растягиваться шире, когда я смотрю на него. — Мама стала алкоголичкой, ты знал об этом? Она потеряла работу, потеряла все. Угадай, кто ей помог? — Я поднимаюсь на ноги и выпрямляюсь в полный рост. — Ты помнишь свою *хорошую* дочь Мэддисон? Да, ну, она раздевалась за наличные в Вегасе. Угадай, кто помог ей выбраться из этого? Что касается Оливии, то она застряла в тупиковых отношениях с парнем, который обращался с ней как с дерьмом. Хочешь попробовать угадать, кто помог ей выбраться и из этого тоже?

Папа пристально смотрит на меня, его карие глаза вонзаются в мою плоть, словно кинжалы.

— Правильно, старик. *Я!* Я помог ей и обращаюсь с ней как с гребаной королевой, каковой она и является. Конечно, ей нравится немного пошалить, но это не влияет на то, кем она является в глубине души. — Я качаю головой. — Что касается мамы и Мэдди, я был тем, кто восстановил нашу жизнь после того, как твоя смерть разорвала ее на части. Раз уж мы об этом заговорили, поскольку ты утверждаешь, что знаешь все о моей новой жизни, то спроси себя, сколько раз я навещал твою могилу? — Он бледнеет, и мысль о том, чтобы причинить

ему такую же боль, какую он причинил мне, подстегивает меня. — Спроси себя, сколько раз я упоминал тебя в разговоре, кроме как для того, чтобы обосрать твою память?

Я жду его ответа. *Ничего*. Мои губы дергаются.

— Я так и думал.

Затем его рука поднимается, и он бьет меня по щеке, прежде чем я успеваю это заметить. Моя кожа горит, когда тепло распространяется по поверхности, но я не смею оторвать глаз от его разъяренного лица. *Интересно, его лицо треснуло бы и развалилось на куски, если бы он улыбнулся?* Я продолжаю пристально смотреть на него, когда он исчезает. *Хорошо*.

Я трясусь предплечьем, когда от моего локтя исходит невыносимое давление. Моргаю один раз, нет, дважды, и, прежде чем я осознаю это, уже лежу на спине, а Дон кладет ноги мне на грудь, пока выпрямляет мою руку.

Я чувствую, как трещит мой сустав, и кричу от боли. *Нет, нет, нет*.

— *Нет!*

Я пытаюсь отстраниться, но это только усиливает боль.

— *Сет!* — несколько человек выкрикивают мое имя, но я не могу выделить ни одного из них.

Раздается второй хлопок, и моя свободная рука становится тяжелой, будто она сделана из чистого золота, и я не могу постучать.

Своей выпрямленной рукой, прижатой к Дону, я чувствую, как его грудь вибрирует от смеха, а затем он двигает бедрами вперед...

...и моя рука ломается.

Я вскакиваю с постели, тяжело дыша, будто пробежал целую милю.

— *Сет?* — Я слышу хриплый усталый голос Оливии прежде, чем чувствую ее теплые успокаивающие руки на своем теле. Я опускаю голову, когда ее нежная кожа путешествует по моей груди и вниз по позвоночнику одновременно. Я закрываю глаза и позволяю ей вернуть меня к реальности. Я не на арене, где сражаюсь с Доном. Я в постели со своей женой, моей хорошей женой... *Моей чертовски хорошей женой*.

Я откидываюсь на кровать и поднимаю руку для Оливии. Она прижимается прямо к моей груди, и я обнимаю ее за плечи, притягивая так близко, как могу.

— Тебе снова снится этот сон? — спрашивает она, когда кончики её пальцев скользят вверх по центру моего живота, по моим мышцам и погружаются в складки между ними. Это приятно. Успокаивающая энергия струится от кончиков ее пальцев и ладоней, успокаивая мое бешено колотящееся сердце.

— Да.

Она придвигается ближе, сильнее прижимаясь ко мне своим упругим и нежным телом.

— Все закончилось, — говорит она. — Ты здесь. Со мной.

Я позволяю словам впитаться в себя. *Ты здесь. Со мной*. Она прижимается губами к моему боку, и мое тело дрожит. Это не обычная дрожь. Это та дрожь, которую только она может вызвать во мне, та, от которой по моей коже бегут мурашки. Дрожь возбуждает мою кровь, заставляя ее быстро приливать вниз к члену, пробуждая его ото сна. Оливия осторожно проводит пальцами по моему животу к бедрам, и ее пальцы танцуют, выписывая маленькие круги. Это усыпило бы меня, если бы я не был так болезненно тверд. Я напрягаю бедра под ее рукой, надеясь, что она поймет намек. И она понимает. Ее пальцы цепляются за резинку моих трусов, и я приподнимаю бедра, когда она стягивает одну часть вниз. Будучи

джентльменом, я помогаю ей с другой стороны. Оливия садится на мои бедра, перекидывая ногу через мое тело. Я чувствую ее голую влажную киску на своей плоти, когда она скользит руками вверх и вниз по моей груди. Она наклоняется вперед, едва оказывая давление на мое тело, и целует меня прямо в грудь. Снова и снова она целует меня, в то время как ее руки скользят по моей коже. Я стону, когда она приподнимает свою задницу, позволяя моему члену проскользнуть между нами, а затем опускается, прижимаясь к моему члену. У меня перехватывает дыхание, когда ее горячая влага покрывает меня. Она дразнит меня, позволяя мне чувствовать ее, но не впуская внутрь, и мне это нравится. Я не хочу, чтобы она отдавалась мне сразу. Я хочу, чтобы она играла со мной, сводила меня с ума своим телом, и когда я больше не смогу этого выносить, хочу, чтобы она дала мне это, заставив начать сладкую пытку снова и снова. Она точно знает, что делает, о чем я бы никогда не догадался, когда встретил ее. На публике Оливия выглядит невинной. Ее глаза яркие и милые, заставляющие тебя думать, что она никогда в жизни не прикасалась к члену. Но когда мы одни, она меняется. Ее внутренняя тьма выходит наружу, невинность исчезает, и яркие огоньки в глазах тускнеют, превращаясь в озорство. За закрытыми дверями она *точно* знает, как обращаться со мной. Оливия — это неоспоримая сила с длинными ногами, изящными изгибами и красивыми зелеными глазами. *Идеальная упаковка*. Она часто говорит, что поглощена мной, но это я поглощен ею. Ее разум работает не так, как у кого-либо другого. Кто-то смотрит на нее, и она думает, что с ее платьем или прической что-то не так, но когда я вижу, как они смотрят на нее, то желание и зависть людей для меня так же ясны, как день.

Опускаясь поцелуями по моей шее, она начинает раскачивать бедрами, чувственно скользя вверх и вниз по всей длине моего члена. Она чувствует себя потрясающе — более чем потрясающе, — а я еще даже не вошел в нее. Я закрываю глаза, пока ее руки нежно массируют мою грудь, и она наклоняется вперед, прижимаясь своим лбом к моему. Я хотел бы, чтобы здесь было светло, чтобы я мог видеть ее лицо, чтобы мог видеть ее тело рядом со своим и выражение ее лица, когда я заставляю ее кончить.

— Тебе нравится, когда я двигаюсь медленно? — шепчет она, ее голос напряженный и хриплый, когда она прикусывает нижнюю губу зубами.

Я улыбаюсь и провожу кончиками пальцев по ее бедрам. Ее мышцы дрожат, когда я поднимаю голову с подушки и втягиваю ее нижнюю губу в рот. Она задыхается, горячее дыхание вырывается из нее, ее возбуждение видно через трусики.

Я отпускаю ее губу.

— Ты знаешь, что мне это нравится.

В ответ она снова и снова скользит по мне, подталкивая ближе к краю. Я сжимаю бедра Оливии, не в силах оторвать от нее руки ни на секунду, впиваюсь в нее пальцами, заставляя двигаться быстрее.

— Знаешь, что еще мне нравится?

Она стонет, ее руки больше не массируют мою грудь, а впиваются в нее.

— Заставлять тебя кончить.

Оливия хнычет, и мышцы ее бедер сжимают мои бедра.

— Тебе это нравится?

Я дрожу.

— Черт возьми, да, я хочу этого.

— Тогда сделай это, — требует она. — Пожалуйста. — Она вздрагивает и резко вдыхает, двигаясь все более неистово. — Пожалуйста, сделай это.

Я чувствую, как мои губы подергиваются, когда поднимаю бедра и сбрасываю ее с себя на постель. Она задыхается, когда я с силой вдавливаю ее в матрас и просовываю руку между нами. Ее дыхание опьяняющее, она почти всхлипывает, когда чувствует, как моя рука скользит по внутренней стороне ее бедра. Я едва дотронулся, а она уже вздрагивает от малейшего прикосновения. Я опускаюсь и целую ее в шею, одновременно я трюсь своим твердым членом о ее киску. Тело Оливии движется само по себе, приподнимаясь, чтобы прижаться ко мне, побуждая взять ее. Ее руки поднимаются по моим плечам и сжимают мои волосы, в то время как мои губы продолжают исследовать ее шею и ключицу. Внутри меня вспыхивает фейерверк, взрывая каждую клеточку и каждый сосуд, но мне удается сохранить самообладание. Мой рот снова находит ее рот, и я целую О жадно, страстно. Страсть, которую я проявляю к своей жене — это страсть иного рода, чем та, которую проявляю (или проявлял) к кому-либо еще. Страсть, которую я трачу на Оливию, подпитывается любовью и похотью. Никогда ни с кем другим такого не было. Не заблуждайтесь, любой может быть страстным, но для того, чтобы быть страстным снова и снова, нужна настоящая любовь. Я никогда не устану от ее теплой кожи, твердой или мягкой. Я никогда не устану от ее больших круглых сисек, упругих или нет, и я никогда не устану от ее теплой улыбки или ярко-зеленых глаз. Она *моя*, в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит нас (вычеркните это), даже в загробной жизни она моя, и я буду бороться с любым ублюдком-призраком, который попытается все испортить.

Я полностью накрываю ее рот своим собственным, пробуя на вкус каждый сантиметр ее тела, когда толкаюсь между ее ног. Она теплая, такая чертовски теплая, и я останавливаюсь, когда она сжимает меня.

Боже. Я на мгновение закрываю глаза и с трудом сглатываю. Я остановился не для того, чтобы подразнить ее, я остановился, потому что близок к тому, чтобы кончить.

— Еще, — шепчет она мне в губы.

Я толкаюсь дальше, отрываясь от ее рта и прижимаясь лбом к ее лбу. Мне требуется чертовски много сил, чтобы не позволить себе трахнуть ее до беспамятства. Спина Оливии выгибается, и я стискиваю зубы. Мне было бы легче не кончать, если бы она не была такой чертовски сексуальной.

— Еще, — требует она, покачивая бедрами. — Я хочу тебя всего.

Как я могу игнорировать такую просьбу? Я смотрю ей прямо в глаза, и даже при очень тусклом освещении вижу, как они вспыхивают.

— Ты хочешь меня всего? — спрашиваю я.

Она кивает, и я толкаюсь сильнее. Она впивается ногтями в мои бедра, притягивая меня ближе, но я снова останавливаюсь, и она рычит, заставляя меня смеяться себе под нос. Она двигает бедрами, и я вонзаюсь в нее снова и снова. Я двигаюсь все сильнее и сильнее, пока не чувствую, как ее восхитительно тугая киска стискивает меня. После этого не занимает много времени, чтобы она кончила подо мной, доводя меня до моего собственного оргазма. Я кончаю до тех пор, пока мое тело не начинает содрогаться от простого прикосновения к мягким стенкам ее влагалища. Мои руки дрожат, и я осторожно опускаюсь, следя за тем, чтобы не уронить весь свой вес на ее маленькое тело.

— Ты чувствуешь себя лучше? — шепчет она, подавляя зевок и проводя пальцами по моему боку.

Я целую ее в плечо.

— Я почувствовал себя лучше в ту секунду, когда проснулся и услышал твой голос.

— Сны прекратятся, как только все закончится.

Я киваю, решив не говорить ей, что ее слова звучат не так убедительно, как, уверен, она хочет, чтобы они звучали.

— И неважно, как все сложится, я всегда буду с тобой.

Я поднимаю голову и ищу ее глаза в слабом свете.

— Это значит для меня больше, чем что-либо еще.

Она нежно целует меня, и в такие моменты я рад, что рядом больше никого нет. Одна мысль о том, что кто-то еще подслушивает наши личные глупые разговоры, заставляет меня поморщиться. Всякий раз, когда Дэррил разговаривает со своей женой по телефону, он не пытается скрыть влюбленную часть себя, и я дразню его за это, давая прозвища, связанные с киской. Знаю, как *противоречиво* с моей стороны. Я ничего не могу с этим поделать. Я защищаюсь. Это то, что я делаю. Если и есть что-то, что Оливия заставила меня увидеть, так это то, как я противоречу себе. Я сказал Оливии, что не знаю, хочу ли заняться с ней сексом... И я занимался с ней сексом. Я сказал ей, что не хочу отношений, потом попросил ее быть моей девушкой, а потом *женился* на ней. Это П.Р.О.Т.И.В.О.Р.Е.Ч.И.Е. в чистом виде, друзья мои. С тех пор я миллион раз противоречил себе, знаю. Теперь перейдем к самой легкой части. Спросите, волнует ли меня это... Меня это волнует? Нет. Не волнует.

Поэты правы, знаете ли: *любовь заставляет тебя делать то, чего ты клялся никогда не делать*. Этим сукиным детям нужны медали или что-то в этом роде, потому что я живое доказательство их слов.

Я скатываюсь с Оливии и ложусь на спину. Она мгновенно прижимается ко мне. Если серьезно, я рад, что противоречил сам себе. Если бы я этого не сделал, то упустил бы Оливию. Я бы упустил шанс быть хорошим.

Оливия

Его руки ударяют по большим перчаткам быстрыми движениями, и все мое тело вибрирует, гудя от возбуждения. Это завораживает. Каждое отступление и удар завораживают меня, запрещая отвести взгляд. Мои губы приоткрываются, когда его большие крепкие руки вытягиваются, пока полностью не выпрямляются, демонстрируя все его восхитительные мышцы, из которых состоят эти чертовски фантастические конечности. Если бы мне давали доллар каждый раз, когда я становлюсь бесполезной из-за того, что просто наблюдаю за ним, я была бы миллионершей... А потом я бы потратила бы эти деньги на домашний спортзал и наблюдала бы за этим, не выходя из собственного дома. *Такова жизнь.*

— Тебе стоит сфотографировать. И можно дольше смотреть, — дразнит Сет из клетки.

Я вздыхаю и смотрю, как его крупные пальцы обвиваются вокруг сетки клетки. *Стоп, что?* Я быстро моргаю и поднимаю на него взгляд. Он лукаво улыбается мне сверху вниз, и я чувствую, как горят мои щеки. Я проглатываю свое смущение из-за того, что меня поймали за подглядыванием, и прикрываю это ухмылкой.

— Ты слишком самоуверен. — Я переносу свой вес на правую ногу и складываю руки на груди. — Я наблюдала за твоей техникой. Кажется, ты бьешь не так сильно, как раньше.

Я издеваюсь над ним. Сет вечно пытается произвести на меня впечатление, и, конечно, он всегда это делает, но сегодня я в настроении помучить его. Он этого заслуживает. Сегодня утром в душе он сказал, что в канализации был огромный паук. Конечно, там ничего не было, но это все равно заставило меня заплакать. Я должна была догадаться, что он просто издевался надо мной, потому что все это время он смеялся. Улыбка Сета исчезает, и он хмурит брови.

— Ты устал? — спрашиваю я, пододвигаясь. — Ты наелся завтраком?

— Я в порядке, — огрызается он, разворачивается на пятках и устремляется обратно в центр ринга. Он поднимает перчатки, поднося их ближе к лицу. Кивает Джексону, который качает головой, глядя на меня. Я пожимаю плечами. Если Джексон не может выдержать один из мощных ударов Сета, то, возможно, ему не стоит входить с ним в ринг. Джексон был назначен новым внутренним спарринг-партнером Сета. Когда Сет только начал свой тренировочный путь, ММАС предоставил ему восемь новых спарринг-партнеров, но Сет был самим собой, отказываясь от всех. Он не доверяет ММАС. Мэтт Сомерс играет на обеих сторонах поля с тех пор, как несколько месяцев назад объявил о третьем и последнем бое.

— Тебе на самом деле не следовало этого говорить. — Дэррил вздыхает, подходя ко мне.

Я складываю руки на груди.

— Я должна была заставить его перестать так на меня смотреть.

Наш разговор заканчивается, когда кулаки Сета в перчатках с громким хлопком врезаются в широкие черные перчатки Джексона.

Шлепок.

Шлепок, шлепок.

Шлепок.

Удары звучали, заставляя мое сердце каждый раз замирать, и вскоре я вернулась в

страну Лалалэнд, наблюдая, как мой чертовски горячий муж пригибается и уворачивается, когда выбрасывает кулак в сторону Джексона. Сет выглядит потрясающе. Лучше, чем потрясающе. Он выглядит безупречно, более безупречно, чем когда-либо, что само по себе является достижением. Не каждый может совершенствоваться до совершенства. Его мускулы более рельефны, руки шире, ноги массивнее, а решимость сильнее, чем когда-либо прежде. Дон Рассел забрал у Сета победу, а Сету не очень нравится, когда забирают то, что принадлежит ему.

Дэррил выдыхает и делает пометки в своем зеленом планшете.

— Думаю, что не повредит надавить на него посильнее. Со времени его последнего боя у него наступили тяжелые времена.

— У него проблемы со сном, — признаюсь я, бросая быстрый взгляд на Дэррила, который обиженно смотрит на меня расширенными глазами. Можно подумать, он лучший друг, от которого у меня были секреты. — Это не его вина.

— Да, ну, ему нужно разобраться со своим дерьмом, прежде чем оно возьмет верх над ним. Если он проиграет этот бой, его время в ММАС закончится еще до того, как начнется.

Я киваю, наблюдая за Сетом и за тем, как пот блестит на его крепком торсе. Мы знаем последствия последнего боя... Мы знаем, что ММАС использует отношения между Сетом и Доном для собственной денежной выгоды, но они также пытаются выяснить, кто лучший боец. Дэррил думает, что в совете ММАС есть несколько человек, которые считают Дона лучшим бойцом и хотели бы, чтобы Сета заменили.

— Поговори с ним об этом, Дэррил. Ты его тренер.

Он смеется.

— Это больше ничего не значит. Ты единственная, кого он слушает. Кроме того, мы одного пола. Он врежет мне в отличие от тебя.

Я закатываю глаза. *Фантастика.*

В течение сорока минут Сет давит на себя все сильнее и сильнее. Чем сильнее он бьет, тем больше расстраивается, и я задаюсь вопросом, может быть, мне не следовало дразнить его. Я смотрю на него во всей его форме... Высокий, мускулистый и опасный. На его плечах лежит большая ответственность, и мне все равно, кто это, но никто не достаточно силен, чтобы нести тяжесть мира.

— Время! — кричит Дэррил, заставляя меня подпрыгнуть.

Сет опускает руки, тяжело дыша. Я сглатываю, когда он шагает по рингу, каждый шаг кажется более агрессивным, чем предыдущий. Через мгновение он прислоняется к клетке и, хотя я думала, что он сердится, ухмыляется мне.

— Лучше?

Я открываю рот, чтобы согласиться, но Дэррил перебивает меня:

— Лучше, чем сегодня утром, но не так хорошо, как в прошлом месяце. Что случилось, Сет?

Глаза Сета сужаются, а губы поджимаются. Не говоря ни слова, он отталкивается от клетки и бросается к воротам. Все мое тело напрягается в предвкушении, когда он открывает клетку и стремительно спускается по ступенькам. Его темный взгляд скользит по моему лицу. Я в ловушке, потому что не в силах отвести взгляд. Мои колени подгибаются сильнее, чем ближе он подходит, и если я достаточно сосредоточусь, то услышу, как уровень моих гормонов повышается с каждой секундой. Я прикусываю уголок губы зубами и благодарю Бога, что люди не умеют читать мысли. Сет немедленно запер бы меня в сумасшедшем доме,

если бы услышал половину из тех безумных и одержимых мыслей о нем, крутящихся в моей голове.

— Я в порядке, — рычит он, проходя мимо Дэррилла. — Лучше не бывает.

— Ты, может быть, и да, но время — нет.

Сет хватает меня за локоть, крепко сжимая, и оттаскивает от клетки. Я бросаю взгляд через плечо на Дэррилла, и он закрывает свой планшет, бросая на меня взгляд. Я точно знаю, что значит этот взгляд.

Я должна поговорить с Сетом, чтобы замотивировать его. По мнению всех остальных, я единственная, кого он слушает. По моему мнению, он не делает ничего из того, что я говорю, если только я не умоляю его трахнуть меня.

Я позволила Сету протащить меня через тренировочный зал без борьбы. Он обставлен по последнему слову техники, очевидно, что ММАС не жалеет средств, когда дело доходит до их бойцов. Я никогда не видела столько тренажеров. Сет тянет меня к душевой и, наконец, отпускает мои руки, когда дверь за нами закрывается. К сожалению, я начинаю привыкать к внутренней части мужского туалета. Прохладные белые кирпичи холодят мою кожу, когда я прислоняюсь к стене. Я лениво наклоняю голову в сторону, когда Сет стягивает через голову свою черную майку и бросает ее на пол. Он стоит ко мне спиной, и мой взгляд автоматически прилипает к каждой выпуклости и впадинке на его спине. Я знаю его тело так хорошо, что могу чувствовать его под кончиками пальцев, даже не прикасаясь к нему.

— Может, Дэррил прав... — говорю я, чувствуя уверенность теперь, когда его пристальный взгляд направлен не на меня.

Сет не спешит отвечать. На самом деле он даже не смотрит на меня. Вместо этого он наклоняется, чтобы включить душ. Горячая вода сразу начинает наполнять комнату паром, я чувствую тяжесть в легких, когда пар оседает. Я терпеливо жду, пока Сет заговорит со мной. Проходит две минуты, но все, что ему удастся сделать — это подержать руку под струей горячей воды.

— Сет...

Он резко оборачивается и смотрит на меня исподлобья, заставляя меня ахнуть. Только у него хватает силы воли заставить кого-то громко ахнуть.

— Ты тоже собираешься прочитать мне лекцию сейчас?

— Нет, я...

Он делает шаг вперед, его агрессивные шаги сокращают расстояние между нами и заставляют меня проглотить слова. Я прижимаюсь к стене, ожидая какой-нибудь демонстрации доминирования, но вместо этого он останавливается в трех футах от меня. Странно, но я чувствую холод... Я хочу, чтобы его теплое тело было на моем.

Не в силах сопротивляться его притяжению, я придвигаюсь ближе.

— Я не пытаюсь читать тебе нотации... Я хочу помочь...

— Мне не нужна помощь, — огрызается он на меня, и я отступаю на шаг. — Я в порядке, иду в своем собственном темпе.

Я хмурюсь.

— А когда Дон бьет тебя?

Он бросается вперед, сильно прижимая меня к стене. *Вот это демонстрация доминирования, которую я ждала.* Я не колеблюсь не потому, что не боюсь. Нет, я боюсь. Я чертовски напугана. Я не колеблюсь, потому что знаю, что его расстраивает, когда я

позволяю ему добраться до меня. Его грудь прижата к моей, а бедро протискивается между моих ног. Я полностью обездвижена.

— Ты думаешь, он побьет меня? — рычит Сет, и я быстро качаю головой.

Его теплое и быстрое дыхание ощущается на моем лице, и я ничего так не хочу, как отступить, но должна быть той, кто скажет ему, чтобы он действовал жестко. Ни у кого другого не хватит на это смелости. Кроме того, ему все равно нужно это услышать.

Я потеряла счет его бессонным ночам и больше не могу вычислять его переменчивое настроение. Он непредсказуем даже больше, чем раньше. Впервые с тех пор, как мы начали встречаться, я не знаю, как его понять.

— Я думаю, ты позволишь ему.

Он наклоняется еще ближе, крадя у меня дыхание.

— Если ты сможешь посмотреть мне в глаза и сказать, что искренне считаешь, что я недостаточно усердно работаю, тогда я буду выкладываться сильнее, как и сегодня.

Я прикусываю нижнюю губу зубами. Думаю, что у Сета все в порядке, но я не та, кто изучает его и делает заметки.

— Я думаю, тебе нужно стараться больше. Не для меня или Дэррила, а для себя. Ты не очень хорошо воспринял ситуацию, когда проиграл Дону в прошлый раз. — Я позволяю своим пальцам касаться его твердых боков. — Я не хочу, чтобы это повторилось.

— Это *больше* не повторится, — резко заявляет он, и на этот раз я вздрагиваю.

Я не пытаюсь бороться с ним... Я никогда не хочу намеренно расстраивать его, но иногда нужно что-то сказать. Как он хочет это воспринять, зависит только от него. Я хотела только помочь ему. Он выдыхает, прислоняясь своим лбом к моему. Ранее напряженные мышцы его рук расслабляются, и он перестает упираться руками в стену в оборонительной позе, позволяя им упасть, прежде чем нежно погладить меня по щеке.

— Мысленно я устал, и мне нужно разобраться с этим, прежде чем я начну доводить свое тело до предела. Я не могу быть одновременно умственно и физически истощен, потому что это никому не идет на пользу.

Я киваю, лаская его. *Это понятно*. Я ловлю его руку на своей щеке и подношу ее ко рту. Его глаза на мгновение закрываются, когда я целую его ладонь. Она пахнет и имеет вкус пота и резины, но я не возражаю.

— Что я могу сделать, чтобы помочь? — спрашиваю я.

Он проводит большим пальцем по моей нижней губе, и я сопротивляюсь желанию засосать его в рот.

— Мне нужно, чтобы ты была со мной, а не против меня, и мне нужно, чтобы ты игнорировала все, что говорит Дэррил, потому что я уже знаю обо всем этом. Знаю, что не выкладываюсь полностью. Знаю, что мне нужно тренироваться усерднее, но я также знаю, что я... Я не могу.

Я почти надуваю губы.

— Это из-за меня? Со мной что-то не так?

Сет сжимает мое лицо, заставляя наши лбы соприкоснуться.

— Детка, это не имеет к тебе никакого отношения. Ты успокаиваешь мои беспорядочные мысли, ты это знаешь. Все это из-за меня и из-за того, что я позволил Дону и моему отцу проникнуть ко мне в голову.

Я почти падаю от облегчения.

— Как нам от них избавиться?

Он качает головой и отпускает мое лицо.

— Я не знаю... Но работаю над этим.

Он хмурится, и даже такой глубоко задумчивый он сексуален. Я ничего не могу с собой поделать. Чем дольше смотрю на него, тем сильнее нуждаюсь. Я чувствую, как огонь проносится по моему животу и стекает ниже. Он движется медленно, но жарко полыхает, как лава, и когда он попадает в мой центр, то взрывается, словно бочка с порохом. В мыслях я представляю, как прижимаюсь губами к его губам и беру от него именно то, чего хочу. Представляю, как дергаю себя за волосы и ругаюсь, кричу и стону. Представляю, как он кусает, сосет и лижет до самой кульминации, а мы трахаемся до тех пор, пока он не забудет, кто такой Дон, пока он не забудет свое собственное имя. Я заставляю себя вернуться к реальности, тяжело сглотнув сухость во рту.

— У меня есть временная идея, — говорю я, а мой голос звучит скорее нервно, чем сексуально.

Медовое золото вспыхивает в его радужках, и он проводит языком по нижней губе. Я взвизгиваю, когда ему удастся притянуть меня вперед и схватить за задницу. Мои джинсовые шорты впиваются в мой клитор, а трение вызывает волны возбуждения, пульсирующие во мне.

— Тебе лучше следить за собой, — бормочет он сексуальным и грубоватым тоном, который заставляет меня дышать глубже.

— Есть так много ударов, которые я могу выдержать. — Он кивает на мою рубашку. — И мне уже трудно держать свои руки подальше от тебя в этой обтягивающей рубашке.

Я снова бросаю быстрый взгляд на его губы, а затем снова смотрю в глаза. *Боже! Мои внутренности плавают.*

— Ты прав, — шепчу я, опуская руки. — Эта рубашка ужасно тесная. Тебе следует снять ее.

Он ухмыляется и наклоняется. Его руки отпускают мой зад и находят бедра. Он сжимает их, прижимая меня сильнее к себе.

— Я бы сказал, что ты пожалеешь об этом, но мы оба знаем, что это неправда.

— Это не так?

Он качает головой, зажимает нижнюю губу зубами и отпускает ее.

— Когда я закончу, ты будешь умолять о большем, а не сожалеть о том, что это произошло.

Я улыбаюсь и ловлю себя на том, что снова смотрю на его рот... *Такой сладкий грязный рот.*

— Не уверена, говорил ли тебе кто-нибудь *когда-нибудь*, но уровень твоей уверенности в себе раздражающе высок.

— Теперь, когда ты упомянула об этом, я вспомнил, что была одна девушка, которая неоднократно называла меня чересчур самоуверенным и раздражающим. Она также утверждала, что однажды ненавидела меня... Или что-то очень близкое к этому.

Я тихонько смеюсь, и он продолжает:

— Оказывается, она была ужасной лгуньей с серьезным синдромом отрицания. В итоге она вышла за меня замуж.

— Какая дурочка.

Он слегка кивает, приближая свой рот к моему. Его пухлая теплая нижняя губа касается моей, и у меня перехватывает дыхание.

— Возможно, но теперь она моя дурочка.

Только Сет может заставить оскорбление звучать так тошнотворно романтично... Или, может быть, со мной что-то не так. В конечном счете если дело во мне, я никогда не захочу быть правой. Я выбрасываю эту мысль из головы. Со мной все в порядке. Уверена, что любая девушка потеряла бы всякий ход мыслей из-за такого же соблазнительного рта, находящегося в опасной близости от ее собственных губ... или обнаженного торса, так плотно прижатого к ней. Он дразнит меня в течение нескольких секунд, прижимая свой рот близко и задевая мой. Я хочу подойти ближе и поцеловать его, но я парализована. Бесполезна. Как будто его рот контролирует мою нервную систему, и он все расставил по местам.

— Ты действительно хочешь поцеловать меня, не так ли?

Я выдыхаю свой ответ. Да, у меня слишком пересохло во рту, чтобы говорить, поэтому я *выдохнула* свой ответ ему. *Со мной определено что-то не так.* Он смеется низко и глубоко.

— Я тебя не слышу, — дразнит он, высовывая язык и быстро облизывая мою нижнюю губу. *Матерь божья.*

— Д-да, ужасно.

— Насколько сильно? — спрашивает он, сильнее вжимая свое бедро между моих ног и заставляя меня вздохнуть.

— Как будто тебе нужно объяснение, — удается выдать мне, звуча как нормальный человек, который для разнообразия не находится на грани сексуального насилия над другим человеком.

— Напротив, милая, мне нужно очень хорошее объяснение. Я хочу услышать все пошлые мысли, которые в настоящее время крутятся в твоей сексуальной маленькой головке, чтобы я мог воплотить их в реальность прямо здесь и прямо сейчас.

Его слова пробуждают во мне что-то озорное. Прошло совсем немного времени с тех пор, как Сет был таким же дерзким и сексуальным, как всегда. В последнее время меня угощали молчаливыми объятиями, грубым сексом и в целом сварливым Сетом. Иногда милый Сет показывал свое лицо, но обычно это происходило не без особой поддержки с моей стороны.

— К сожалению, у нас недостаточно времени, чтобы воплотить *все* мои шаловливые мысли в реальность. По крайней мере, не здесь.

Он возражает:

— У нас еще много времени.

— Пожалуйста, не позволяй моему присутствию останавливать тебя.

Мне даже не нужно смотреть. Я бы узнала этот голос где угодно. *Дон «мудак» Рассел.* Мы с Сетом поворачиваем головы в сторону двери. В ту секунду, когда я вижу его, все мое возбуждение, вызванное Сетом, исчезает.

Дон лениво прислоняется к широкому дверному косяку, улыбаясь нам, будто мы старые друзья. Его серая майка позволяет выставить напоказ татуировку в виде змеи, и я хмуро смотрю на нее. *Кто-то действительно должен его остановить. Количества бедных глупых девушек, которых это, вероятно, травмировало, должно быть достаточно, чтобы создать петицию.*

Глаза Дона мечутся между нами, когда Сет отрывается от меня и делает шаг вперед. Я хватаю его за запястье и заставляю оставаться на месте. Последнее, чего я хочу — это чтобы прямо сейчас здесь началась драка. К счастью, Джексон появляется в дверном проеме рядом

с Доном и входит внутрь. Он смотрит на Дона с намерением убить, для меня это так же ясно, как день. Что заставляет меня нервничать, так это тот факт, что я искренне верю, что Джексон убил бы за Сета.

Это, мягко говоря, достойно восхищения. Когда нам было пятнадцать, Селена бросила меня на пути лающей собаки, опасаясь, что она растерзает ее до смерти. К счастью (и не то что бы ей было все равно), собака была на цепи... Иногда я удивляюсь, почему она моя лучшая подруга. В любом случае ясно, что Джексон здесь, чтобы прикрыть Сета на случай, если что-то выйдет из-под контроля. Я бы испугалась такого высокого и мускулистого Джексона с его кричащими татуировками, но Дон игнорирует его, будто того не существует.

— Какого черта ты здесь делаешь? — требует Сет. Все его тело напряжено и готово атаковать в любой момент. Я чувствую это по прикосновению к его запястью.

Дон поднимает руку и чешет свою лысую голову, все еще улыбаясь, как будто выиграл в лотерею.

— О, Мэтт тебе не сказал?

Моя челюсть сжимается.

— Мы тренируемся под одной крышей. — Он смеется, прежде чем позволяет своему скользкому взгляду сосредоточиться исключительно на мне.

Его глаза обшаривают меня с ног до головы, задерживаясь на всех моих интимных местах. Это жутко, и я слегка отступаю за спину Сета, чтобы заблокировать его взгляд.

— Что означает, что после тренировок больше никакого секса... Если ты, конечно, не пригласишь меня.

Он подмигивает мне одним из своих глаз-бусинок, и Сет делает шаг вперед. Я использую импульс, созданный его телом, чтобы быстро броситься перед ним. В отчаянии я прижимаюсь к его торсу, и, наконец, Сет останавливается, но не без раздраженного рычания, от которого у меня покалывает руки.

— Я большая девочка, — говорю я ему. — И могу постоять за себя. — Я поворачиваюсь к Дону, прижимаясь спиной к Сету. Я чувствую, как мышцы его живота сокращаются и расслабляются, сокращаются и снова расслабляются.

— Ты отвратительный, — плюю я в Дона, и его улыбка превращается в насмешку.

— Очаровательный, — возражает он.

— Высокомерный.

— Страстный.

С каждым встречным ударом я крепче сжимаю кулаки.

— Ты несносный, злой, инфантильный, глупый и мерзкий.

Улыбка Дона становится шире, обнажая его раздражающе идеальные зубы, когда он смотрит на Сета.

— Осторожно, Сет, ненависть и похоть разделены тончайшей гранью.

Я ахаю. Как он смеет даже намекать, что я когда-либо буду желать его? Я бы скорее переспала с Джексонем или Дэррилом, чем с Доном. Черт возьми, я бы даже скорее забралась обратно в постель к Блейду, чем к Дону. Тот факт, что у него хватает наглости стоять там и неуважительно высказываться обо мне и моих отношениях в присутствии моего мужа, ужасен. Поступок, который мог совершить только тот, кто еще учится в средней школе. Я иду вперед, видя только красную пелену.

— Ты, сукин сын, немного...

Дыхание вышибло из меня, когда сильная рука Сета схватила меня. Крупная рука

обхватила меня за талию, подняла меня и перекинула через плечо, как будто я ребенок, который не хочет покидать игровую площадку.

— Сет! Отпусти меня!

Я сжимаю руки в кулаки и хлопаю его ладонями по спине.

Кровь приливает к моей голове, заставляя глазное давление подскочить.

— Позвони Мэтту, — приказывает Сет Джексону, его голос на удивление спокоен. — Я не буду тренироваться в одном месте с этим гребаным мудаком.

Дон смеется, и когда мы проходим мимо него, я чувствую, как его пальцы перебирают мои волосы. Я поднимаю взгляд и вижу, как мои шоколадные пряди проскальзывают сквозь кончики его пальцев.

— Иди нахрен! — огрызаюсь я, отвешивая ему пощечину и зарабатывая еще один смешок. — Не прикасайся ко мне.

Я вижу, как пол тренировочного зала выходит из-под ног Сета, когда он уносит меня прочь.

— Сет! — зовет откуда-то Дэррил. Я пытаюсь найти его, попросить его сказать Сету, чтобы он отпустил меня, но у меня кружится голова, и я стискиваю зубы. — Я разберусь с этим.

Сет игнорирует его, и вскоре я оказываюсь в коридоре сразу за дверьми спортзала.

— Теперь ты можешь опустить меня в любой момент... — говорю я, но Сет предпочитает игнорировать и меня.

Я вздыхаю. *Глупый Дон.* Я могла бы прямо сейчас быть в душе и заниматься потрясающим сексом с любовью всей своей жизни.

Вместо этого меня несут на плече, словно я мешок с картошкой.

Большое спасибо, Дон. Я твоя должница, мудака.

***

После того, как Сет привез нас обратно в отель и принял душ в безопасности нашего собственного номера (могу добавить, что он был один), он ушел, чтобы присутствовать на пресс-конференции и разобраться с Мэттом Сомерсом. Сет не слишком горел желанием участвовать в конференции. Не беря в расчет тот факт, что Дон тоже будет там, оказывается, что мой уверенный в себе боец немного стесняется интервью и на самом деле ненавидит говорить о себе. *Ха! Кто бы мог подумать?*

Когда он ушел, я легла на диван и заснула, но через час меня разбудил возбужденный стук в дверь.

— Олив?

Я открываю глаза и, прищурившись, оглядываю гостиничный номер. *Может, показалось?* Я закрываю глаза и подтягиваю колени к груди, сильнее прижимаясь к дивану.

— Олив?

Кто бы это ни был, он пропел это слово словно оперу высоким голосом, прежде чем разразиться приступом смеха.

Олив? Правда? Думаю, что у моего имени много сокращений, и я определенно предпочитаю «Олли», а не «Олив». Я поднимаю голову, и мой мозг как будто перетекает внутри черепа. Мои веки тяжелеют, а сил, которые требуются только для того, чтобы держать их открытыми, недостаточно, так что я снова проваливаюсь в сон.

— О-оли-ив! Открывай!

Я стону. Я должна пресечь это в зародыше, прежде чем оно распространится на кого-то, кому нравится мучить меня. Типа Сета или Селены. Я поднимаюсь с дивана, чувствуя себя хуже, чем до сна, открываю дверь и сразу же хмурюсь, когда вижу сияющее лицо сестры Сета, смотрящей на меня.

— Что делаешь? — Она лениво улыбается, проводя тонкими пальцами по своим темным волосам.

Даже напившаяся до чертиков она раздражающе красива... Совсем как ее брат. *Блин, у них в семье хорошие гены или что?*

— Оливия? — Она хихикает, хватаясь за дверной косяк и глядя на меня так, словно я сумасшедшая.

— Я дремала, спасибо.

— Дремала? Боже, ты начинаешь вести себя как мой брат. — Она протискивается мимо меня. Когда я закрываю за ней дверь, Селена засовывает свою руку внутрь.

— Боже, О, — ругается она, когда я открываю дверь еще раз. — Я тоже здесь.

Я открываю дверь шире и впускаю ее.

— Прости, — говорю я. Я зажимаю маленький локон между пальцами и дергаю за него. — Я тебя не видела.

Селена отмахивается от меня, когда Мэдди нетерпеливо подходит к кухонной стойке и садится на стул. Когда Селена присоединяется к ней, я смотрю на их внешний вид. Мэдди одета в узкие джинсы, которые облегают ее талию и ноги. Ее белая рубашка с открытой спиной низко опускается спереди и прекрасно дополняет ее загар, а белизна зубов кажется ярче на фоне черных волос, ниспадающих на плечи. Я стараюсь не пялиться, но большая часть груди Мэдди выставлена напоказ. Когда она не смотрит, я несколько раз смотрю на ее грудь, пытаюсь решить, настоящая она или нет. Думаю, что настоящая, но пока я не прикоснусь к ней, не смогу узнать. Селена выбрала элегантную блузку королевского синего цвета, которая облегает ее тело. Блузку она заправила в юбку-карандаш, которую выбрала вместо узких джинсов. Селена выглядит умной и сексуальной. Такой, какой должна быть деловая женщина. Единственное, чего ей не хватает — это бизнеса. Я опускаю взгляд на свои джинсовые шорты и майку.

— Я что-то упускаю? — спрашиваю я, почесывая затылок и одновременно подавляя зевок.

— Нет, если оденешься.

Селена улыбается мне, но улыбка не создает морщинок вокруг ее глаз, как это обычно происходит.

— Оденусь для чего?

— Ночной прогулки. Только девочки.

О, черт, нет. Я качаю головой. Я не была в Вегасе со времен «Мятного Носорога» (*прим. — Сеть стрип-клубов в США, Великобритании, Австралии*) и не собираюсь менять это сегодня вечером. Если прошедший год чему-то меня и научил, так это тому, что я не преуспеваю в походах клубы.

Всякий раз, когда я нахожусь в одном из них, карме удастся точно определить мое местоположение и направить всю свою энергию на меня.

— Нет, спасибо.

— Ты не можешь сказать «нет», Оливия, — возражает Мэдди. — Будем только мы, и я отвезу тебя в одно из моих любимых мест. Я знаю владельца, менеджера, охрану. Всех. Мы

можем пить и веселиться без всяких проблем. Кроме того, Селене действительно нужно пропустить стаканчик прямо сейчас.

— Или два, — кротно добавляет она.

— Почему? — спрашиваю я.

— Мы с Джексоном переживаем немного трудный период, и я выгнала его из нашей комнаты. — Она говорит это так, будто в этом нет ничего особенного, и быстро пожимает плечами.

У меня отвисает челюсть. Я должна обижаться, что узнала об этом только сейчас?

После Мэдди?

— Вы двое расстались?

Она снова пожимает плечами, погружаясь в себя.

— Да. Нет... Не знаю. Я даже не знаю, встречались ли мы с самого начала.

Я делаю шаг вперед.

— Сел, почему ты не позвонила?

— Потому что я думала, что он все исправит.

— Джексон всегда был сложным человеком, — говорит Мэдди, соскальзывая со своего стула. — И он несомненно самый испорченный парень, которого я знаю, но не ставь на нем крест. Он страстный и заботливый. Он никогда не сделал бы ничего, чтобы причинить тебе боль нарочно, это я знаю точно.

— Откуда? — спрашивает Селена с надеждой в голосе.

— Я просто знаю, а теперь мы будем сидеть и разговаривать или пойдем куда-нибудь?

Мэдди улыбается мне, ее светло-карие глаза блестят. Как я могу отказать? В конце концов она моя невестка, и я уверена, что Сет не будет возражать, если я проведу ночь с Мэдди. Я не могу позволить Селене справляться со всем этим в одиночку. Ей нужна моя поддержка. И если это означает торчать в баре против моей воли, то так тому и быть.

Я выдыхаю и оборачиваюсь.

— Дайте мне десять минут.

***

Сет

Я жую зубочистку и кручу крошечный кусочек бумаги между пальцами, делая все возможное, чтобы отвлечься от желания перегнуться через Мэтта и ударить Дона в лицо. Я не отрываю глаз от стола, игнорируя вспышки камер и нетерпеливых людей. Если есть что-то, что я ненавижу в том, чтобы стать профессионалом, так это внимание. Вероятность того, что я скажу или сделаю что-нибудь глупое очень высока. Одно неверное слово — и обо мне напишут во всех газетах и журналах, а также в интернете. Я чувствую Джексона рядом за моей спиной. Напряжение накатывает на него волнами, и я знаю, что это не имеет ничего общего тем, что происходит здесь и сейчас. Селена выгнала его и явно ждет, что он извинится. Я не знаю, что произошло между ними, но знаю, что Джексон никогда не говорил слова «прости» за всю свою жизнь, даже когда виноват.

— Что ты думаешь, Сет? — спрашивает хриплый женский голос.

Ее голос очень похож на голос Оливии, и этого само по себе достаточно, чтобы заставить меня поднять взгляд на море репортеров передо мной. Я смотрю на девушку, которая держит свой диктофон ближе всех. Хотя ее голос звучит как у Оливии, она определенно не похожа на нее. У нее каштановые волосы до ушей, как у маленькой феи. Она

моргает, глядя на меня и ожидая ответа.

Блядь. Я понятия не имею, о чем она говорит. Чтобы выиграть время, я поднимаю руку и вытаскиваю зубочистку изо рта.

— Дон вызвал тебя, братан, — бормочет Джексон, пиная мой стул.

Я роняю бумагу, которую крутил в руке, и вместо этого тереблю зубочистку.

— Дон понятия не имеет, о чем говорит. — Репортеры смеются. — Я попал сюда благодаря себе. Он попал сюда благодаря *моему* имени, потому что был тем парнем, которого я избил, чтобы попасть сюда.

— Может, это и так, — отвечает Дон, — но я все равно победил тебя в прошлом раунде, малыш, и уверен, что твоя уязвленная гордость это доказывает. Не говоря уже о том, что это было записано на видео.

Я посмотрел на Мэтта, мое зрение слегка затуманивает красная дымка. Если я не буду осторожен, то запрыгну на этот стол и надеру Дону задницу прямо сейчас.

— Ты сжульничал, и кого, черт возьми, ты называешь малышом, ты, ублюдок...

— Как вы можете видеть... — перебивает Мэтт, постукивая маленькой белой карточкой по столу и прерывая меня. Я откидываюсь на спинку стула и засовываю в рот свою изжеванную зубочистку. — Сету и Дону еще предстоит разобраться во многих вещах, и вы сможете быть свидетелями этому шестнадцатого июля.

Я стискиваю зубочистку между зубами и щелкаю по ней языком.

Мэтт искоса смотрит на меня, прежде чем продолжить:

— Сет сегодня немного не в себе. Ранее он узнал, что они с Доном будут тренироваться в одном центре. Этим утром Дон пришел на тренировку пораньше и застал... интимный... момент между Сетом и его женой Оливией.

Зрители охают и присвистывают, как будто у них есть какое-то право быть посвященными в такого рода информацию. Я медленно поворачиваю голову в сторону Мэтта. *Какое это имеет отношение к чему-либо?*

Я слышу, как Дон смеется.

— Сет счастливчик...

Я точно знаю, к чему это приведет. Я сжимаю кулаки и стискиваю челюсти. Зубочистка ломается пополам между моими зубами.

— У Оливии неплохая задница.

Я не задумываясь реагирую. Отталкиваюсь от стола, откидывая стул назад, и вскакиваю на ноги.

Дон делает то же самое. И все это с огромной гребаной улыбкой на лице. Одна рука Джексона проходит под моей подмышкой и ложится мне на лопатку, а другая обхватывает грудь, когда Мэтт поднимается на ноги. Он наклоняется ко мне и протягивает ладони в успокаивающем жесте. Его руки подбираются все ближе и ближе, и я отталкиваю Джексона, прежде чем оттолкнуть Мэтта.

— Не прикасайся ко мне, блядь, — рычу я, и мне требуется вся сила воли, чтобы не развернуться и не сбить их обоих с ног.

Я протискиваюсь мимо Джексона и спускаюсь на две маленькие ступеньки, прежде чем выйти через боковую дверь в коридор. До того, как дверь закрывается, я слышу, как репортеры сходят с ума, атакуя Мэтта и Дона вопросами. Конечно, они развлекают их, как гребаные пони на шоу. Джексон следует за мной, и я начинаю ходить взад-вперед. *Семь шагов вперед. Поворот. Еще семь шагов.* Мне повезло, что Дэррила здесь нет. Он бы надрал

мне задницу в эту самую секунду, если бы был... Или, может быть, он гордился бы тем, что я ушел, никого не ударив.

— Хорошо, — выдыхает Джексон, прислоняясь к стене. Он потирает свой татуированный затылок. — Все прошло намного лучше, чем я ожидал.

Я останавливаюсь и хмуро смотрю на него. Джексон, похоже, доволен итогами пресс-конференции. Его тонкая верхняя губа изогнута, как будто он пытается не улыбнуться. «*Расслабься*, — говорю я себе. — *Ты выбрался оттуда, никого не задев*». Мой хмурый взгляд быстро превращается в улыбку, и я смеюсь себе под нос, разжимая кулаки.

— Ты думал, я его ударю?

— Черт, да, я бы так и сделал.

Он сгибает ногу в колене и полностью расслабляется, прислонившись к стене, пока я засовываю руки в карманы джинсов.

— Дэррил будет зол, — говорю я.

Джексон пожимает плечами.

— Нет, нам удалось выбраться, не испортив твой контракт ММАС, так что думаю, что он будет счастлив независимо от того, что произошло.

Я киваю.

— Он играет с нами, ты же знаешь.

— Кто? Дэррил?

Я качаю головой.

— Мэтт. Он заводит нас, как диких собак, зная, что мы не можем прикоснуться друг к другу, пока не окажемся в клетке.

— Это его бой года, он хочет, чтобы он был напряженным. Хотя я не знаю, почему он из кожи вон лезет, чтобы разозлить тебя. Я имею в виду, что все, что нужно сделать Дону — это посмотреть на тебя, и тебе захочется ударить его.

Я ухмыляюсь, вытаскивая телефон из кармана.

— Да, ну, нет плохой рекламы, верно? Он хочет, чтобы мы подрались, вцепившись друг другу в глотки. И у меня такое чувство, что это не будет проблемой.

Я бросаю взгляд на свой экран и вижу два пропущенных звонка и одно текстовое сообщение от Оливии. Я открываю сообщение:

ОТ КОГО: ОЛИВИЯ

ВРЕМЯ: 18:26

Привет! Не знаю точно, когда ты вернешься домой, но не волнуйся, если приедешь, а меня не будет.

Мэдди и Селена похитили меня на девичник.

Мы в «Салеме», если хочешь заскочить <3

— Ты хмуришься, — говорит Джексон. — Что случилось?

Я выключаю телефон и опускаю его обратно в карман. Я надеюсь, что они знают, что делают. У нас с Оливией официальный ужин с ММАС в девять.

— Мэдди и Селена пригласили Оливию на *девичник*.

Он закатывает глаза и отталкивается от стены.

— Так что мы делаем сегодня вечером?

Джексон на многое намекает своими словами, но он не в своем уме, если думает, что я

собираюсь куда-то пойти. Я покончил с клубами. Какой в этом смысл? Я могу напиться, заняться сексом и сэкономить деньги даже не выходя из собственного дома. Кроме того, я ни за что не оставлю Оливию в Вегасе наедине с моей сестрой, которая в прошлом была стриптизершей, и Селеной.

— Мы собираемся встретиться с ними в «Салем».

Джексон качает головой.

— Нет, чувак, сейчас между мной и Селеной не все хорошо.

Обычно я отмахиваюсь от проблем Джексона и Селены в основном потому, что она меня раздражает, но на этот раз я спрашиваю:

— Что ты сделал?

— Что я сделал?

Я киваю, слегка улыбаясь.

— Да.

Он пожимает плечами, и его взгляд опускается на пол. Я наблюдаю, как он на секунду задумывается, крепко сжимая челюсти. Не удивлюсь, если он решит не рассказывать мне об этом. Он не из тех, кто по-настоящему делится своими проблемами... Во всяком случае до Селены.

Он выдыхает и позволяет себе прислониться спиной к стене.

— Она сказала, что любит меня.

Я резко вдыхаю, издавая звук, который издает человек, порезавший палец. Внезапно мне становится жаль Селену, но она, конечно, должна знать, что Джексон не из тех парней, которые серьезно увлекаются девушкой... Разве он не сказал ей об этом? Разве он не установил четкие границы, чтобы определить тип отношений, которые он изначально хотел с ней? Он хочет секса. Все, чего он когда-либо хотел — это секс.

— Я просто посмотрел на нее, Сет, как на оленя в свете фар, и едва кивнул. — Он хлопает себя ладонью по лицу и стонет. — Как я мог быть таким тупым?

— Ты любишь ее? — спрашиваю я и чувствую маленький пузырек волнения в своей груди.

Джексон — мой лучший друг, мой брат. Он был шафером на моей свадьбе и заслуживает того, чтобы быть счастливым. Он заслуживает влюбиться, быть наполненным той же страстью, которой Оливия наполняет меня каждый день. Заслуживает перестать быть той разбитой оболочкой человека, в которую его превратила эта сука и шлюха Амелия.

Он начинает качать головой, затем останавливается и сжимается.

— Я даже больше не знаю, что это значит.

Он смотрит в пол, глубоко задумавшись.

— Забочусь ли я о ней? Много ли она для меня значит? Да. Я не хочу, чтобы ей было больно, и я не хочу делить ее с кем-то еще... Но в то же время я смотрю на тебя и Оливию, и вы двое счастливы вместе. Меня от этого немного тошнит.

Я усмехаюсь.

— Отвали.

Он смеется, выставя ладони в успокаивающем жесте.

— Я хочу сказать, что не думаю, что способен сделать ее такой же счастливой, как ты делаешь Оливию. Я счастлив просто существовать... И не знаю, счастлив ли я делать это в одиночку или с Селеной. Вот что я пытаюсь понять. — Он прикусывает губу, прежде чем добавить: — Я все еще пытаюсь отпустить...

— Я знаю, — говорю я, прежде чем ее имя срывается с его губ. — *Ее*.

Он тяжело сглатывает.

— Я не рассказал Селене всю историю до конца. Она знает, что была девушка и что у нас ничего не вышло... Но она не понимает, что я все еще застрял там, где был... *С ней*. Я любил ее. Я отдал ей все, подчинился ее желаниям, превратился в мужчину, которого она хотела, полностью потеряв себя в процессе... Я не могу сделать это снова.

Я складываю руки на груди. Ему не нужно мне ничего объяснять. Я понимаю... Но не думаю, что она согласится.

— Я не знаю, что делать, — выдыхает он, во второй раз отталкиваясь от стены. — Но я что-нибудь придумаю.

Он всегда так делает, но сейчас мне нужна его компания. Если девочки пьяны, я не смогу отнести их всех троих домой.

— Ты же знаешь, что должен пойти со мной в «Салем», верно?

Он направляется к двери в конце коридора и смеется.

— Да, знаю.

***

«Удел Салема» — это байкерский бар. Конечно, Мэдди притащила бы сюда девочек. У моей сестры всегда была нездоровая одержимость мотоциклами, татуировками и кожей, так что вполне логично, что она найдет самый большой клуб в Лас-Вегасе, продвигающий ее любимые вещи.

Я выхожу из машины и захопываю за собой дверь. Слева от себя слышу женский вздох. Я смотрю в направлении шума и вижу мужчину и женщину, которые, очевидно, не просто так лежат на мотоцикле «Харли Дэвидсон». К моему прискорбному удивлению, женщина не успевает вовремя прикрыть свой сосок, чтобы я не увидел татуировку дракона, которая его окружает. Я отворачиваюсь и смеюсь.

— Боже.

Я люблю татуировки, но мысль о том, что одна из них будет выколота на моем соске, заставляет их втягиваться в внутрь.

Рок-музыка, льющая из заведения, громкая, но недостаточно, чтобы заглушить ужасный смех и пьяные истории обитателей внутри. За то короткое время, что я уже провел здесь, решил, что Оливия, моя сестра и Селена *не* останутся здесь ни на минуту.

— Следи за собой, Сет, — кричит Джексон мне в ухо, когда я хватаюсь за ручку входной двери. — Это последнее место, где ты захочешь ввязаться в драку.

Он прав. Драка здесь была бы (вероятно) очень плохим решением для меня. Кто знает, в какое сумасшедшее дерьмо втянуты эти парни? Открываю дверь и захожу внутрь. Немедленно пробираюсь сквозь толпу людей, стараясь никого не касаться. Не потому, что я боюсь, а потому что мне бы не хотелось, чтобы запах остался на моей одежде. К счастью, когда я захожу достаточно глубоко, запахи несвежего пива и арахиса перебивает запах кожи. Когда продвигаюсь к бару, я позволяю своим глазам сканировать посетителей, выискивая яркие короткие платья и пронзительный смех. Девочки сегодня вышли далеко за рамки своего обычного поведения. Каждая вторая женщина здесь одета в какую-нибудь разновидность кожи с блестящими пряжками. Их тела покрыты татуировками и пирсингом, большинство щеголяет с наполовину выбритой головой. Красивые? Некоторые. Пугающие? Черт возьми, да.

Когда я подхожу к бару, то краем глаза замечаю яркую вспышку розовой ткани. Я поворачиваюсь, но двое крупных мужчин встают у меня на пути, загоразивая это платье. Это либо Селена, либо Оливия. Моя сестра не надела бы в клуб Вегаса розовое, даже несмотря на то, что это ее любимый цвет. Я останавливаюсь и терпеливо жду, пока мужчины отойдут, в конце концов они это делают, и тогда я вижу Оливию, сидящую в баре в том самом коротком розовом платье. Еще вижу Мэдди, стоящую рядом с моей женой и пьющую шот за шотом. Я мысленно насчитываю в общей сложности четыре. Оказывается Мэдди очень любит выпить. Но Оливия едва может держать себя в руках после одного бокала вина, и ей следует знать, что лучше не пить, когда меня нет рядом, чтобы позаботиться о ней. Особенно в таком месте, как это. Когда Мэдди отходит, высокий байкер в кожаном жилете и темных джинсах, выглядящий как мальчишка, проскальзывает на ее место и наклоняется к моей жене, дыша на нее.

Я делаю шаг вперед, но Джексон хватается меня за руку.

— Наблюдай, — кричит он мне в ухо. — Она не знает, что ты здесь, посмотри, как она справится с этим.

Он продолжает сжимать мою руку, не позволяя мне вмешаться и помочь. Оливия вежливо улыбается этому подонку, который так явно (и так жутко) пялится на нее. Я ненавижу это. Я вырываю руку из хватки Джексона и иду вперед. Когда я подхожу к ней, парень встает со стула и отходит от бара. Я хочу крикнуть ему вслед, но ради нашего плана решаю этого не делать. Я остаюсь незамеченным, когда Оливия опускается на стойку бара, кладя голову на руки, поэтому протягиваю руку и убираю прядь волос с ее щеки. Она резко выпрямляется, отбрасывая мою руку. Поверхность моей кожи покалывает, и я ловлю ее взгляд. Разозленный взгляд дикой кошки. Я улыбаюсь. Хорошо. Она должна была бы бить по рукам. Когда ее глаза фокусируются на моем лице, хмурое выражение на нем исчезает, сменяясь взволнованной улыбкой.

— Ты напугал меня! — невнятно произносит она, вскакивая со стула и бросаясь в мои объятия. — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, отвези меня домой.

— Где Селена? — спрашивает Джексон Оливию, небрежно оглядывая бар.

Лицо Оливии вытягивается, и я вижу, что она пьяна и не может скрыть разочарования, которое испытывает по отношению к Джексону. Думаю, Селена сказала ей.

— Она пошла домой, — прямо отвечает она. — Она была не в настроении благодарить тебе.

— Похоже, я оказал услугу ее печени, — парирует Джексон.

Оливия хмурится и качает головой, глядя на него. Это типичная гребаная Селена, которая тащит Оливию куда-то, а потом решает, что она не в настроении. Большую часть времени Селена заботится только о себе, и это моя самая большая претензия к ней. Эта женщина эгоистична до самой глубины души.

— О, пожалуйста, скажи мне, что ты не забираешь моего единственного собутыльника? — Мэдди надувает губы, проскальзывая перед нами. Она делает знак бармену, и он ставит еще две рюмки. Она покачивается на ногах, опрокидывая два крошечных шота виски. Мне следовало бы пристально посмотреть на нее или отчитать за то, что она пришла сюда, но я знаю её. Мэдди делает то, что хочет.

— Хватай её, — говорю я Джексону, отворачиваясь от бара. — Поехали домой.

Мне не нужно проверять свой телефон, чтобы знать, что у меня есть всего полтора часа до ужина. Ужин, на котором мы с Оливией должны были присутствовать вместе. Похоже, я

иду один, чего давно не делал... Во всех смыслах этого слова.

Оливия

Джексон и Мэдди занимают переднюю половину машины, оставляя нас с Сетом сзади. Я нажимаю пальцем на пуговицу джинсов Сета, и он отмахивается от меня. Я не могу удержаться от хихиканья, пытаюсь снова и снова расстегнуть его штаны.

— Оливия, — предупреждает он меня низким и грубым голосом. — Держи свои руки при себе.

Это было бы угрожающе, если бы он не сдерживал улыбку. Я откидываюсь на спинку, наклоняюсь и тихо отстегиваю ремень безопасности. Затем поворачиваюсь на сиденье и смотрю на Сета. Он наблюдает за проносящимися мимо нас зданиями, совершенно не обращая внимания на последовавшую с моей стороны атаку. Я не собиралась ничего делать. По крайней мере, пока Джексон и сестра Сета здесь, но мне нравится заставлять его чувствовать себя неловко. Он так часто проделывает это со мной. Я кладу руку ему на колено, и его губы подергиваются. Я провожу по его ноге дальше, двигая пальцами так, словно моя рука — это паук. Муж искоса смотрит на меня, и я невинно улыбаюсь. Когда достигаю середины его бедра, Сет отстегивает свой ремень безопасности, и я вскрикиваю, когда он хватает меня, сжимает в своих сильных руках и придавливает к сиденью. Он давит на меня своим весом до такой степени, что я не могу дышать, и приближает свой рот прямо к моему уху.

— Это то, чего ты хочешь?

— Я хотела внимания, — говорю, затаив дыхание. — Но это тоже подойдет.

Я дрожу, когда его теплый язык пробегает по мочке моего уха, и у меня кружится голова. Я знаю, что это по большей части из-за алкоголя, но есть небольшая часть моего мозга, которая, кажется, отстранена и кружится в противоположном направлении. Эта часть кружится только потому, что *он* рядом. Его чистый аромат проникает в меня, и я делаю глубокий вдох.

— Ты забыла, — шепчет он мне, целуя мочку моего уха.

— Забыла?

Сет отрывается от меня, и кислород наполняет мои легкие. Я использую локти, чтобы принять сидячее положение, и откидываю голову на спинку сиденья, чтобы не опрокинуться. Выражение лица Сета становится напряженным. Его губы сжимаются в тонкую линию.

— Ты забыла, что у нас ужин через час.

Джексон наклоняется и включает радио, давая нам с Сетом немного больше уединения. Мэдди оглядывается через плечо с широко раскрытыми глазами и сожалением в них. *О, нет.* Он прав, я правда забыла. В течение двух недель он напоминал мне об этом ужине... И я, черт возьми, забыла!

— Черт, — произношу я, прижимая ладонь ко лбу. — Я забыла. Мне так жаль. Я не хотела...

— Все в порядке, — просто говорит он.

Я ерзаю на своем сиденье, придвигаясь ближе к нему. Я запускаю пальцы в волосы и несколько раз хлопаю себя по лицу. Сет берет мои руки в свои большие и теплые и кладет их себе на колени с хриплым смехом.

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь протрезветь, — говорю ему.

— В этом нет необходимости. Ты не пойдешь. — Он протягивает руку и гладит меня по щеке. — Отвезем тебя ко мне, отведем в душ и уложим в постель. Я пойду один.

Я прижимаюсь к его руке, прежде чем опустить голову ему на плечо. Не собираюсь спорить. Я не в том состоянии, чтобы разгуливать в обтягивающем платье и на каблуках.

— Мне правда очень жаль.

— Я знаю, что это так, но не надо. Все в порядке, правда.

— Правда-правда?

Он задумывается на секунду, прежде чем улыбнуться мне сверху вниз.

— Правда-правда. Я водил тебя на все свои мероприятия. Ты заслуживаешь выходной.

Мое сердце тает. Временами я боюсь реакции Сета на происходящее. Она может быть любой и чаще всего идет наперекор ожидаемой, но время от времени он делает такие вещи. Вещи, ради которых я живу. Они держат меня в напряжении и делают его непредсказуемым... Именно так, как мне нравится. Я хватаю его лицо и притягиваю к своему, прежде чем прижаться губами к его губам. Я ожидаю, что он отстранится, но вместо этого он открывает рот, и я погружаю свой язык внутрь. Все мое тело вибрирует, когда его грубая рука скользит вверх по моему бедру, поднимая ткань все выше и выше. Я хочу большего. Мое сердце грозит выскочить из груди, и я знаю, что если открою глаза и увижу его лицо, то вспыхну пламенем.

— Серьезно? Сейчас? — жалуется Мэдди с переднего сиденья, делая музыку громче. — Вы двое отвратительны.

Сет прикусывает мою нижнюю губу и отрывает свой восхитительный рот. Я надуваю губы и снова прижимаюсь к нему. Я хочу целовать его вечно. Хочу почувствовать прилив, который его тело создает внутри меня. Когда он прикасается ко мне, я чувствую себя вулканом, готовым к извержению, и когда лава в конце концов изливается наружу, все мое тело горит. Жар невозможно утолить, он льется медленно, пузырясь и сжигая все на своем пути. Это непреодолимая сила... Это неизбежный побочный эффект мощного прикосновения Сета Марка.

И я не могу насытиться.

***

Я открываю глаза и морщусь от яркого света. Я чувствую, как все мое тело парит над землей, когда меня несут в мою комнату. Голова кружится сильнее, чем в машине, и если бы не знала лучше, что произошло, то сказала бы, что Сет кружил, кружил и кружил меня просто ради удовольствия. Я стону, и он прижимает меня к себе с легким смешком.

— Почти пришли.

Мои веки тяжелы, словно они из камня, и я снова закрываю глаза. Когда я открываю их в следующий раз, он несет меня вверх по лестнице через спальню в ванную. Мой муж ставит меня на пол и прислоняет к стене, все еще крепко держа за плечо. Сет смотрит на меня своими неожиданно яркими карими глазами, когда я сбрасываю туфли на каблуке.

— Я собираюсь раздеть тебя, детка, а затем отвести в душ, хорошо?

Я хихикаю, когда моя игривость выплывает на поверхность.

— Мне нравится, когда ты говоришь непристойности.

Он смеется, его глаза встречаются с моими.

— Не сомневаюсь, но сейчас я серьезен.

— *Уверена, что так и есть,* — передразниваю я его, стараясь изо всех сил произвести впечатление на Сета. Я хватаю его за воротник рубашки и притягиваю к себе. — Давай немного повеселимся.

Он прижимается ко мне всем телом и придавливает меня к стене, держа свое лицо в нескольких дюймах от моего. Рой пчел заполняет мой живот, угрожая вырваться из него и навредить другим частям тела.

— Как бы сильно я не *любил* веселиться, сегодня плотный график, и я не могу позволить себе пропустить ужин.

Я прикусываю губу зубами и обхватываю пальцами подол его рубашки. У меня между ног пульсирует в горячем мучительном ритме, и я никак не могу позволить ему уйти прямо сейчас.

— Кого волнует, если ты пропустишь ужин... Ты можешь съесть десерт, если останешься.

Его веки тяжелеют, а глаза сужаются, возбуждая меня сильнее, чем когда-либо раньше. Я вижу по его глазам, как работают шестеренки у него в голове. Он пытается найти способ остаться со мной. Его глаза закрываются, и он делает успокаивающий выдох. Когда Сет открывает их, похоть в его глазах, которая мне так нравятся, исчезает.

— Этот ужин очень важен.

Мое лицо вытягивается, и я вздыхаю, поворачиваясь. Думаю, я смогу сдержаться хотя бы *одну* ночь.

— Хорошо, я буду вести себя хорошо. Расстегни мне молнию.

Он нежно убирает мои волосы, но в то мгновение, когда самый кончик его пальца касается кожи на задней части моей шеи, все мое тело снова вспыхивает, словно вулкан. Я чувствую, как молния тянется вниз по всей моей спине, и даже слышу, как Сет слегка выдыхает, когда стягивает розовое платье с моего тела. Я прижимаюсь лбом к кафелю на стене, когда он проводит большим пальцем по моему позвоночнику. Вверх и вниз, вверх и вниз. Я ухмыляюсь.

— Ты передумал, Сет? — дразню я, слегка выгибая спину.

— Ужин важен, — снова говорит он, но я думаю, что он делает это больше для себя, чем для меня.

Он расстегивает лифчик, и тот падает к моим ногам. Я жду несколько секунд, думая, что его пальцы сомкнутся вокруг моих трусиков, но ничего не происходит. Он не двигается, чтобы снять с меня последний предмет одежды, поэтому я поворачиваюсь. Его взгляд быстро опускается на мою грудь, прежде чем вернуться к моему лицу. Я подхожу ближе, довольная тем фактом, что мне удастся не споткнуться и не пошатнуться, и беру его руки в свои. Притягиваю его к себе, помещая их чуть ниже моих бедер, прямо на край нижнего белья.

— Последний кусочек, — говорю я ему, дьявольски улыбаясь.

Его лицо напрягается, и это заставляет мое сердце биться быстрее.

— Тебе действительно нужна моя помощь с этим крошечным кусочком ткани?

Я невинно киваю.

— А если я упаду? — Он не двигается, и я сдерживаю улыбку. — Что такое? Ты боишься, что не сможешь уйти, как только я разденусь?

Его глаза темнеют, когда он принимает вызов. Мы смотрим друг другу в глаза, когда он цепляет пальцами мои трусики и стягивает их с бедер по моей заднице. Он низко приседает

и осторожно стаскивает их с моих ног, а затем складывает вместе с остальной одеждой на полу. Почти сразу же его руки взлетают к моим ногам, и я чувствую его рот, который нежно целует внутреннюю сторону моего бедра. Я стону и прислоняюсь к стене, мои колени дрожат, угрожая подогнуться. Я запускаю пальцы в его волосы, и он перестает целовать, кладя голову мне на бедро.

— Ужин. Мне нужно идти, — бормочет он, прежде чем подняться на ноги. Он поворачивается и открывает дверь душа.

— Ух ты. Дразнилка.

Подчиняясь быстрому жесту его руки, я опускаю плечи и вхожу в душ. Он отодвигает насадку для душа в сторону и включает кран. Холодная вода отскакивает от плитки и попадает на мою кожу, вызывая мурашки. Вскоре после этого вода становится теплой, и я могу стоять под потоком. Вода, стекающая по моей шее и плечам, приятная на ощупь. Это прочищает мне голову и снимает некоторые последствия употребления алкоголя. Все то время, пока я стою под струей, мое тело отказывается игнорировать присутствие Сета. Он все еще стоит у открытой двери, наблюдая за мной.

— Разве тебе не нужно на ужин? — спрашиваю я, сдерживая улыбку.

— Я соберусь, как только ты вымоешься и ляжешь в постель. Не хочу, чтобы ты поскользнулась и сломала шею, пока меня не будет.

Как всегда такой милый и заботливый. Я поворачиваюсь и наклоняюсь за шампунем, заставляя Сета выругаться позади меня.

— Тебе нравится делать это по-настоящему мучительным для меня, не так ли?

Я выпрямляюсь и оглядываюсь через плечо, моргая.

— Понятия не имею, о чем ты.

Я выдавливаю шампунь на волосы и втираю его в кожу головы. Закрываю глаза, откидываю голову назад и позволяю резкому потоку воды смыть пену с моих волос. Я делаю то же самое с кондиционером, но сжимаю его слишком сильно, и лишняя жидкость выливается мне на тело, покрывая левую грудь. Игнорируя это, я втираю кондиционер в волосы и массирую кончики, прежде чем снова опустить голову под воду. Когда я вымываю кондиционер из волос, то чувствую, как теплая большая рука обхватывает мою грудь. Я напрягаюсь, высовываюсь из-под воды и открываю глаза. Он в душе. В одежде. Образ его наполовину мокрой рубашки и промокших джинсов заставляет мое сердце биться быстрее. Я вспыхиваю. Он закрывает глаза.

— У меня важный у...

— Если ты еще раз скажешь «ужин», клянусь Богом, я надеру тебе задницу. — Его глаза открываются, и медовые искорки в его радужках светлеют, заставляя мои внутренности загораться. — Ты же не прыгнул в душ полностью одетым, чтобы сказать мне, что идешь на ужин, не так ли?

Он качает головой, и я подхожу ближе. Когда я прижимаюсь к нему, его рубашка прилипает к моему мокрому телу.

— Что это будет, Сет? Ужин или десерт?

Я внимательно наблюдаю, как он проводит языком по нижней губе, размышляя, что делать дальше, и молюсь, чтобы он не решил выйти. Я хочу, чтобы он остался прямо здесь, со мной. Я терпеливо жду, когда он скажет что-нибудь. Что угодно. А затем он резко начинает двигаться, снимая рубашку через голову.

— Я отправлю Дэррила на ужин. Он может говорить от моего имени.

Рубашка выпадает из его руки и с тяжелым шлепком падает на пол душа. Его рука находит мое бедро, и я ахаю, когда он притягивает меня к себе.

— Ты уверена, что не слишком пьяна? — спрашивает он, убирая мокрую прядь волос с моего лица.

Я засовываю палец ему под ремень.

— Я могу быть трезвой или пьяной в хлам, но все равно буду хотеть тебя.

Мучительно медленно он приближает свой рот к моему. Но прежде чем прикоснуться, дьявольски ухмыляется.

— Повернись, положи ладони на стену и раздвинь ноги.

Волнение бурлит во мне. Должно быть, я слишком сильно его дразнила. Сет контролирует и требует секса только по двум причинам: если у нас давно не было секса или если я слишком долго дразнила его, и он больше не может ждать. Без каких-либо жалоб я поворачиваюсь и делаю в точности то, что мне говорят.

Сет

Один... Два... Три... Четыре... Пять... Оливия зажимает свою сексуальную пухлую губу зубами. *Черт! Один... Два... Три... Четыре...* Она наклоняется, чтобы поднять что-то с пола, и я вижу ее сверху донизу. *Эта грудь...* Та же, которую я прижимал к стене душа прошлой ночью. Я качаю головой и начинаю отсчет с самого начала. *Твою мать.* В чем смысл? Я считал свои шаги, бегая трусцой по беговой дорожке, чтобы отвлечься от Оливии. Когда я тренируюсь, то возбуждаюсь сразу в нескольких смыслах, и не собираюсь приглашать О в душевую. Не тогда, когда Дон будет тренироваться после меня. Я собирался попросить Оливию не приходить на тренировку этим утром, но, черт, она выскочила из ванной выглядя такой милой в своих крошечных черных шортах и свободной розовой майке. Ей нравится быть здесь. Ей нравится наблюдать за мной и чувствовать, что она часть этого. Это мило. Мне нравится, что это делает ее счастливой, а когда счастлива она, то счастлив и я.

— Сет! — кричит Дэррил с другого конца комнаты, вырывая меня из мыслей. Я замедляю беговую дорожку до шага и нажимаю на «стоп». Я иду по ней, пока она не перестает двигаться.

— Клетка, сейчас, — требует он. Кивнув, я схожу с беговой дорожки.

Я хватаю полотенце и вытираю лицо, пока Дэррил кивает Джексону, который надевает боксерский шлем и перчатки и поднимается по лестнице в клетку. Я пересекаю спортзал, переступая через гири и разбросанные мешки с песком. Беру перчатки, игнорируя шлем, когда Дэррил качает головой, перекидывая снаряжение через плечо.

— Ты не собираешься пропускать удар, — вздыхает он. — Я понимаю.

Я игриво толкаю его в плечо и присоединяюсь к Джексону в клетке. Я встряхиваю руками, расслабляя мышцы. Джексон хорош. Он самый сложный спарринг-партнер из всех, что у меня был. Я всегда говорил ему присоединиться к ММА, но он больше не дерется. Он привык. Это был наш план: быть в ММАС вместе, но после всего дерьма с Амелией он потерял себя. По его словам, он ввязывался в слишком большое количество драк из-за нее, и теперь мысль о драке выводит его из себя. В эти дни он помогает мне осуществить мою мечту, отказываясь при этом от своей собственной.

— Я не собираюсь жалеть тебя, красавчик. — Джексон смеется, поднимая кулаки. — Время игр закончилось.

Я смеюсь. *Красавчик? Это большой комплимент от него.*

— Ладно. Самое время тебе оживить свои тренировки. Мне становится скучно.

Я смотрю на Оливию, которая стоит рядом с Дэррилом. Они увлечены разговором, ее губы сжаты вместе, и она качает головой, указывая пальцем ему в грудь. Четкая решимость на ее лице сексуальна... Мне нравится, когда она злится, и надеюсь, что она отчитывает Дэррила за вчерашнее. Если у него есть проблемы с моим обучением, он должен прийти ко мне, а не к ней. Он всегда идет к ней, ставя ее в затруднительное положение.

— Руки вверх, — приказывает Джексон, и я возвращаю свое внимание к клетке. Я подчиняюсь. Сегодня я в настроении для спарринга. Особенно после вчерашнего интервью с Доном. Я бросаю взгляд на большие стальные часы. У меня есть сорок минут, пока Дон и его команда не войдут в двери. Я хочу убраться отсюда до этого момента. Полагаю, что лучший способ не думать о нем — избегать его и его язвительных комментариев до вечера боя.

Я едва успеваю принять стойку, как Джексон выбрасывает кулаки, позволяя им двигаться так, как никогда раньше. Большинство из ударов мне удается заблокировать, но иногда кулаки встречаются с моими боками. К концу поединка я чувствую себя разбитым, у меня все болит. Когда я кладу руки на бедра, Джексон похлопывает меня по спине. Я сосредотачиваюсь на порезе, который рассекает его гладкую губу. И даже ухмыляюсь этому.

— Ты хорошо справился.

Он улыбается, и я со смехом отмахиваюсь от него.

— Хорошо справился? Проверь мое время, а потом возвращайся с достойным комплиментом.

Джексон усмехается и неторопливо подходит, чтобы поговорить с Дэррилом. Когда он открывает клетку и высовывается наружу, Оливия протискивается внутрь и подсказывает ко мне.

— Ты потрясающий! — восклицает она.

Я протягиваю ей руку, и она начинает снимать перчатку.

— Сейчас? Или прошлой ночью?

Я наблюдаю, как ее щеки розовеют, и она избегает моего взгляда, сдерживая улыбку.

— Прекрати.

— Ты вдруг стала застенчивой? Прошлой ночью ты не стеснялась, когда сосала...

— Сет! — визжит она, бросаясь вперед и ударяя меня кулаком в живот. Я вздрагиваю от смеха и отступаю назад, протягивая к ней руки. Ее лицо приобретает сексуальный более темный оттенок розового, и он распространяется вниз по шее к груди.

— Что? — Я снова смеюсь. — Я же не кричу об этом во всю глотку.

— Хватит! — резко шепчет она. — Я не хочу, чтобы кто-то еще слышал.

Мучить ее слишком весело. Так было всегда. Мне нравится ее реакция и страсть, которую это в ней пробуждает. Чувствуя себя довольно игриво, я говорю:

— Мне не нужно им ничего говорить. Мы останавливаемся в одном и том же отеле, уверен, что они сами тебя слышали.

Оливия бросается вперед, резко сокращая расстояние между нами, и я ныряю в сторону. Она нападает на меня снова и снова, и я позволяю ей гоняться за мной по клетке. Пол качается под моим весом с каждым шагом в том же темпе, что и моя грудь вздымается от дыхания. Вскоре другая сторона клетки оказывается в пределах досягаемости, и в последнюю секунду я делаю шаг в сторону и разворачиваюсь, хватая Оливию за руку. Она наполовину визжит, наполовину давится испуганным смехом, когда я разворачиваю ее и прижимаю спиной к клетке. В моих руках ее запястья кажутся крошечными, и я сжимаю их, когда вдавливаю ее тело в сетку, заставляя зеленые глаза жены искриться.

— Может быть вы двое прекратите? — кричит Дэррил, но мы не обращаем на него внимания, окруженные нашим собственным маленьким пузырем.

— Как ты так быстро двигаешь своим большим телом? — спрашивает она, хихикая. Ей все равно, что я горячий или потный. — Сет Марк настолько потрясающий, что даже бросает вызов гравитации.

— Не без невероятного мастерства, вот что я тебе скажу.

Она закатывает глаза.

— Это та часть, где ты пытаешься соблазнить меня своими ранее упомянутыми навыками?

— Мне не нужно пытаться что-то делать. Я могу сказать одиннадцать слов прямо

сейчас, и ты будешь есть с моей ладони.

Ее грудь поднимается и опускается напротив моей. Быстрое дыхание — одно из ее любимых движений. Я так понимаю, она приняла мой вызов.

— Ты ведь помнишь? — спрашиваю я, наклоняясь губами к ее уху. — Что я сделал с тобой тогда в клетке?

Ее дыхание сразу же становится теплее на моей шее, и я чувствую, как мышцы на ее запястьях сжимаются и расслабляются. Я даже слышу, как она сглатывает.

— Я помню, — наконец шепчет она, прочищая горло.

Я отстраняюсь, чтобы посмотреть ей в глаза. Ее веки отяжелели, губы невероятно влажные, и я торжественно улыбаюсь.

— Как я справился?

— Я... Я ни капли не тронута, — лжет она. Я чувствую, как она сжимает бедра вместе. — Я выиграла.

Лгунья. Я крепче сжимаю ее запястья.

— Ты лжешь.

Уголки ее розовых губ изгибаются, и она невинно моргает.

— Как ты можешь это доказать?

— Твои слова могут говорить одно, милая, но твое тело говорит другое. — Я ухмыляюсь, бросая взгляд на ее грудь. — В следующий раз, когда ты захочешь солгать о том, что тебя возбуждает, не надевай тонкий спортивный бюстгальтер. Твои соски торчат сквозь него, будто его нет и вовсе. — Она опускает взгляд и давится смехом.

— О, Боже. — Она смотрит на меня, и ее лицо снова краснеет. — Мое собственное тело предает меня.

Я отпускаю одно из ее запястий, чтобы обхватить грудь, заставляя все ее тело напрячься. Я позволяю своему большому пальцу скользнуть по ее скрытому за одеждой соску, и у нее перехватывает дыхание. Улыбка исчезает с ее лица, когда ее глаза встречаются с моими. Я знаю этот взгляд. Взгляд чистого животного желания. Вот мы и делаем то же самое, с чего начался эпический трехчасовой сеанс траха прошлой ночью. Только здесь я не могу взять ее сзади, на спине или позволить ей сесть на меня сверху. Мои возможности ограничены... Я ненавижу, когда мои возможности ограничены.

— Они преданы мне, потому что я хорошо к ним отношусь, — говорю я с едва заметной ухмылкой.

Оливия отклоняется от клетки, приближая свой рот ближе. Она целует меня, нежно прижимаясь своими губами к моим, и все мое тело замирает. В моей голове не мелькают мысли, мышцы не напрягаются, а мой желудок не урчит. Все, что я слышу — это ровный стук своего сердца. Затем звонит ее телефон, и все мои предыдущие мысли возвращаются. Тренировки, Дон и еда — все это, кажется, имеет значение теперь, когда ее губы не на моих губах. Я отпускаю ее и позволяю порыться в кармане шорт в поисках телефона. Она достает его, нажимает на экран и подносит к уху.

— Алло? Привет, Мэдди...

Я складываю руки на груди и наблюдаю за выражением лица Оливии в поисках любого намека на то, почему моя сестра звонит именно ей.

— Спроси сама, — говорит она. — Ты же знаешь своего брата.

Оливия протягивает мне свой телефон, но я его не беру.

— Чего она хочет? — спрашиваю я.

Она сует телефон мне в руки.

— Поговори с ней и узнаешь.

С тяжелым вздохом я беру телефон и подношу его к уху.

— Да?

— Сет! — Она приветствует меня с наигранной радостью. Что-то определенно происходит. — Как проходит тренировка?

— Хорошо.

В телефоне тишина, и через несколько секунд я слышу, как она прищелкивает языком.

— Ну-у, — неловко протягивает она. — Слушай, Кай играет в этом баре...

— Нет.

— Ты даже не знаешь, что я собираюсь сказать.

Я качаю головой.

— Не сказать, а спросить. Ты собираешься спросить, не хочу ли я прийти и посмотреть, как твой парень играет в баре. Мой ответ — нет.

Конечно, она должна была знать это, прежде чем спросить меня. Она знает, как я отношусь к Каю. Он мне не нравится, никогда не нравился. Он крутой панк в группе, который трахает мою младшую сестру.

— Он берет пример с тебя, ты же знаешь. Самое меньшее, что ты можешь сделать — это притвориться, что тебе не все равно.

Он берет с меня пример? Нет. Он боится меня, потому что я вышибу из него все дерьмо, если он причинит боль моей сестре. Я мог бы сказать ей, что... Вместо этого я держу рот на замке. Если я скажу Мэдди, что она не должна быть с Каем, она только сильнее захочет его.

Мэдди выдыхает.

— Пожалуйста, Сет. Для меня очень важно, чтобы ты пришел.

— Ты когда-нибудь спишь? — спрашиваю я, запуская пальцы в волосы. Она хихикает, когда я смотрю на Оливию.

Но если серьезно, то Мэдди бодрствует двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю, клянусь. У нее всегда что-то происходит.

— Это Вегас, Сет. Зло не дремлет.

Оливия взволнованно грызет ноготь на указательном пальце, ожидая моего ответа. Бог знает почему, ведь у нее все еще похмелье после прошлой ночи, но похоже, что она хочет пойти. Я приготовил ей завтрак, и ее чуть не вырвало на кухонную стойку. Она поднимает брови, и я выдыхаю. *Я собираюсь согласиться. Проклятье. Я знаю, что я... Я ни в чем не могу отказать Оливии.*

Вздыхаю.

— Где? — спрашиваю я.

Она подавляет визг.

— Это в «Клетке». Официальном баре ММАС.

Я закатываю глаза.

— Ну и дела, интересно, чье имя он назвал, чтобы получить эту работу?

— Мое... И твое имя немного помогло, спасибо.

Я выдыхаю, качая головой.

— Время?

— Восемь тридцать.

— Мы придем, но только на час. Ты знаешь, я не думаю, что у его группы есть какой-то

талант.

Оливия наклоняет голову, и ее длинные шоколадные волосы падают еще ниже на плечо. Она думает, что я несправедлив, но она увидит. Группа Кая — отстой. Когда я думаю об этом теперь, то понимаю, что даже не знаю их названия.

— Спасибо, брат!

И она вешает трубку.

Я возвращаю Оливии телефон, и она засовывает его в карман. Я кладу руки на бедра, когда она подходит ближе и обнимает меня за шею. Мне не требуется много времени, чтобы пригнуться и обхватить ее за талию.

— Ты хороший брат, — говорит мне Оливия, притягивая мой лоб к своему. — Мэдди любит тебя.

— И я люблю ее, но понятия не имею, почему она продолжает встречаться с этим мудаком.

— Уверена, что он не *так уж* плох, — настаивает она, целуя меня в губы. — Ты просто защищаешь свою сестру.

— Увидишь сегодня вечером. У него такие голубые глаза-бусинки, которые прилипают ко всему, что в юбке, так что надевай джинсы. Свободные.

Она смеется, обнимая меня.

— Ты невероятен.

— Если под этим ты подразумеваешь невероятную уверенность в том, что свободная майка тоже будет хорошо сочетаться со свободными джинсами, тогда да.

Она взмахивает рукой, все еще смеясь.

— У меня нет свободных джинсов.

Я пожимаю плечами, не в силах скрыть улыбку.

— Ты можешь одолжить пару моих.

Оливия отстраняется от меня и направляется к открытой двери.

— Пойдем, сумасшедший, — кричит она через плечо. — Пора убираться отсюда.

Без колебаний следую за ней. Я снимаю оставшуюся перчатку и бросаю ее через плечо. Может быть, я немного сумасшедший. Может, я ищу во всем скрытый смысл и предполагаю худшее насчет людей, но обычно это не без причины, и Кай — это достаточно веская причина, чтобы меня назвали сумасшедшим.

***

Я проглатываю последний глоток скотча с колой и стискиваю зубы на последнем куплете песни. Мне нравится звучание большинства жанров: рэпа, рока, джаза, металла и даже поп-музыки, но я терпеть не могу музыку, которую делает группа Кая. Забудьте. Его группа играет хорошо. Мне нравятся барабаны, гитары и бас-гитара, но мне не нравится его голос. Он глубокий, хриплый, громкий и раздражающий. Судя по покачивающейся толпе, думаю, что я здесь лишний.

Рядом со мной Оливия подпрыгивает в такт, полностью загнипнотизированная группой под названием «Безжалостные 21». *Не то что бы в этом вообще был какой-то смысл.* Она пошла против моего полусерьезного предложения о свободной одежде, выбрав облегающий белый топ с глубоким вырезом и короткие обтягивающие джинсовые шорты. Она выглядит чертовски потрясающе, абсолютно соблазнительно. И я не единственный, кто так думает. Взгляды задерживаются на ней со всех сторон, и я ненавижу это, но пытаюсь быть лучшим

человеком, чем был когда-то, поэтому игнорирую их. Что еще хуже, так это то, что на ней нет лифчика, и каждый раз, когда Кай берет низкую ноту, я вижу, как ее соски твердеют под тканью.

«Клетка» переполнена до такой степени, что вот-вот лопнет по швам. Мэдди говорит, что нам повезло, что мы заняли кабинку впереди, но похоже, что у нас с ней два совершенно разных восприятия слова «повезло».

Гитара играет последний аккорд, и песня заканчивается. Я почти падаю от облегчения. Мэдди и Оливия возвращаются в кабинку, смеясь, словно они маленькие школьницы.

— Они потрясающие! — выпаливает Оливия, наклоняясь через стол к моей сестре.

— Я же тебе говорила.

Мэдди толкает шот в сторону Оливии, но она пододвигает его ко мне.

— И я говорила тебе, что у меня сильное похмелье. Никакого алкоголя *никогда* снова.

Когда она заканчивает, Кай объявляет еще один сет после пятиминутного перерыва и спускается со сцены, прежде чем двинуться в нашем направлении. Я выпиваю шот и без раздумий ставлю его обратно. Если мне придется с ним поговорить, то мне это понадобится. Оливия придвигается ближе ко мне, обнимая одной рукой.

— Успокойся, — говорит она. — Я недостаточно сильна, чтобы нести тебя домой.

Кай проскальзывает в кабинку рядом с моей сестрой и крепко целует ее в губы. Когда он заканчивает, его голубые глаза перебегают с Оливии на меня.

— Сет, — говорит он, решив начать с меня. — Рад тебя видеть, чувак.

Я наблюдаю за ним, и тишина затягивается. У него новая стрижка, его волосы короткие и непослушные... Это немного лучше, чем длинная светлая челка, но все равно так же женственно. Оливия слегка (но сильно) толкает меня локтем в ребра.

— Я тоже рад тебя видеть, — отвечаю я.

Мэдди закатывает глаза, и я качаю ей головой. Она знает, что я не из тех, кто валяет дурака. Если ты мне не нравишься, ты сразу это поймешь. Так совпало, что мне не нравится Кай. Мне не нравится, как он выглядит, как он говорит и как он себя ведет, и он это знает.

— Это твоя жена?

Он обращает свой льдисто-голубой взгляд на Оливию и осматривает ее с явной признательностью. Я постукиваю указательным пальцем в равномерном ритме по столешнице.

— Ага.

— Оливия, — говорит она, беря инициативу в свои руки и протягивая ему ладонь.

Он берет ее за руку, и я ловлю себя на том, что пристально смотрю на него, когда Кай наклоняется вперед и целует верхнюю часть ее руки. Она улыбается ему с безупречно вежливым видом.

— Не знал, что люди до сих пор целуют руки, — заявляю я, не утруждая себя тем, чтобы скрыть свой дискомфорт.

Оливия искоса смотрит на меня с явным предупреждением в глазах, но я игнорирую это. Во всем есть две части — хорошая и плохая. Инь и ян. Хороший полицейский и плохой полицейский. Она милая, жизнерадостная и обычно намного приветливее меня. Она лучше умеет здороваться и быть доброй к людям. Я по первому впечатлению мудака, еще хуже умею быть милым, когда не хочу. Чего еще можно желать от лучшей половинки? Я эгоистичен, избалован и высокомерен. Она добрая, великодушная и заботливая. Я думаю, таких людей называют «лучшими половинками» не просто так. У тебя не может быть половинки, которая

была бы хуже тебя. Это было бы катастрофой.

— Приятно, наконец, познакомиться с тобой. Группа потрясающая.

Кай улыбается, обнажая свои белые зубы. Большинство начинающих музыкантов скромны и даже немного краснеют, когда им делают комплименты. Только не Кай. Он принимает комплименты так, будто их заслуживает.

— Так и есть, да? — отвечает он, быстро переводя взгляд на ее грудь.

Моей сестре никогда не было дела, когда Кая ловили на том, что он пялится на других женщин или флиртует. Она утверждает, что он делает это только для того, чтобы усилить свою группу, но я знаю лучше. Я вижу это на его лице. Это настолько очевидно, что с таким же успехом можно было бы написать это перманентным маркером, чтобы все видели. Ему нельзя доверять, и он собирается наебать мою младшую сестру в любой момент. Я миллион раз говорил ей, что знаю таких парней, как он, потому что раньше я был таким же, но она отказывается слушать. Ослеплена любовью. Это такая глупая вещь, и все же мы все попадаемся на нее в тот или иной момент. Кай напоминает мне Блейда... Может быть, это еще одна причина, по которой мое отвращение к нему возросло за последние несколько месяцев.

— Теперь женат, да? — Он поднимает брови, глядя на меня. — Ты все сделал правильно.

Оливия издает нервный смешок, и мои брови сходятся вместе.

— Знаю.

— Не будь занудой, — хихикает Мэдди, толкая его плечом. — Сет надерет тебе задницу.

Кай перекидывает руку через спинку стула и расслабляется. Он кажется довольным. Похоже, он верит в то, что я не потяну его через стол и не разобью ему лицо.

— Сет не стал бы надирать мне задницу.

Я беру четверть лимона из тарелки, стоящей посреди стола. Мне нужно чем-то занять руки.

— Осторожно, — предупреждаю я, умудряясь сохранять скучающий тон в своем голосе. — Я мог бы.

Конечно, он смеется над этим, как будто в этом нет ничего особенного, будто я играю в какую-то игру. Я не играю в игры... Во всяком случае не за пределами моей спальни. Я подношу лимон к губам и втягиваю сок.

Кисло, очень кисло, но мне удается сохранять невозмутимое выражение лица.

— Мне нужно возвращаться на сцену, но я готов прогуляться после, если вы, ребята, хотите. Мэдди организует.

Он быстро целует Мэдди в макушку и уходит, прежде чем Оливия или я успеваем возразить.

— Мы никуда не пойдем, — говорю я Мэдди, и она кивает, зная, что не стоит испытывать судьбу. Она уже привела меня сюда... Она должна быть очень благодарна.

Вскоре после ухода Кая Мэдди выскальзывает из кабинки, чтобы раздать визитные карточки и бесплатные футболки. Я наблюдаю за ней, пока она смешивается с толпой. Группе повезло, что у них есть моя сестра. Они не смогли бы получить и половины концертов, которые устраивают, без помощи ее хорошенького личика.

Я бросаю лимонную кожуру на стол и выдыхаю. Теперь я почти готов уйти. Я выпил слишком много, и в животе у меня возникает знакомое покалывание, которое

распространяется на руки... Чувство, которое я всегда испытываю, когда пью, то самое чувство, которое побуждает меня ударить или разнести что-нибудь. У меня кружится голова, а рот немеет, но Оливии слишком весело, чтобы уходить домой. Мы здесь всего час, и она, кажется, достаточно заинтересована в группе, чтобы захотеть увидеть остальную часть их выступления. К несчастью для нее, не думаю, что у меня хватит духу высидеть еще одну песню.

Я придвигаюсь ближе к жене, точно зная, как привлечь ее внимание. Я кладу руку на спинку стула и указательным пальцем успокаивающе выписываю круги на ее плече. Она выпрямляется и наклоняет голову, поджав губы, изо всех сил стараясь выглядеть невозмутимой.

— Я знаю, что ты делаешь, и это не сработает.

Я поднимаю брови, изображая удивление.

— Я? Я ничего не делаю.

Оливия наклоняется ближе. Так близко, что я чувствую ее дыхание на своем ухе. Призрачные иголки колот кончики моих пальцев, которые горят от желания прикоснуться к ней.

— Я не позволю тебе соблазнить меня и заставить уйти. С этого самого момента и до конца ночи я объявляю свое тело запретной зоной для Вас, мистер Марк.

Я отстраняюсь, улыбаясь.

— Ты не смогла бы устоять передо мной, даже если бы попыталась.

Ее брови выгибаются дугой. Она ненавидит, когда я бросаю ей вызов.

— О, да?

Я киваю, чувствуя себя так же уверенно, как и всегда. Она не может устоять передо мной, мы играли в эту игру слишком много раз, и я все еще нахожусь на вершине. Каламбур.

— Я вполне способна сопротивляться тебе. — Она ерзает на своем сиденье, поворачиваясь ко мне спиной. — Просто наблюдай.

Игнорируя меня, она наблюдает за группой. Я наклоняюсь к ней и перекидываю ее шоколадные волосы через плечо. Ее запах — аромат виноградного геля для тела, смешанного с гранатовым шампунем — проникает в мой нос. Моя голова кружится, и в глубине моего живота начинает нарастать еще одно желание. Не важно, возбуждение это или принятие вызова, но это выше моего понимания. Я целую ее плечо, приближаясь к основанию шеи. Чувствую, как по ее коже пробегают мурашки, и улыбаюсь, прижимаясь к ее мягкой коже.

— Я хочу домой, — говорю я, обнимая ее за талию рукой. — Сейчас.

Она качает головой, но в остальном игнорирует меня. Я притягиваю ее почти к себе на колени. Мне не нравится, когда меня игнорируют. Это странное чувство, к которому я не привык.

— Это мило, — говорю ей. — Ты думаешь, я спрашиваю твоего разрешения?

Я опускаю свой рот обратно на ее плечо, все время крепко держа ее за талию. Ее спина вплотную прижата к моему торсу. Ее тело ощущалось хорошо, и я был бы тверд, как скала, если бы не дерьмовый голос Кая на заднем плане. Оливия извивается в моих объятиях. Ей следовало бы знать лучше... Чем больше она реагирует, тем дальше я хочу идти. Я просовываю руку ей под рубашку и провожу по ее твердому и теплому пупку. Я чувствую, как ее мышцы сжимаются и расслабляются, напрягаются и смягчаются. И все это синхронно с моими губами. После того, как проходят несколько маленьких вечностей, она поворачивает голову, глядя на меня через плечо. Ее губы взывают к моим, притягивая меня

ближе, как мотылька к лампе. Ее губы касаются уголка моих, и она делает вдох через нос, прежде чем медленно выдохнуть.

— Ты победил, — произносит она. — Пойдем домой.

Я борюсь с дерзкой улыбкой. Легкое с намеком прикосновение губ — это все, что требовалось для того, чтобы победа досталась мне.

— В душевой, а теперь в баре? Вы двое когда-нибудь останавливаетесь?

Я замираю, когда убогий голос Дона останавливает губы Оливии на полуслове. Под моей рукой живот моей жены напрягается.

— Я даже почти ожидаю увидеть кучу детей, следующих за вами двумя, судя по тому, как часто вы это делаете.

Оливия соскальзывает с моих колен с тяжелым выдохом. Я откидываюсь назад на стул и хватаю ближайшую подставку. Отвлекаюсь от его уродливого лица, постукивая по ней в такт музыке, которая мне не нравится. Я не могу сейчас уйти из бара... Дон подумает, что я убегаю от него.

— Всегда приятно видеть тебя, Дон, — невозмутимо произносит Оливия, оглядываясь вокруг него и глядя в сторону группы.

— Забавно, — говорит он, игнорируя очевидную перемену настроения.

Я смотрю на него. Дон одет в белую майку и мешковатые черные джинсы. Он первоклассный мудака. Это точно.

— Это не первый раз, когда я слышу свое имя и слово «приятно» в одном предложении.

Я стискиваю зубы и сминаю подставку в ладони. Мое воображение разыгрывается, когда я представляю, как выбиваю из него все дерьмо. Я представляю, как тащу его на сцену и бросаю в Кая. Как там говорят? *Двух зайцев одним выстрелом?*

Оливия коротко смеется.

— Не считается, когда ты говоришь это себе. А теперь иди, мы пытаемся наслаждаться группой.

Взмахнув ладонями и дьявольски ухмыльнувшись в мою сторону, он направляется к бару с одним из своих парней на буксире. С моей стороны требуется много усилий, чтобы сидеть здесь и не разговаривать с ним. Я хочу поговорить с Доном, отчитать его за то, что он неудачник, за то, что не привнес в спорт ничего, кроме трусости и лжи. Если кто-то вроде него — это то, чем восхищается ММАС, то почему я так стараюсь быть частью этого? Я не ангел, но я прямолинеен. То, что вы видите — это то, что вы получаете. Я не пытаюсь быть милым или настраивать людей друг против друга... Мэтту Сомерсу нужно понять, что я взрослый мужчина, а не ребенок, которым он может манипулировать.

— Ты хочешь пойти домой? — бормочет Оливия, когда Дон не смотрит.

Я качаю головой. Я не могу смириться с мыслью, что Дон поверит, будто влияет на меня. Мне нужно остаться здесь... Чтобы доказать себе, что он не может залезть мне в голову. Перед смертью отец Оливии сказал мне: *«Никто не может задеть тебя, если ты сам не позволишь»*. Поэтому я говорю себе снова и снова: *Дон меня не волнует*.

Он меня не волнует. Я разрываю подставку на мелкие кусочки и бросаю их на стол. Вдыхаю, не обращая внимания на то, как кружится комната, затем выдыхаю. Если Дон останется на своей стороне бара подальше от меня и Оливии, то со мной все будет в порядке. Но если он хотя бы на шаг приблизится к нам, я не отвечаю за свои действия.

Оливия

«Безжалостные 21» потрясающие. Их музыка быстрая и громкая, тексты песен актуальные и мотивирующие... Однако Сету это нравится не так сильно, как мне. Я думаю, что это больше связано с тем фактом, что вокалист Кай встречается с его сестрой, а не из-за музыки. Интересно, соперничает ли с Сетом Кай? Я имею в виду, что Кай не Сет, но он определенно один из самых горячих парней, которых я когда-либо видела, если не *слишком* симпатичный.

Яркий свет падает на него, заставляя блестеть тонкую пленку пота на его лбу. Его голубые глаза сканируют довольно большую толпу, и время от времени губы подергиваются в подобии улыбки. Мне всегда нравилось смотреть, как играют живые группы. Мне нравится, как все они выражают свою страсть на лице. Совсем как Сет, когда он в клетке. В этом мире нет ничего более поразительного и очаровательного, чем Сет, когда он сосредоточен. Прямо сейчас он, похоже, сосредоточен на том, чтобы игнорировать Дона, разбирая невинную подставку. Я чувствую исходящее от него напряжение, и он не единственный, кого беспокоит внезапное появление Дона. Вам знакомо это тяжелое чувство, которое давит на низ живота, когда кто-то, кто вам не нравится, находится в одной комнате с вами? Это то, что происходит сейчас, и Сет однозначно чувствует то же самое.

Громкий саркастичный смех привлекает мое внимание, и я позволяю своему взгляду скользнуть между сценой и баром, где Дон болтает с совсем не впечатленной Мэдди. Она стоит перед ним, положив руку на полуобнаженное бедро. Девушка отлично смотрится в своей обтягивающей черной майке и узких джинсах. Дон, очевидно, думает так же. Он протягивает руку и тянет густую прядь прямых черных волос, которые падают ей на грудь и заканчиваются там же. Она быстро отмахивается от него, но я вижу предательский румянец, который заливаает ее шею и щеки. Я хмурюсь, когда Мэдди качает головой, глядя на него. Ее губы быстро двигаются, когда она отчитывает его, и я сдерживаю улыбку. Она протискивается мимо Дона и закатывает глаза, глядя на меня, когда проходит мимо, прежде чем исчезнуть в толпе.

— Ты видела это? — говорит Сет, ерзая на стуле в нашей кабинке. — У моей сестры *действительно* есть мозги.

— У нее хороший вкус на мужчин.

Сет усмехается.

— Давай не будем заходить так далеко, чтобы утверждать, что Дон и Кай — мужчины. Я давлюсь смехом.

— Дон, может быть, и нет, но Кай определенно да.

Сет изучает меня, его глаза сужаются. Наверное, я задела его за живое.

— Ты думаешь, что Кай привлекателен?

Я пожимаю плечами, внезапно сожалея о том, что сказала.

— Конечно. Я имею в виду, что он определенно не такой уж *непривлекательный*.

Он коротко смеется, толкая меня локтем в ребра. Я вздрагиваю, отстраняясь от него.

— Что?

Он делает паузу, все следы веселья исчезли.

— Ты серьезно?

Раз уж я начала этот разговор, то могу и закончить его. Я зашла слишком далеко, чтобы сказать «просто шучу», надеюсь, что Сет забудет это.

— Конечно. Мы посмотрим на одного и того же Кая? Он чертовски сексуален.

Сет моргает так очаровательно, как может только он, прежде чем схватить меня за плечи и притянуть к себе. Я впечатываюсь в его рубашку и часть плеча, когда он крепко прижимает меня к своему телу. Его тело вибрирует под моим лицом, когда его смех наполняет мои уши. Я отталкиваюсь от него, умудряясь отделить его тело от моего всего на сантиметр или два. *Я рада, что он считает это таким забавным.*

— Не могу поверить, — говорит он между глотками воздуха. Это задевает меня, медленно повышая уровень раздражения. — Он? Правда?

Он смеется еще немного, раздражая меня все больше и больше.

— Что смешного? — требую я. — У него светлые волосы, ярко-голубые глаза и убийственная улыбка. Спроси любую девушку, и она скажет, что он сексуальный.

Его смех затихает, а глаза вспыхивают, когда Сет сдвигает брови. Он ревнует... Я вижу, как он незаметно двигает челюстью.

— Это то, чего ты хочешь? Светлые волосы и голубые глаза?

Было весело. Сет не из тех людей, которых я хотела бы видеть ревнивыми. Я видела ревность «моего» Кинг-Конга к Мейсону и Блейду, и это было некрасиво. Кроме того, с моей стороны было бы несправедливо выпускать ревнивого Сета на Кая, когда он не сделал ничего плохого, а Сет просто ищет предлог, чтобы уничтожить его. Любой может это увидеть.

— Точно нет, — говорю я. — Я лучше выберу смешного и раздражающего, чем сексуального.

Я подмигиваю, и он снова притягивает меня к себе, безжалостно прижимая к своему твердому телу.

— Ты не такая смешная, как думаешь, — говорит он мне, и я слышу улыбку в его голосе.

— Думаю, что я веселая.

— Знаю, что ты так думаешь. В этом-то и проблема.

Я открываю рот, чтобы возразить, но Мэдди появляется из ниоткуда, кладя руки на стол.

— Кто-нибудь из вас хочет выпить?

Сет отпускает меня, и я снова сажусь прямо, натягивая рубашку обратно на живот. Мой желудок скручивает при мысли об употреблении алкоголя, поэтому я качаю головой, делая еще одну мысленную пометку никогда больше не прикасаться к спиртному. *Никогда.*

— Ром с колой, — говорит Сет, собирая остатки своей подставки и сжимая их в своей большой руке.

Кивнув головой, Мэдди отворачивается от стола и направляется к бару. Проходя мимо Дона, она опускает голову и отворачивается от него, но это его несколько не останавливает. Она могла бы надеть одежду с шипами и взять с собой ротвейлера на цепи, и он все равно набросился бы на нее. Я пришла к выводу, что мистер Дон Рассел не самый умный человек на планете.

Когда она проходит мимо, он засовывает палец в одну из петель на ее джинсах и притягивает к себе. Как только это происходит, я вздрагиваю и вскакиваю на ноги. Вся кабинка сотрясается, когда Сет вскакивает со своего места. Я поворачиваюсь к нему, преграждая путь. К счастью, единственный способ выбраться отсюда — это через меня, и я не собираюсь отступить.

— Подвинься, — рычит он, не отрывая глаз от Дона и сестры.

Я качаю головой и протягиваю к нему ладони. Осторожно подношу их близко к его груди, чтобы не коснуться.

— Расслабься. Я разберусь.

Его напряженные и горящие глаза скользят по мне, и мое сердце снова и снова ударяется о грудную клетку.

— Черта с два ты это сделаешь.

— Сет, — говорю ему, мой голос низкий и строгий. — Я сказала, что разберусь. Я собираюсь пойти туда и сказать Мэдди, что мы уезжаем. Если у нее возникнут какие-то проблемы с Доном, я уверена, что Кай справится с этим.

Кай не справится. Я уверена. Дон вдвое больше него, и я сомневаюсь, что хорошенькое личико Кая когда-либо получало приличный удар раньше. Я могу ненавидеть Дона, но у него тяжелый удар, отдаю ему должное. Сет сжимает и разжимает кулаки, обдумывая то, что я сказала. Мое сердце стучит в ушах, словно басы. Я не настолько большая, чтобы встать между Сетом и Доном, и не могу остановить Сета, даже если попытаюсь, но надеюсь, что у него хватит ума не лезть. Я знаю, что он пил, и знаю, что он немного возбуждается, когда выпьет, но ему нужно выслушать меня.

— У тебя тридцать секунд, а потом я подойду.

Он бросает свою порванную подставку через стол, и куски разлетаются, когда Сет откидывается на спинку стула и крепко скрещивает руки на груди. Не теряя ни секунды, я быстро направляюсь к бару, пока Мэдди пытается вырваться из его хватки.

— Мэдди, не могла бы ты сказать своему брату, чтобы он пошел за машиной. Уже поздно, и я хочу домой.

Взгляд зеленых глаз Дона падает на меня, и с победоносной улыбкой он немедленно отпускает Мэдди.

— Спасибо, придурок, — бормочет она ему, прежде чем выскользнуть и подойти к Сету.

— Кем ты себя возомнил? — огрызаюсь на Дона я, упирая руки в бедра. — Ты не можешь таскать людей туда, куда тебе хочется.

Я почти смеюсь над идиотизмом говорить бойцу, чтобы он не трогал людей. Они все так делают. Все они нарушают личное пространство, даже не извинившись. Для большинства это сексуально, но для Дона все совершенно наоборот.

— Ревнуешь к малышке Марк, милая? — Он сжимает ткань моей рубашки и притягивает меня ближе, обнажая голую кожу на моем животе. *Вот он снова лезет.* — Не волнуйся, все время, пока буду заниматься с ней, я буду думать о тебе.

Я вытягиваю рубашку, снова освобождая пространство между нами, и мне даже удается это сделать, не выглядя беспомощной.

— Сколько раз я должна сказать тебе не прикасаться ко мне?

Он ухмыляется.

— Пока ты, наконец, не попросишь меня прикоснуться к тебе.

Я фыркаю и закатываю глаза. Интересно, слышит ли он, как глупо это звучит?

— Когда ад замерзнет?

— Это не так долго. Сегодняшний вечер работает на меня.

Я прищуриваю глаза.

— Ты, твою мать, сошел с ума.

Я поворачиваюсь на каблуках. Я устала подтрунивать над ним, это ни к чему не приведет. Он существует только для того, чтобы злить людей, и он этого не видит. Но Дон пешка в игре Мэтта Сомерса, чтобы увеличить банк.

Я едва успеваю сделать шаг, как его большая теплая рука хватается меня за запястье.

— Дон! — Я слышу, как Сет кричит из-за стола. Я также слышу, как Мэдди умоляет Сета сесть. Стук в моих ушах усиливается, полностью заглушая уникальный голос Кая. *Я должна выбраться из этого. И быстро.*

— Ты продолжаешь играть в эту игру, детка, но я знаю, что я тебе нравлюсь. Я чувствую сексуальное напряжение, исходящее от твоего маленького тела.

Я пристально смотрю на него.

— Очевидно, что ты никогда не испытывал сексуального напряжения.

Ссора с Доном *не* является основанием для заявления о сексуальном напряжении. У меня было сексуальное напряжение, верьте мне, когда я говорю, что *это* — ерунда. Когда мы с Сетом только начинали узнавать друг друга, вот *это* было сексуальное напряжение. Хотя я ненавидела его, я хотела съест его. Мне хотелось обхватить его ногами и облизать с головы до ног. С Доном все не так... С ним у меня внутри все пересыхает при мысли о том, что его рот будет находиться где-то рядом с моим.

— Ты думаешь, что особенная, не так ли? — огрызается он, отпуская мою руку. — Ты думаешь, что ты такая чертовски особенная, потому что замужем за этим... Мудаком. — Он качает головой. — Позволь мне быть первым, кто скажет тебе: ты не особенная. Ты такая же шлюха, как и все остальные.

— Шлюха?

Я чуть не смеюсь.

Он кивает.

— Ты ищущая денег, сосущая член шлюха...

Я сжимаю челюсть и замахваюсь на него. Я замахваюсь с такой силой, что у меня болит кулак, когда сжимаю его. Когда он соприкасается с лицом Дона, боль пронзает мою руку и доходит прямо до локтя. Вдалеке я слышу крики Мэдди. Мне хочется закричать, пнуть его за то, что он поранил мне руку, но думаю, что будет выглядеть более круто, если я просто стисну зубы и потерплю. Я бью Дона прямо в нос, и он быстро прикрывает его рукой и стонет, как маленькая сучка.

— Пошел ты, — плюю я в него сквозь стиснутые зубы. Я хочу кричать на него, называть всеми ужасными словами, которыми хотела называть его месяцами, но сильные руки хватают меня прежде, чем я получаю шанс. Они притягивают меня к твердому и смеющемуся телу, и я не вижу, как меня поднимают и уносят. Я хочу увидеть лицо Дона, хочу увидеть ущерб, который причинила. *Это должно научить его не проявлять неуважения к другой женщине.* У меня в животе мгновенно начинается клубиться вина, но мозг противостоит ей. Я терпела много его дерьма. Намного больше, чем следовало бы. Есть только некоторое количество сексуальных домогательств, которые может вынести одна девушка, прежде чем встанет постоять за себя. Вот что я сделала... Я постояла за себя. Я сжимаю свою руку и умудряюсь оторвать лицо от груди Сета. Он смотрит на меня сверху вниз, широко улыбаясь. Все следы его прежнего гнева исчезли, сменившись абсолютным счастьем и гордостью.

Черт.

Я опускаю голову ему на грудь. *Я ударила Дона... По лицу.* Я не склонна к насилию... На самом деле когда-то давно я ненавидела насилие всех видов. Теперь я другая, и ударить Дона по лицу было слишком просто. Я так думаю.

Я ничего не говорю, пока Сет выносит меня из клуба, и не могу попрощаться с Мэдди

или поблагодарить Кая за выступление. Думаю, все это для общего блага. Я не могу представить, что моя ночь станет лучше, если я останусь сидеть там с Доном в нескольких футах от меня.

Снаружи воздух охлаждает мои горящие щеки. Он приводит в порядок мои разрозненные мысли, собирает их и аккуратно кладет в ящик под названием «разберись с этим завтра». Все, чего я сейчас хочу — это утешения и ободрения от моего мужа. *Я не плохой человек... И я не шлюха.*

— Может, мне следует отправить тебя в клетку вместо меня. У Вас убийственный удар, леди.

Я качаю головой, морщась, когда сжимаю руку.

— Я не должна была этого делать... Это было неправильно.

— Кого это волнует? Дон получил по заслугам. — Сет сильнее прижимает меня к своему телу. — Ты заставила меня гордиться тобой. И давай посмотрим правде в глаза. Он несмотря ни на что собирался получить по лицу сегодня вечером. Ему повезло, что это сделала ты и твои милые ручки.

Люди пялятся, когда Сет несет меня по улице, но я не возражаю. Нас видели такими слишком много раз, чтобы сейчас смущаться. Слова Дона давят мне на грудь, и я чувствую себя глупо, размышляя над ними. Мне не следовало придавать так много значения его словам. В конце концов это Дон.

— Теперь ты увидел меня в другом свете? — спрашиваю я, глядя на темный бетон. — Теперь, когда мы вместе... Я отличаюсь от той девушки, которую ты встретил?

В глубине души я уже некоторое время размышляю над этим вопросом, но ничего об этом не думала, пока Дон не обратил мое внимание на это. Когда я думаю об этом... Я имею в виду *действительно* думаю, то чувствую себя по-другому... Сет сделал меня другой. Он заставил меня жаждать того, чего я никогда по-настоящему не хотела. Есть ли черта, которую ты не можешь переступить, даже когда ты женат?

— Да, — говорит он, и мой желудок сжимается. — Я больше не вижу в тебе ту слабую девочку, которой все пользовались. — Он целует меня в макушку, посылая мурашки и иголки по всему моему телу до кончиков пальцев ног. — Ты крутая и независимая женщина, которая точно знает, чего хочет и как этого добиться. Ты изменилась, но все еще остаешься собой. Ты все такая же хорошая, такая же красивая и удивительная, какой была, когда я встретил тебя.

Я борюсь с улыбкой, и он сжимает меня.

— Ты так думаешь?

— Я это знаю.

Выдохнув, я позволила своей голове упасть ему на грудь. Он хорошо пахнет, как весенний день в лесу после долгой дождливой ночи. Я внутренне морщусь. *Слава Богу, мысли внутри, потому что это, должно быть, самая странная вещь, о которой я когда-либо думала в своей жизни.*

— То, что происходит между тобой и мной, когда мы одни, остается между тобой и мной, — продолжает он. — Я бы никогда не стал думать о тебе хуже, что бы ты ни делала, чтобы доставить мне удовольствие. Я бы не сказал ни слова, даже если бы ты захотела поиграть с наручниками и плетками.

Я фыркаю. Это важный знак от Сета. Он не увлекается плетками.

— Ты бы смирился с этим?

— Если это сделает тебя счастливой, то я готов получать порку по заднице на завтрак каждое утро.

— Приятно это знать. — Смеясь, я поднимаю свою больную руку. — Если говорить более серьёзно, думаю, что я что-то сломала.

Все веселье исчезает с его лица.

— Ты можешь ей двигать?

Я сжимаю кулак и морщусь, прежде чем снова разжать его.

— Я могу, но это очень больно. — Я ухмыляюсь. — У него на самом деле толстый череп.

Игнорируя мою шутку, Сет опускает меня на тротуар прямо рядом с нашей машиной и нежно берет мою руку в свою. Для парня, который столько выпил, он впечатляюще спокоен.

— Ой! — Я шиплю, когда муж сгибает мою кисть. Я одергиваю руку, прижимая ее к груди. — Я же сказала, что больно.

— Прости, дай мне. Я буду нежен.

Я делаю шаг вперед, затем колеблюсь.

— Ты будешь нежен?

Уголки его губ слегка приподнимаются, и он кивает. Я медленно протягиваю ему больную руку и внимательно наблюдаю за его движениями в поисках любых признаков надвигающейся боли. Он проводит кончиками пальцев по верхней части моей руки. Как он и обещал, его толстые мозолистые пальцы слегка двигаются, и я едва чувствую это. Вслед за ними по поверхности моей кожи пробегают мурашки, и все мое тело гудит. Один за другим он сгибает мои пальцы, не сводя пристального взгляда с моего лица.

— Дело не в руке. А в запястье. — Его голос низкий и ровный, когда он скользит пальцами по тыльной стороне моей ладони. Боль усиливается по мере того, как он двигается дальше, и когда его пальцы обхватывают мое запястье, я вздрагиваю и снова отстраняюсь.

— Мы должны осмотреть его, чтобы убедиться, что это несерьезно. Не думаю, что оно сломано, но возможна трещина... Или растяжение связок.

— Трещина? — Я шиплю, запрокидывая голову к небу и проводя здоровой рукой по лицу. — Меня наказывают.

Сет усмехается.

— Тебя не наказывают.

— Так и есть. Вот почему не нужно нападать на людей. — Я смотрю на него. Он наблюдает за мной. Сет весь лучится весельем. — Карме всегда нравился мой вкус. Она не может насытиться.

Его губы изгибаются в дерзкой улыбке.

— Что ж, приятно знать, что у нас с кармой есть одна общая черта.

Конечно, он шутил.

— Шутки про секс? — Я невозмутима. — Ты хочешь отпустить шутки про секс прямо сейчас?

Внезапно я испытываю разочарование. Я разочарована в себе. Я знаю лучше. Знаю, что насилие — это неправильно. Знаю, что насилие ничего не решает... И все же я ударила Дона по его гребаному тупому лицу. Меня не волнует, насколько он раздражает меня, мне не следовало поднимать на него руку. Мой папа всегда говорил, что никто не имеет права бить кого-либо без разрешения, и я ненавижу тот факт, что так быстро пренебрегла его советом.

Сет переносит свой вес и прислоняется спиной к машине.

— Не загоняйся, О. Ты ударила Дона по лицу. Вселенная, мать твою, любит тебя прямо сейчас.

— Ты прав. — Я вздыхаю, постукивая указательным пальцем по своей руке. — Я оказала вселенной услугу.

Уверена, что даже у кармы есть небольшой список людей, которых она бы ударила. Сет садится в машину.

— Позволь мне отвезти тебя домой, где ты будешь в безопасности и у тебя не будет желания ударить кого-нибудь еще.

Я бросаю сердитый взгляд.

— Кроме Джексона. Клянусь, если он приведет домой еще одну девушку сегодня вечером, я собираюсь...

— Он просто пытается заполнить пустоту, — перебивает Сет. — Это то, как он справляется. Уверен, что Селена делает то же самое.

Она не такая. Я говорила с Селеной сегодня утром. Она чертова развалина. До сих пор я никогда не видела, чтобы Селена плакала из-за парня, а хуже всего то, что она даже не говорит мне. Она отказывается говорить о Джексоне. Его личная жизнь — это единственное, что Селена может держать при себе. Это единственное, что не сорвется с ее губ. Джексон развалился на одном из наших диванов. Он трахал девушек на всех наших диванах, кухонной стойке, полу, лестнице и гостевой ванной. Он, наверное, даже делал это на балконах и в нашей постели.

— Это не из-за Селены. — *Не совсем.* — Нам тоже нужно уединение.

— Я знаю, — просто говорит он.

У Сета нет таких же проблем с Джексонем, как у меня. В основном потому, что он не слишком любит Селену, но еще и из-за того, что он привык к Джексону и тому, как тот все делает. Сет спит во время всех этих разрывающих барабанные перепонки оргазмов, когда девушки умоляют, а Джексон их шлепает. Не я. До Сета я жила одна в маленькой квартирке. Там царила умиротворяющая тишина и свежесть.

Я поднимаю руку и подхожу ближе к нему.

— Если у нас когда-нибудь будет перерыв или ссора, не делай со мной того, что он делает с Селеной... Я не думаю, что когда-нибудь смогу оправиться от подобного.

Он хмурится, и это хмурое выражение лица абсолютно пугает меня.

— *Никогда* не думай, что наши отношения похожи на их. Мы другие. Мы с тобой чиним вещи, когда они ломаются, мы не наносим им дальнейшего ущерба... Вот, что *они* делают. Они ломают вещи, которые невозможно починить. Они не такие, как мы. Наша любовь здорова, их любовь... — Он делает паузу, подбирая нужное слово. — Ядовита.

— Ядовита? — бормочу я.

— Я понятия не имею, что между ними происходит, но что бы это ни было, это не может быть здоровым.

Я слегка киваю, и Сет тяжело вздыхает.

— В любом случае если Джексон дома, он сможет сказать нам, что не так с твоей рукой. Я слишком далеко продвинулся за отметку «навеселе», чтобы что-то понимать. А пока придерживай ее и держи в прямом положении.

— Прямом? Как?

Он оглядывается, и я молюсь, чтобы он не нашел палку, которую мог бы прикрепить к моей руке. Сдавшись, он бросает взгляд на собственную грудь и замолкает.

— Думаю так...

Он вздыхает, прежде чем стянуть рубашку через голову.

Боже. Даже в тусклом свете его тело выглядит фантастически. Оно подтянуто во всех нужных местах, что подогревает все мои «правильные» места. Затем Сет тянет за воротник, разрывая совершенно прекрасную рубашку надвое. У меня отвисает челюсть.

— Правда, Сет? — Я ахаю. — Тебе пришлось разорвать рубашку?

— Да.

Я протягиваю ему руку, и он плотно оборачивает свою рубашку вокруг моей руки, запястья и предплечья. Я сжимаю зубы каждый раз, когда он тянет слишком сильно.

— Я веду себя романтично, — говорит он мне.

— Романтично?

— Я порвал для тебя одну из своих любимых рубашек. Это чертовски романтично, Оливия.

— Рада, что *ты* так думаешь.

Он завязывает узел у моего локтя.

— Большинство мужчин дарят куртки или зонтики своим девушкам, но они всегда забирают их обратно, когда все заканчивается. Я отдаю тебе свою рубашку, теперь у меня нет абсолютно никакой возможности вернуть ее. Думаю, что это чрезвычайно бескорыстно и тошнотворно романтично. — Он завязывает второй узел и убирает руки. — Я хочу, чтобы ты держала руку неподвижно и прямо, пока мы не вернемся домой. — Сет гладит меня по щеке. — Кроме того, я много выпил, так что тебе придется сесть за руль.

Мои глаза расширяются.

— Я? За руль? У меня повреждена рука.

Он кивает, потирая затылок и успокаивающе улыбаясь мне. Это неубедительно, он выглядит испуганным.

— Я знаю, что у тебя повреждена рука, но ты наш единственный вариант. Ты не пила. Я слишком много выпил, и это делает *тебя* водителем.

Я избегаю вождения в Вегасе любой ценой. Тут на дорогах происходит настоящее сумасшествие. Особенно ночью.

— Но...

— Я знаю, мне тоже страшно, но если ты будешь следить за дорогой, придерживаться скоростных ограничений и *очень* стараться не разбиться, то у нас все будет в порядке.

Он достает ключи из кармана и протягивает мне. Я беру их со стоном и тащусь к водительскому сиденью.

Дорога домой будет долгой.

Сет

Я позволяю горячей воде струиться по кончикам моих пальцев, прежде чем она попадет в ванну. Пузырьки касаются моего предплечья, угрожая упасть с края фарфоровой ванны. Оливии нужна ванна. Приятная, расслабляющая ванна. Если общения с Доном было недостаточно, то когда мы вернулись домой, ей посчастливилось увидеть, как Джексону делают минет на кухонном острове. Я рассмеялся, когда понял, что он не добрался ни до дивана, ни до кровати, ведь для него это должно быть своего рода рекордом. Я считал это забавным, в то время как Оливия была огорчена. Бросив яростный взгляд в мою сторону, она взбежала по лестнице и хлопнула дверь спальни.

— Ты сказал, что живешь один, придурок! — крикнула девушка, вытирая рот и выпрямляясь в полный рост. Она была высокой, худощавой (около 40 килограмм) и чертовски смущенной. Джексон открыл рот, чтобы объяснить, но она ушла прежде, чем он успел это сделать. Я отвернулся, пока Джексон приводил себя в порядок и прятал свой член под одеждой. Когда я оглянулся на него, он кивнул, прочитав выражение моего лица. Оно не было сердитым. Скорее нейтральным, даже умоляющим. Нравилось ему это или нет, но то, что он сделал, было неуважением по отношению к Оливии, и хотя он был моим лучшим другом, но я был предан своей жене. Я должен был все исправить для нее. Я мужчина в доме, муж. К черту это. Я король, и я должен был сделать мою королеву счастливой.

— Я понял, — выдохнул он, читая мои мысли. — Переночую у Дэррила.

Что подводит меня к настоящему моменту.

Джексон занялся своими делами в другом месте, но Оливия все еще взвинчена и расхаживает по спальне, пытаюсь решить, стоит ли ей звонить Селене или нет. Естественно я отговаривал ее от этого. Ей это совсем не понравилось, ни капельки.

Я выключаю воду и расслабляюсь в кресле. Я перетащил его в ванную из уголка для чтения в спальне. Моей заднице больно сидеть на плитке, а принятие ванны Оливии может занять от пятнадцати минут до трех часов. Мне нравится наблюдать за ней, пока она моется. Не спрашивайте почему.

Услышав звук закрывающегося крана, Оливия заходит. Ее волосы растрепаны, нижняя губа припухла и покраснела от того, что она слишком сильно ее прикусила.

— Я должна сказать ей.

Я качаю головой, и плечи Оливии расправляются. Она готова оспорить все, что я скажу, чтобы защитить Джексона, но если честно, то мне сейчас наплевать на Джексона или Селену. Это их отношения. Я не хочу в этом участвовать.

Я расслабляюсь в кресле и похлопываю себя по колену.

— Забудь о них. Дай мне взглянуть на твою руку.

— Забыть о них? Селена моя...

Я прищуриваюсь, и она поджимает губы. Едва заметно кивнув, О делает шаг вперед и опускается мне на колени. Я срываю импровизированную повязку и отбрасываю ее, когда беру мягкую крошечную ручку в свою. Я уже замечаю, как она распухла. Все не так плохо, но она намного больше, чем ее вторая рука. Оливия вздыхает, когда я провожу пальцами по тыльной стороне ее ладони.

— Так больно? — спрашиваю я, прижимаясь щекой к ее плечу. Я сгибаю ее запястье, и на этот раз она не морщится и не отстраняется.

— Не так сильно, как раньше, — бормочет она.

— Я думаю, что это растяжение, но мы попросим Дэррила проверить утром просто на всякий случай. — Я толкнул ее в бок, и она отпрянула от меня. Улыбаясь, я говорю: — Снимай одежду. Твоя ванна ждет.

С нетерпеливой ухмылкой Оливия соскальзывает с моих колен и тянет узел на шею, который удерживает ее топ. Завязки спадают вместе с топом, обнажая ее идеальную грудь.

— Пялишься? — хихикает она, отворачиваясь от меня.

Я прохожусь взглядом вниз по ее позвоночнику и бедрам, когда она запускает пальцы под пояс своих шорт. Она спускает их вниз по ногам, прихватив нижнее белье. Моему взгляду открывается ее тело, и я восхищаюсь ее новоприобретенной мягкостью. Ее живот мягче, так же как и бедра с задницей. Более пышное тело только усиливает ее привлекательность. Она прибавила в весе, потому что я готовлю ей полноценную и полезную еду. Я запретил эти дерьмовые перекусы на кухне. Я всегда был поклонником мягких и женственных фигур, и теперь у меня есть одна моя. Оливия мило улыбается мне, поворачивается и направляется в ванную. Когда она проходит мимо моего кресла, я хватаю ее за талию и притягиваю к себе. С визгом она падает мне на колени. Я сразу замечаю, какой шелковистой и мягкой ощущается ее нежная кожа под моей.

— *Твоя ванная ждет*, — издевается она надо мной, передразнивая меня.

Я улыбаюсь, прижимаясь к ее коже, покусывая плечо и двигая губами вдоль верхней части спины к основанию шеи.

— Мне вдруг захотелось сначала немного испачкаться.

Она дрожит у меня на коленях, посылая сильную волну возбуждения по моему телу. Сами по себе мои пальцы танцуют вдоль ее бедра, двигаясь внутрь, пока кончики не касаются верхней части ее обнаженной сердцевины. Она резко вдыхает, и я ловлю ее взгляд в отражении двери душа. Ее большие зеленые глаза расширяются, и она ловит мою руку, прижимая ее к своей плоти.

— Не думаю, что здесь подходящее место для *этого*. — Она задыхается. Нуждается во мне. И мне интересно, слышит ли она это.

— Ты же не собираешься лишать меня возможности смотреть сейчас, не так ли?

Она прикусывает губу зубами, явно испытывая дискомфорт от этой идеи. Я облизываю плечо О, не сводя с нее глаз, и наблюдаю, как они сужаются от похоти. Это все, что нужно, для того, чтобы ее рука соскользнула, позволив мне снова свободно двигаться и прикасаться к ней. Я меняю позу, раздвигая ее ноги коленями. Все ее тело напрягается, а дыхание становится глубже. Она отводит взгляд от отражения, но я не могу. Я залип, полностью загипнотизированный этой сценой. Ею. Мой член твердый, готовый прорваться сквозь молнию и взять то, что он хочет. Чего хочу я. Но дело не во мне... То, что я собираюсь с ней сделать, не касается меня и того, чего я хочу. Речь идет о ней. О том, чтобы расслабить ее и успокоить после напряженной ночи. Даже когда она раздвигает ноги, ее губы остаются плотно сжатыми. Между ее ног узко. Я провожу пальцами по клитору, двигая своими грубыми подушечками вокруг ее комочка нервов. Через несколько минут ее губы приоткрываются, когда она делает вдохи, а бедра раскачиваются в том же темпе, что и мои пальцы. Ее глаза закрыты, голова прислонена к моему плечу и повернута в сторону от отражения.

— Ты смотришь на меня, не так ли? — бормочет она дрожащим голосом.

— Я не могу отвести от тебя глаз, даже если бы попытался. — Я целую ее в шею, в местечко прямо у уха. — Ты *гребаное* совершенство, О.

— Да?

— Черт возьми, да, — смеюсь я себе под нос. — Я так сильно хочу быть в тебе. — Я хватаю ее за ухо зубами, заставляя ахнуть. — Я хочу трахнуть твоё идеальное маленькое тело и смотреть на это. — Она ухмыляется, прикусывая нижнюю губу. — Я хочу видеть, как твои сиськи подпрыгивают, а ноги дрожат, пока я погружаюсь глубоко в тебя.

Глаза Оливии резко открываются, сразу же фокусируясь на отражении. Тогда я вижу это: все следы ее прежнего дискомфорта исчезли. Все, что я вижу сейчас — это тьма. Тьма, которая накрывает ее, когда она не хочет ничего сильнее, чем доставить мне удовольствие.

— Сделай это, — выдыхает она, дрожа. — Я тоже хочу это увидеть.

Я вскакиваю с кресла, увлекая Оливию за собой. Я толкаю ее вперед, пока она не прижимается к двери душа. Стекло запотеваает под ее дыханием, когда быстрые и горячие стоны срываются с ее губ. Она выгибает спину под тяжестью моего тела, когда я сильно прижимаюсь к ней.

— Поторопись, — стонет она.

— Всегда нетерпелива, — поддразниваю я, целуя в плечо.

— Ты знаешь, что я такая, когда дело касается тебя, Сет.

Я опускаю руки к пуговице на джинсах и расстегиваю их. Быстро стягиваю джинсы с ног, не отрывая от нее своего тела, и хватаю Оливию за бедра. Мне удастся вылезти из джинсов и оттащить ее обратно на кресло не споткнувшись. Одним плавным движением я снова усаживаю ее к себе на колени и вновь смотрю на нее в отражении стекла. Мои глаза встречаются с ее, и на этот раз она не отводит взгляд. Ее глаза блестят, умоляя прикоснуться к ней, поэтому я провожу пальцами по упругому животу и медленно скольжу ими между ее ног. Я стону, когда ее влага покрывает их.

— Ты такая чертовски мокрая.

Она кивает, испуская отчаянный стон. Я сжимаю ее идеальную грудь свободной рукой, пощипывая сосок и покусывая шею. Оливия выгибается ко мне, наконец-то позволяя своему взгляду оторваться от отражения, когда ее голова откидывается на мое плечо. Ее движения — это полная капитуляция, и я с радостью принимаю ее. Я впитываю все это, как будто это наше последнее мгновение, а завтрашнего дня не будет существовать.

***

Оливия

Удовольствие исходит из глубины моего тела и обволакивает мои органы. Оно вьется по моему позвоночнику, плотно обхватывая каждый позвонок и охватывая грудь. Я чувствую твердый член Сета на своей заднице, когда его толстые и грубые пальцы умело скользят по каждому сантиметру моей обнаженной плоти. Я не смотрю, но это не потому, что стесняюсь. Я не смотрю, потому что боюсь взглянуть на его потрясающе красивое лицо, опасаясь, что все это исчезнет. Я боюсь, что *он* исчезнет. *Пуф*. Все испарится в облаке дыма, и я вернусь к тому, с чего начала... К маленькой квартирке, где я без цели, без настоящих амбиций и нет никого, кто любил бы меня так сильно, как Сет.

Еще один импульс раскаленного удовольствия пронзает мое тело, и дыхание замирает в горле. Рот Сета исследует мою шею. Сантиметр за сантиметром его губы двигаются так,

будто выделяют каждую пору и волосяной фолликул. Он действительно знает, как заставить девушку почувствовать себя особенной, как будто каждую клеточку ее тела следует ценить за то, что она просто существует. Его пальцы меняют давление и скорость. *Мягко и жестко, жестко и медленно. Мягко и медленно, жестко и быстро.* Моя голова кружится, когда тело подталкивает меня к грани полного хаоса. Мое тело в раздразе всякий раз, когда он прикасается ко мне... Оно становится эгоистичным, неукротимым и ненасытным. Сет тоже это знает. Он точно знает, как прикоснуться ко мне, как заставить подчиниться любой его прихоти. Я не собираюсь лгать. Это не займет много времени. Все, что ему нужно сделать — это посмотреть на меня своими пронзительными темно-шоколадными глазами или улыбнуться своей убийственной улыбкой, и я превращаюсь в пластилин в его руках.

— Сет... — Его имя слетает с моих губ само по себе. Когда его руки на мне, я не контролирую свое тело. Оно делает и говорит все, что, по его мнению, Сет хочет услышать, чтобы он заставил меня трепетать, задыхаться и дрожать в экстазе.

Прижавшись спиной к мужу, я чувствую, как его тело вибрирует от рычания, его пальцы отрываются от меня, и он поднимает меня, продвигая свой член вперед, пока он не прижимается к моему входу. Я наклоняю бедра достаточно, чтобы головка прижалась ко входу, и тяжело выдыхаю. Трения уже достаточно, чтобы свести меня с ума.

— Боже, детка, — стонет он, слегка изгибая бедра. Он едва вошел в меня, а я уже чувствую себя наполненной.

— Ты понятия не имеешь, что ты со мной делаешь.

Я двигаю бедрами, опускаясь на него ниже. Я поднимаю голову достаточно, чтобы посмотреть в отражении на то, как его красивый чистый член толкается в меня, растягивая до предела. Мой взгляд встречается с его взглядом в отражении, и я смотрю на его великолепное лицо. Его губы приоткрыты, а прищуренные глаза наполнены похотью. Уголки его губ приподнимаются в дьявольской усмешке, и его пальцы впиваются в мои бедра, прежде чем он с силой прижимает меня к себе, наполняя до предела.

— Сет! — кричу я, когда простреливающее удовольствие почти делает мое тело бесполезным.

— Тебе нравится жестко, не так ли? — шепчет он мне на ухо, снова поднимая меня. Я не успеваю ответить, как он снова грубо тянет меня вниз.

— Да, о, черт, — кричу я, одной рукой цепляясь в подлокотник, а другой за его ногу.

Я смотрю на свое отражение и едва узнаю себя. На моем лице выражение решимости, а также полного и крайнего возбуждения. Можно было бы подумать, что когда ты увидишь себя во время секса, то почувствуешь себя, ну, распутной. Но это не так. Или, по крайней мере, это не заставляет меня чувствовать себя распутной. Я чувствую себя... Властной. Я чувствую себя сексуальной, желанной и миллион других вещей.

Сет толкается все сильнее и сильнее. Снова и снова. И я наблюдаю, как моя грудь покачивается, а тело содрогается при каждом движении. Внезапно я чувствую, что твердый пол уходит у меня из-под ног, и мы балансируем в воздухе.

— Не надо, — выдыхаю я, усиливая хватку. — Не останавливайся.

По мере нарастания оргазма стенки моего влагалища сжимаются, как и бедра. Сет сильно толкается, безжалостно врезаясь в меня, прежде чем просунуть руку мне между ног и потереть мой клитор. Как только грубая подушечка его большого пальца касается меня, я кончаю. Муж отправляет меня за грань контролируемого возбуждения прямо в бездну полного хаоса. Я кончаю. Кончаю так чертовски сильно, что не могу сдержать свой язык, и

его имя постоянно срывается с моих губ.

— Срань господня, О, — стонет он, когда я прижимаюсь к нему бедрами. — Ты невероятна.

Едва я оправляюсь от оргазма, как Сет хватается меня и заставляет подняться на ноги. Его член выходит из меня, и я чувствую себя опустошенной. Я еще далеко не закончила с Сетом, пока нет. Двигаюсь так, как могу, когда он подталкивает меня к раковине в ванной. Раскрасневшееся лицо в зеркале совсем не похоже на его отражение в стекле. Стекло не показывало глубины моего возбуждения... Не так, как зеркало. Я вижу то, как блестят мои глаза, а щеки порозовели. Прежде чем я успеваю взглянуть на Сета, он хватается меня сзади за шею и заставляет наклониться над раковиной. Волнение клоочет в моей груди, а возбуждение пульсирует между бедер при мысли о том, что он такой сильный. Обычно я не увлекаюсь сексом с применением физической силы, но бросаю один взгляд на руки Сета и хочу, чтобы они держали меня. *То, что мышцы могут сделать с девушкой...*

Он раздвигает мои ноги и трется обо меня всем телом. Когда он опускает руки на мои бедра, я хватаюсь за край стойки, игнорируя боль в запястье, и смотрю на нас в зеркало. Темные глаза Сета мгновенно встречаются с моими, и он проникает глубоко в меня без предупреждения. Мой рот приоткрывается, когда из меня вырывается сдавленный вздох. Он крепко сжимает мои бедра. Так невероятно сильно, что я не могу двинуться ни навстречу ему, ни от него. Он удерживает меня так, чтобы я двигалась в таком темпе, каком ему заблагорассудится.

— Ты так хорошо ощущаешься, — тяжело дышу я, изо всех сил держась за керамику.

— Если ты продолжишь со мной разговаривать, детка, я взорвусь.

Я облизываю нижнюю губу, прежде чем поймать ее зубами.

— Сделай это.

Он качает головой, сжимая челюсти.

— Нет, пока ты не кончишь снова.

Когда слова слетают с его языка, знакомое ощущение охватывает нижнюю половину моего тела.

— Ты хочешь, чтобы я это сделала?

— Да, детка. Я хочу почувствовать, как ты снова сжимаешь меня.

Он немного сгибается в коленях, наклоняя головку прямо ко мне. Сильное желание пописать нарастает, становится все сильнее и сильнее, пока я не начинаю умолять его двигаться жестче и быстрее. Он так и делает. Сет быстро двигает бедрами, увлекая меня за собой. Его глаза прикованы к моему лицу, я чувствую это. Мои глаза зажимаются, когда я умоляю себя получить освобождение. Мне это нужно. Мне нужно кончить снова больше, чем воздух. Мои легкие мне не верят. Они вдыхают и выдыхают воздух слишком быстро, чтобы быть обманутыми ходом моих мыслей, но на долю секунды у меня перехватывает дыхание. Свет слепит глаза, когда моя голова идет кругом. Я слышу, как Сет тяжело дышит и стонет, произнося мое имя, но оно звучит далеко-далеко. Я чувствую, как напрягается его тело, когда его член дико пульсирует внутри меня. Когда я медленно возвращаюсь в настоящее, то чувствую, как теплые губы скользят по моему позвоночнику. Его горячие и неожиданно нежные руки блуждают по моему телу, лаская все те места, которые недавно крепко сжимали. Я открываю глаза, и мое зрение мгновенно затуманивается от слез. *Какого черта?*

Я выпрямляюсь и провожу рукой по лицу. Это ничего не дает. Я поворачиваюсь лицом к Сету, и когда он проводит руками по моему животу, предательская слеза скатывается с

моего носа на его руку. Он делает паузу и смотрит на нее, прежде чем взглянуть мне в лицо. Я смотрю на него снизу вверх, и вид его обеспокоенного лица заставляет мое сердце трепетать.

— Ты плачешь? — Он хватается мое лицо, притягивая ближе к своему. Его нос задевает мой, и от чувственного прикосновения по моему лицу стекает еще больше слез. — Я причинил тебе боль?

Я качаю головой и проглатываю смех.

— Нет, нет, ты не причинил мне вреда.

— Тогда почему ты плачешь? Я что-то сделал? — Его губы приоткрываются, почти в панике. — Я что-то сказал?

— Нет, ты идеален. — Я вытираю нос, шмыгая носом. — Я не знаю, почему я плачу.

Даже я понимаю, как глупо это звучит. Сет хмурится.

— Ты не знаешь?

— Я ударила кого-то по лицу и повредила руку. Затем пришла домой и стала свидетельницей того, как парню моей лучшей подруги — кем бы он ни был — делали минет на моей кухне, а *затем* у меня был потрясающий секс с моим мужем... Я думаю, что мои эмоции немного вырвались из-под контроля.

Сет борется с дерзкой улыбкой, но терпит неудачу.

— Потрясающий секс, да?

Я прислоняюсь к стене, борясь с собственной улыбкой.

— Это все, что ты понял, из того, что я сказала?

Он хватается меня за плечо и притягивает в объятия.

— Это не все, что я понял из этого... Честно говоря, ты обещала сделать минет.

— Конечно.

Я хихикаю, прижимаясь к его влажной коже.

Я взвизгиваю, когда он неожиданно подхватывает меня на руки.

— Время купаться, миссис Марк.

Я никогда не устану это слышать. Не знаю, как он это делает. Я имею в виду, не напрягаясь поднимает меня. В его объятиях я чувствую себя легкой, как подушка, набитая перьями. Когда я только вошла в помещение, пузырьки практически выливались из ванной. Сейчас же они распределились по поверхности теплой воды, скапливаясь по бокам. Сет опускает меня в воду.

— Вода была горячей раньше, клянусь.

Он смеется, заходит в воду и садится прямо у крана.

Я наблюдаю за ним, когда уровень воды поднимается, покрывая загорелую кожу над его сосками. Я расслабляюсь в ванне, зевая, когда Сет выдергивает пробку и открывает горячий кран. Теплая вода стекает по трубе вниз, в то время как новая горячая вода наполняет ванну. Когда моя кожа розовеет, а грудь становится тяжелой, он закрывает горячий кран. Вода плещется о мою ключицу, когда Сет ерзает в ванне, подтягивая мои ноги между своими.

Его большие руки растирают мою левую лодыжку, а затем икру. Я закрываю глаза, наслаждаясь тем, как его пальцы впиваются в мои мышцы.

— Сет, ты хочешь детей?

Мои глаза распахиваются при звуке собственного голоса, задающего этот вопрос. Я не знаю, что на меня нашло... Это была мимолетная мысль, которая пришла мне в голову и слетела с языка. Я не собиралась этого спрашивать.

Его взгляд скользит по моему лицу, прежде чем опускается обратно к моим ногам.

— Да... Когда-нибудь.

В моей груди зарождается ликование, раздуваясь, словно воздушный шар, и мне удается скрыть это в своем выражении лица. *С каких это пор мысль о детях стала меня будоражить и вызывать желание завести их?*

— Раньше я никогда не хотел детей, — бормочет он. — Но это было до тебя. Сейчас... Ну, сейчас я хочу троих.

Я ничего не могу с этим поделать. На этот раз я улыбаюсь. То, как щеки Сета быстро покрываются розовым румянцем, тоже не ускользает от меня. Конечно, он красивый, сильный, заботливый и краснеет, когда речь заходит о детях. Сет Марк официально стал атомной бомбой для моих яичников.

— Мальчик и две девочки, — говорю я, кивая. Это то, чего бы хотела я. Сначала мальчик, чтобы он мог защитить своих младших сестер. Сет качает головой.

— Три мальчика.

Я немного наклоняюсь вперед.

— Никаких девочек?

— Ни за что на свете. Если ты думаешь, что карме нравится *твой* вкус, подожди, пока она не узнает, что у меня есть дочери. Она позаботится о том, чтобы они приводили домой Сета за Сетом, придурка за придурком.

Я ненавижу, когда он унижает себя, говорит так, будто он плохой человек. Ладно, Сет не был претендентом на роль мистера Милашки, когда мы встретились, все это знают, но он не был плохим человеком. Все еще нет. В худшем случае мои дочери приведут домой такого мальчика, как Блейд. Конечно, все, чего хотел Сет — это секса, но как минимум он был откровенен в этом. Ни разу он не дал мне ложного чувства безопасности. Я точно знала, во что ввязываюсь. Сет всегда был честен. Может быть, немного нагл, но всегда честен. Нахмурившись, я говорю:

— Им повезло бы найти кого-то вроде тебя.

Сет вытаскивает мою ногу из воды и прижимает ее к своей груди, пока его руки массируют место под моими коленями.

— Три мальчика, — повторяет он, игнорируя меня. — Никаких девочек.

Я быстро провожу языком по нижней губе, чтобы не спорить с ним. В любом случае мы не можем контролировать пол ребенка.

— Как бы то ни было, — продолжает он, — я не хочу заводить детей, пока не закончу свою карьеру. Было бы несправедливо приводить их в нашу жизнь, когда мы так живем.

Я оглядываю большую ванную комнату, которая сама по себе больше, чем спальня, в которой я выросла.

— Как?

— Отель в Лас-Вегасе — это не место для детей. — Он поджигает губы, прежде чем заговорить снова: — Тренировки, драки, вечеринки, избиение людей в клубах... Это не та жизнь, которой я хочу жить, когда мы дадим жизнь ребенку.

— Какой жизни ты хочешь для своего ребенка? Ты был бы готов отказаться от всего того, ради чего так усердно работал? — спрашиваю я.

Похоже, что Сет действительно все это продумал, и мысль о том, что он часами обдумывает это, согревает мое сердце.

— Как я могу воспитать своего ребенка так, чтобы он следовал своим мечтам, когда сам

занят преследованием собственных? Я хочу, чтобы их мечта тоже стала моей мечтой. Я хочу поддерживать их. Быть таким отцом, каким был твой, а мой никогда не хотел быть. — Его взгляд скользит к моим глазам и приковывает мое внимание. — Ради своего ребенка я бы отдал все, что у меня есть.

— Ты знаешь, — мурлычу я, убирая от него ноги. Я прижимаю руки ко дну ванны и придвигаюсь ближе. Продолжаю двигаться, пока не оказываюсь уютно устроенной между его ног, и мое лицо не оказывается в сантиметре от его лица. — Я не хвалю тебя достаточно для того, чтобы быть такой тошнотворно милой как ты.

— Ты, кажется, шокирована. — Когда он говорит, его голос низкий и грубый. Клянусь, он вибрирует в воде, создавая пульсацию в самых моих чувствительных частях тела.

— Так и есть. Иногда я забываю, насколько идеальным ты можешь быть.

Я не часто использую слово «идеальный» в присутствии Сета, оно, как правило, заставляет его гордиться. Судя по тому, как вспыхивают его глаза, а губы складываются в уверенную улыбку, это именно так и сработало.

— Я не так уж и плох, — отвечает он, нежно целуя мою нижнюю губу. — Ты научила меня этому.

Он снова нежно целует меня.

— Я подарю тебе детей, Оливия, но не сейчас.

Его полные губы снова прижимаются к моим и удерживают меня на месте. Мои глаза инстинктивно закрываются, а разум затуманивается. После смерти папы мама сказала мне, что если тебе повезет, то ты встретишь кого-то, кто идеально впишется в твой мир. Вы становитесь связанными друг с другом, соединяетесь в сексе и не можете представить свою жизнь друг без друга. Сет для меня именно такой человек. Он моя родственная душа, моя вторая половинка. Он любовь всей моей жизни, единственный человек, который ворвался в мой мир, требуя внимания, и спас меня от самой себя. Я чувствую это сейчас... Я другая.

Я больше не Оливия Джеймс — неуверенная в себе девушка, которая не могла постоять за себя. Я Оливия Марк — сильная жена бойца, которая сделает все, чтобы защитить себя.

И я сделаю все возможное, чтобы помнить об этом в следующий раз, когда буду задавать себе вопросы.

Сет

Я спустился по лестнице, немного подпрыгивая. Я не только провел фантастическую ночь с Оливией и сумел избежать спора о Джексоне, но также сегодня утром мы с Дэррилом идем в гостинично-развлекательный комплекс, потому что он думает, что посещение места, где я проиграл в прошлый раз, улучшит мое рабочее время. Я иду не потому, что думаю, что это поможет выбросить Дона из головы, а потому, что хочу увидеть клетку, где занимался сексом с Оливией. Я хочу увидеть клетку, которая изменила мою жизнь к лучшему, а затем к худшему. Это поможет мне решить, хочу ли я этого. Прошлой ночью я не мог уснуть. Сидел, уставившись в потолок и пытаясь найти правильный способ сказать Дэррилу и Джексону, что хочу уйти. Я больше не хочу драться... Я хочу быть таким, как Рик. Хочу руководить тренажерным залом и помогать другим. Я не хочу лишнего стресса, не хочу продолжать выставлять свое тело на линию огня только ради денег и комнаты, полной кровожадных незнакомцев, которые будут хлопать мне, будто я какое-то животное. В основном... Я хочу уйти ради своей семьи, семьи, которую я, как мне кажется, готов создать.

Я затягиваю шнурки на штанах и натягиваю толстовку. Мои кроссовки скрипят на последней ступеньке, когда я встаю на ковер. Прежде чем я встречу с Дэррилом, хочу отправиться на пробежку и провести время подальше от осуждающих глаз.

— Ты уходишь? — кричит Джексон с кухни. — Я собирался приготовить завтрак, чтобы извиниться за прошлую ночь.

Я захожу в комнату и вижу, что у Джексона на столе выложены все ингредиенты для офигенного завтрака. Мой желудок урчит при виде бекона. *Че-ерт*. Я не ел бекон уже несколько недель. Он включает плиту и проводит рукой по лбу, опустив голову и отвернувшись от меня.

— Я подумал, что должен извиниться за то, что произошло.

Я выдвигаю ближайший стул и плюхаюсь на него со смешком.

— Готовя завтрак на той же кухне, где ты выставил свой член наружу? Уверен, что Оливии это покажется очень аппетитным.

Он качает головой, прежде чем посмотреть на меня. Черный синяк окружает его левый глаз, а губа разбита. В последний раз я видел его лицо таким расстроенным, когда он встречался с Амелией... Дерьмо, которое она заставляла его делать, заканчивалось тем, что все пробивалось наружу в девяносто девяти процентах случаев.

— Господи, что случилось с твоим лицом? — спрашиваю я, беря ломтик ржаного хлеба с большой белой тарелки передо мной и разламывая его пополам.

— Ничего, — говорит он, разбивая яйцо и выливая его содержимое на сковороду. — Я зашел в одно из наших старых мест, вот и все.

Я смеюсь, запихивая кусок хлеба в рот.

— Ты подписал контракт, не так ли?

Он пожимает плечами.

— Что-то в этом роде.

Кажется, что прошла целая жизнь с того момента, когда мы с Джексонем дрались в этих странных подпольных клубах за наличные. Мы были недостаточно взрослыми, чтобы участвовать в каких-либо реальных турнирах, поэтому старались не светиться и время от

времени участвовали в нескольких турах то тут, то там, получая дополнительные деньги. Тот, что в Лас-Вегасе, был под баром «Лаки». Джексон и я никогда не проигрывали там ни в одном бою. Когда я перестал появляться, Джексон — напротив. Он переживал действительно темные времена с Амелией и участвовал в любой драке, в которую его впустил бы любой клуб. Это был его способ выразить свое разочарование... Это был способ справиться с их испорченными отношениями.

— И тебе надрали задницу? — удивляюсь я вслух.

Он хмурится, явно обиженный.

— Мне? Надрали мне задницу? Убирайся отсюда к чертовой матери. Я никогда не проигрывал в бою.

— А как насчет...

Он бросает в меня яичную скорлупу, и я уклоняюсь, когда она пролетает над моей головой и падает на плитку.

— Отвали, мне было шестнадцать, и в свою защиту хочу сказать, что он достал перцовый баллончик.

— Как скажешь, чувак. — Я качаю головой. — Но если Селена заставляет тебя лезть обратно в эти места, то покончи с этим. В любом случае не знаю, что ты в ней нашел.

Джексон ухмыляется мне, его зеленые глаза немного темнеют.

— Ты не видел ее обнаженной.

Я улыбаюсь. *Это типичный ответ Джексона. Всегда про физическое. Не дай бог, чтобы у девушки было доброе сердце.*

— Нет, думаю, что нет.

До Оливии я бы сам использовал эту фразу. Но теперь я знаю, что ценность женщины не измеряется внешним видом или формой ее тела. Она измеряется ее сердцем, ее состраданием и силой. Все эти вещи вы не можете увидеть снаружи, голым будет человек или нет.

Он разбивает еще одно яйцо, потом еще одно.

— С ней трудно быть рядом, — говорит он. — У нее сильная воля, страстная. И у нее большое сердце.

— Но?

— Но она не понимает. Не понимает, почему я такой, какой есть. — Он бросает скорлупу, с которой капает яйцо, в пластиковый пакет на прилавке. — Она не оставляет меня в покое. С ее уст срывается постоянный поток вопросов, которые я задвигал на задворки своего сознания и на которые сам еще не ответил. Люблю ли я все еще ту другую девушку? Думаю ли я все еще о ней? Стал бы я снова погружаться в эти отношения, если бы мне дали шанс?

— А ты бы стал? — спрашиваю я, сжимая кулак, готовый вбить в него немного здравого смысла, если он ответит неправильно.

Пристальный взгляд зеленых глаз Джексона падает на мое лицо.

— Не знаю. Селена — это единственное, что заставляет меня мыслить ясно. Ее чувства — это то, что мешает мне отвечать на звонки и сообщения Амелии.

— Почему?

Он расправил плечи.

— Потому что я облажался с ней. Я изменил ее... Я — это Амелия, и я не могу оставить Селену, зная, что разрушил ее ради кого-то другого. То, что я сделал с ней... То, что она

позволила мне сделать с ней... Было бы несправедливо уйти.

Что-то сжимается у меня в груди, и внезапное желание защитить Селену оседает мне на плечи.

— Ты не можешь тащить ее за собой, Джекс. Если ты ее не любишь, тогда отпусти. Она поставила тебе ультиматум. Будь мужчиной и дай ей гребаный ответ.

— Я не такой, как ты, Сет. Я не могу остепениться и играть в счастливую семью. Мне нужно волнение. Мне нужен постоянный трепет, пронзающий мою грудь, иначе я перестану двигаться.

— Так это все? Вместо того, чтобы взять под контроль свою собственную жизнь, ты собираешься разрушать жизни других? — Я отодвигаю свой стул и поднимаюсь на ноги. Джексон едва заметно вздрагивает. Он один из немногих людей, которых я не могу запугать. — Ты знаешь, что ты делаешь, Джексон? Ты сидишь и дуешься, прячась за своей маской. Это не ты!

— Сет? — Голос Оливии разносится по кухне, но я игнорирую его. *Джексон должен это услышать.*

— Ты уже давно не был самим собой. До того, как ты встретил *ее*, тебя, блядь, было невозможно остановить! Ты делал то, что хотел. У тебя были мечты и амбиции. Что теперь? Ты сидишь и ждешь меня. Я живу твоей жизнью, Джекс! Я сражаюсь в тех боях, в которых *ты* хочешь участвовать. У меня есть слава и деньги, жена и дом. У меня есть все, чего ты хотел, и то, чего, как я утверждал, никогда не хотел я сам.

Его зеленые радужки темнеют, а пальцы так крепко сжимают стойку, что белеют.

— Правильно, придурок. Возможно, ты забыл о своих амбициях, но я нет. Я помню, каким человеком ты был. Тебе тоже нужно начать вспоминать, потому что как только я закончу сражаться с Доном, то хочу покончить и с этой пустой жизнью.

Его брови хмурятся, на лице появляется острый взгляд.

— Если ты хочешь быть на ринге, если хочешь почувствовать проволоку клетки и быть среди кричащей толпы, тогда делай это, потому что я больше не хочу. Я осуществил свою мечту и ненавижу это. — Я поворачиваюсь к Оливии и с облегчением вижу ее в черных спортивных штанах и майке. — Надень свои кроссовки. Мы собираемся на пробежку.

Ее сонные зеленые глаза расширяются.

— Пробежка? Сейчас?

Прежде чем я отвечаю, она уходит из комнаты, и я оглядываюсь на Джексона.

— Тебе нужно проснуться и решить, чего ты хочешь. — На этот раз мой голос звучит тише, когда я говорю, и Джексон отказывается смотреть на меня. — Ты счастлив с Селеной. Таким счастливым я тебя не видел долгое время. Значит это что-нибудь для тебя или нет, я не знаю, но прекрати это, если ты планируешь только тратить ее время. Селена может быть занозой в моей заднице, она может мне не нравиться, но Оливии нравится, и этого достаточно, чтобы я знал, что в глубине души она хорошая девушка и заслуживает лучшего, чем ты.

Я вылетаю из кухни и иду по коридору. Оливия ждет у двери, ее глаза теперь широко раскрыты, в них настороженность, а брови озабоченно изогнуты, но я не собираюсь углубляться в то, что произошло на кухне. В этой истории слишком много всего. Чтобы она могла понять, ей нужно узнать все об Амелии. К сожалению, Джексон — единственный, кто действительно знает эту историю.

— Значит завтрак на одного? — кричит нам вслед Джексон, и я хлопаю дверью.

***

Когда я возвращаюсь с Оливией в наши апартаменты, они пусты. На кухне чисто, а Джексона нигде не видно. В груди я чувствую то, что ощущаю не очень часто. Стыд. Мне стыдно за то, что я наехал на него, а потом ушел, но ему нужно было это услышать. Пока мы с О бегали, мы не разговаривали. Она позволила мне самостоятельно обдумать все, что произошло этим утром. Ровное дыхание, сорвавшееся с ее губ, было той поддержкой, в которой я нуждался.

— Увидимся позже, — кричит Оливия, поднимаясь по лестнице и направляясь в душ. — Повеселись.

Я закрываю дверь и иду по коридору. Засовываю руки в карманы своей черной толстовки и втягиваю плечи, наклоняя голову. Крошечная старушка в двух метрах от меня привлекает мое внимание, и я смотрю на нее из-под капюшона. Ее глаза буравят меня осуждающим взглядом, и когда прохожу мимо по пути к лифту, то улыбаюсь и киваю ей. Она отворачивается гораздо быстрее, чем я ожидал от человека ее возраста, и поспешно убирает свою карточку-ключ. Ее дверь открывается, и она бросается внутрь комнаты. Я выгибаю бровь, глядя на закрытую дверь. Для пожилой леди, которая остановилась в Вегасе, старушка слишком склонна к осуждению. Вряд ли она знала (или хотела знать), что я из тех парней, которые помогли бы ей перейти улицу или донести сумки, если бы те оказались слишком тяжелыми. Я смеюсь себе под нос.

Мелочи очень важны.

***

Я выхожу на освещенную и отполированную от заднего ряда до самой клетки арену. Если есть что-то, чего мне будет не хватать, так это ощущения всего этого. Волнения, которое вызывает во мне моя работа. В глубине живота закручивается водоворот дурных предчувствий, и это заставляет меня вернуться к своему решению бросить... Сногсшибательный секс делает это с мужчиной, ну, знаете, портит его мозг.

Действительно ли я хочу бросить? Могу ли существовать без своей страсти? Могу ли функционировать без этого? Вопросы накапливаются в глубине моего сознания — все те, что вы можете задать мне.

— Великолепна, не так ли? — спрашивает Дэррил, широко улыбаясь открытому пространству перед нами. Его голос вырывает меня из мыслей, к счастью, отвлекая от вопросов, которые заполняют мой череп и вот-вот вывалятся из моих ушей. Я иду на арену. И что более важно — к клетке. Ее толстая черная проволока посылает тепло по моему телу, и я представляю идеальную фарфоровую кожу Оливии на ее фоне.

Я киваю, кладя руки на бедра.

— Да.

Приятно быть с Дэррилом. Я нечасто его видел. Во всяком случае вне тренировок. Егс жена приехала в Вегас погостить на несколько недель, и они отлично проводили время. Либо это, либо он избегает меня, потому что в последнее время мы не очень ладим.

— Я слышал о произошедшем в клубе прошлой ночью. Это по всему интернету. И даже в газетах.

Засунув руки в карманы, я спускаюсь по лестнице, медленно пробираясь к массивной клетке в центре комнаты.

— Да, ну, это было настоящее зрелище. Ему повезло, что я не надрал ему задницу прямо там.

Дэррил фыркает.

— Тебе не нужно было этого делать. Оливия сделала это за тебя.

Я улыбаюсь и даже не пытаюсь это скрыть. Дэррил останавливается и прислоняется к пластиковому стулу, который стоит около лестницы. Я позволяю своим глазам блуждать по арене, прежде чем взглядом вернуться к нему.

— Сделай мне одолжение и избегай газет в течение следующих нескольких дней. Тебе не понравятся их истории.

Конечно, они нашли способ сделать вчерашнюю ночь самой большой проблемой в Вегасе.

— Что там написано?

— По чьим-то словам, Оливия спит и с тобой, и с Доном.

Мои кулаки сжимаются, и я коротко смеюсь.

— Держу пари, Дону это понравилось.

— Уверен, и он собирается использовать это, чтобы глубже проникнуть в твою голову. Тебе нужно быть более осторожным, Сет, — говорит он, складывая руки на груди. — Он может забрать у тебя все.

Я усмехаюсь.

— Он может попытаться.

Дэррил качает головой, проводя рукой по лицу.

— Я не часто читаю тебе лекции, но очень важно, чтобы ты выслушал то, что я собираюсь сказать.

Я делаю шаг назад и прислоняюсь к пластиковому стулу напротив него, давая Дэррилу возможность высказать свое мнение.

— Мэтт Сомерс знает, что делает. Он давно в игре и *точно* в курсе, что приносит деньги. В этой индустрии есть три вещи, которые помогают продавать билеты: секс, соперничество и поединки врагов. Как думаешь, кто распространяет эти истории? Он знает, что ты терпеть не можешь Дона, знает, что Дон хочет трахнуть твою жену, а еще знает, что Дону достаточно одного взгляда в твою сторону, чтобы тебе захотелось его убить.

— Так что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Мне нужно, чтобы ты научился уходить. Мне нужно, чтобы ты научился терпеть придурков и не давал этой компании информацию, необходимую, чтобы зарабатывать на тебе деньги.

— Как? Как мне помешать Дону и Мэтту залезть мне в голову?

— Во-первых, ты бросишь это дерьмо с повадками альфа-самца. Мозг Дона работает как у ребенка. Если скажешь ему «нет», то он только сильнее этого захочет. Во-вторых, и это самое главное, ты усердно тренируешься, ешь, спишь и хорошо живешь. — Он делает паузу и моргает, глядя на меня, убеждаясь, что я все понимаю. — И ты сидишь дома.

Я в задумчивости провожу зубами по нижней губе. Когда я остаюсь дома, мне снятся сны. Сны о Доне и моем отце. Когда выхожу на улицу, то изматываю себя до тех пор, пока не становлюсь слишком уставшим, чтобы мне снились любые сны. Я предпочитаю это.

— Не могу оставаться дома. Я занят.

На лице Дэррила появляется разочарование.

— Чем? Единственное, что тебе нужно сделать — это подготовиться к своему

следующему бою.

Справедливо.

— А Оливия? Ты думаешь, что я заставлю ее остаться дома?

— Она делает все, что ты хочешь от нее. Все, что тебе нужно сделать — это попросить и похлопать своими красивыми ресницами, и Оливия согласится никогда больше не выходить на улицу.

Я скептически настроен по этому поводу и выдыхаю воздух изо рта.

— Она намного упрямее, чем ты думаешь.

— Может быть для всех остальных, но у тебя она на коротком поводке. Она сделает для тебя все, что угодно, даже если это означает, что она упустит возможность.

Я отворачиваюсь от Дэррила и продолжаю спускаться по лестнице. Оливия — это единственный человек, кто знает о снах. Она успокаивает меня, утешает словами и сексом, но возможно Дэррил сможет помочь. Кроме Джексона, никто не знает меня так, как Дэррил. Он знает, как я работаю, знает мой следующий шаг еще до того, как я его сделаю.

Я слышу, как его ботинки стучат по бетону, когда я направляюсь к клетке. Теперь она нависает надо мной, словно дразня. Что-то сжимается у меня в груди, а сердце стучит в ушах. Слабый, но знакомый укол паники пронзает мою грудь, и я стискиваю зубы, отказываясь позволить ей одолеть меня. В моих снах это именно та клетка, в которой меня бьют по заднице и ломают тело. Я никогда не был из тех людей, кто анализирует безумное дерьмо, которое придумывает мой разум... Но на этот раз я задаюсь вопросом, есть ли в этом скрытый смысл. *Если я откажусь от этой жизни и выберу более медленную с Оливией... Заставило ли бы это моего отца гордиться мной?* Заставить моего отца гордиться — это значит проиграть Дону, уничтожив при этом мою собственную гордость. Победа над Доном означает, что я разочарую своего отца и дам ММАС именно то, чего они хотят. Я что-то потеряю независимо от того, в какую сторону иду... И если подумать, то мне насрать, что заставляет моего отца гордиться больше.

— Он может забрать все, ради чего ты так усердно работал, Сет, — бормочет Дэррил, вытаскивая меня из моей собственной головы.

Я оглядываюсь вокруг. Я в клетке, стою прямо в центре, в то время как Дэррил прислоняется к проволоке снаружи. В его глазах искренность, и я верю ему. Я верю, что Дон способен забрать у меня все. Не потому, что он сильнее, быстрее или злее, а потому, что он знает, как играть грязно.

— Мне снились сны, — говорю я ему, подходя к краю клетки. — Я собираюсь сразиться с Доном, толпа сходит с ума, люди кричат и приветствуют. Ты там, Оливия тоже. И Джексон. Звонит гонг, и я начинаю наносить Дону удар за ударом... Но на него это не действует, и когда я поднимаю глаза, то мой отец с осуждением смотрит на меня сверху вниз своими глазами-бусинками. — Я провожу пальцами по клетке, кончиками чувствуя прохладную проволоку. — Он разговаривает со мной, говорит, что я идиот. — Я коротко смеюсь себе под нос. — Знаешь, *как обычно*, и пока я с ним разговариваю, Дон продолжает бить меня со всех сторон, прежде чем раствориться в воздухе. Отец дает мне пощечину, исчезает, и внезапно комната снова заполняется. Все кричат мне, чтобы я вставал, и я чувствую сильное давление на руку. Дон держит меня, и я не могу вырваться. — Мои пальцы скользят по тому месту, где я сделал предложение Оливии, и я клянусь, что металл нагревается под моей кожей. Мои губы дергаются, и я поворачиваюсь обратно к Дэррилу. — Он хватает меня за руку, и тогда я просыпаюсь.

Он пристально смотрит на меня, на его лице нет никаких эмоций, будь то удивление или беспокойство.

— Ты хочешь знать, что это значит?

Я киваю.

— Абсолютно ничего.

— Ничего?

— Абсолютно ничего, — повторяет он. — Я знаю тебя, приятель. Я знаю, каким ты становишься, когда приближаются бои, и скажу тебе то же самое, что всегда, когда ты волнуешься. В этом нет ничего особенного. Выиграешь или проиграешь — не имеет значения. Если ты проиграешь, Оливия все еще будет здесь завтра так же, как я и Джексон. То же самое произойдет, если ты выиграешь. — Широкая улыбка расплывается на его лице. — *Ты пробился в высшую лигу. Ты победил всех своих противников на турнире. И ты обыграл Джуниора Мосета его собственным приемом захвата рычагом (прим. — Захват в партере для переворота, при котором атакующий боец, находясь сбоку от соперника, захватывает из-под его разноименного плеча свое предплечье, наложенное ему на шею).* Тебе нужно начать реализовывать свой собственный потенциал. Дон — ничто. Он просто одинокий человек, которому ММАС платит за увеличение продаж. Они на самом деле не хотят, чтобы он победил. *Ты их ценная собственность.*

— Правильно, — говорю я с абсолютной уверенностью. И вообще что такое сон? Я чувствую себя воодушевленным, словно я теперь совершенно новый человек. До того, как пришел сюда, я был уставшим. Мне не хотелось смотреть арену. Теперь каждая клеточка моего существа оживает и гудит, будто я держусь за зонтик после того, как в него ударила молния.

Я еще не закончил свою карьеру.

Я правлю этой ареной.

Это мое королевство, и я — король.

Оливия

Когда Сет вернулся с арены, он отличался от того человека, которым был последние несколько недель. Он казался счастливым. По-настоящему счастливым. Я не видела, чтобы он так улыбался, со времен нашего медового месяца. Что бы Дэррил ни делал или ни говорил, это приносило пользу. Иногда даже я не могу вразумить Сета, не то что Дэррил или Джексон.

Лениво лежа на кровати, я улыбаюсь в свою книгу, когда его голос доносится из ванной. Он напевает мелодию, которую я не знаю. Сет неторопливо заходит в спальню, натягивая через голову красивую голубую рубашку. Она облегает его грудь и руки, но свободно спадает на животе. На ногах черные шорты до колен, а белые кроссовки дополняют его повседневный, но сексуальный наряд.

— Вау, — говорю я, выглядывая из-за края своей книги. — Ты выглядишь великолепно.

— А ты все еще в пижаме.

Я опускаю взгляд на свои пижамные штаны и слишком большую футболку с надписью «СЕТ», которую Селена купила мне во время моего первого живого боя.

— Я должна быть одета во что-то другое? Сейчас семь вечера.

— У меня есть куча неуместных комментариев, которые я могу использовать в качестве ответа, но они только возбудят меня, и мы опоздаем. Прямо сейчас я собираюсь пойти по длинному пути без сексуальных комментариев и веселого юмора и сообщить тебе, что мы собираемся поужинать в последний раз, прежде чем я запрю нас здесь до боя.

Запрет нас? Здесь? Эта мысль одновременно волнует и абсолютно пугает.

— Но до боя еще несколько месяцев.

— Я знаю, но Дэррил думает, что так будет лучше, и я тоже.

Я нерешительно киваю. Если Сет думает, что это ему поможет, то я хочу быть на его стороне.

— Ладно. Если это то, чего ты хочешь, то хорошо. Во сколько ужин?

— У тебя тридцать минут.

Встревоженная, я сажусь прямо. Жесткие пряди шоколадных волос падают мне на лицо, и я убираю их, трясая перед ним книгой.

— Тридцать минут? Сет! Мне нужно закончить целую главу!

Он смотрит на меня широко раскрытыми глазами, как будто я самый сумасшедший человек на земле.

— Так отложи ее.

— Отложить? Это книга, а не фильм. Есть детали, которые мне придется перечитывать, если я сейчас остановлюсь.

— Это всего лишь книга.

— Всего лишь кни... — Я делаю паузу и перевожу дыхание. Те, кто не читает, просто не понимают этого. Когда берусь за книгу, я не останавливаюсь, пока не начнется цунами, извержение вулкана и вихревое торнадо не направится прямо на меня. Я говорю о настоящем конце света, а не об ужине. Что такое еда, когда ты на середине хорошей книги?

— Это больше, чем просто книга. Это история о ковбоях и девушках, попавших в беду. — Он моргает, глядя на меня. Конечно, все это для него как китайская грамота. — Они

скачут на лошадях и повозках рядом с мчащимся поездом... Хорошо, звучит не так потрясающе, как я говорю, но главные герои собираются признаться в своей любви друг другу. Ты не можешь просто оторвать меня сейчас.

Сет пересекает комнату с улыбкой на лице. Это невинная улыбка, и она выводит меня из себя. Ничто из того, что делает Сет, не может быть невинным.

— Дорогая, — говорит он слишком приторным, как на мой вкус, голосом, когда забирает книгу из моих рук, — позволь мне помочь.

Он загибает край страницы и закрывает книгу. У меня отвисает челюсть. *Он сумасшедший?*

— Ты не мог просто сделать это.

Кто все еще загибает страницы? Неужели он не слышал о чертовой закладке?

— Сделать что?

Я не отрываю взгляда от книги в его руках.

— Ты загнул край моей страницы.

Сет хмурится.

— Я не понимаю, о чем ты.

Я откидываюсь на матрас, выдыхая.

— Конечно, ты не понимаешь.

Его большие теплые руки хватают меня за лодыжки, и я визжу, когда он тянет меня вниз по кровати, останавливая руки на бедрах, прежде чем я полностью соскользну. Он опускает свое лицо к моему.

— У нас на ужин пицца.

Пицца — единственное слово, которое мгновенно поднимает мне настроение. Вот я и думала, что он собирался отвезти меня куда-нибудь, где готовят только лосося и другие странные постные блюда, которые я не могу произнести. Я так давно не ела вредной еды. Когда Сет на диете, нельзя найти ничего вредного во всем доме. Даже шоколада. Его диетолог пытался убедить меня, что мы можем заменить шоколад и вместо этого делать что-то из какао. Но я попробовала какао, и это определенно не шоколад. Большую часть времени я пробираюсь в комнату Селены и набираюсь вредных углеводов. Сет посмеивается надо мной, когда мои губы растягиваются в улыбке.

— Пицца? — спрашиваю я с осторожностью в голосе. — Правда?

Я ожидаю, что он посмеется надо мной или признает, что разыгрывает какую-то большую или извращенную шутку. Вместо этого Сет быстро целует меня в губы. Поцелуй слишком быстрый, чтобы насладиться, и я почти начинаю корчить недовольную гримасу.

— Правда. А теперь вставай. Встретимся внизу через двадцать минут.

— Подожди, — кричу ему вслед. — Ты имеешь в виду настоящую пиццу? Не странный вид здоровой пиццы, приготовленной на листьях салата, верно?

— Да, мисс Пигги. — Он смеется. — Я имею в виду настоящую пиццу. Тесто, мясо, сыр — все. А теперь давай. Ты зря тратишь время.

Он выпрямляется, бросает мою книгу на кровать и выходит из комнаты. Я соскальзываю с кровати, приземляясь на задницу. Это больно, но мне все равно. Я буду есть пиццу!

***

Мы подъезжаем к пиццерии «Густо», и запахи приготовленного теста и мяса проникают в машину через открытое окно Сета. Мой желудок урчит, умоляя съесть что-

нибудь. Я тянусь к ремню безопасности, но прежде чем я нажимаю на кнопку, Сет говорит:

— Я передумал.

О, черт возьми, нет. Если он не хочет пиццу, то может взять что-нибудь другое, потому что я беру одну... Нет, две. Я возьму себе две.

— Насчет пиццы?

Я надуваю губы.

Он смеется и протягивает руку через консоль. Я втягиваю плечи, когда он зажимает мою щеку между указательным и большим пальцами, и вздрагиваю, когда он сжимает ее.

— Нет, только не насчет пиццы, милаха. Подожди здесь.

Он выскальзывается из машины, и я подпрыгиваю, когда дверь захлопывается. Сет достает телефон из кармана и кому-то звонит. Я терпеливо жду, пока он исчезнет в оживленной пиццерии. Группы людей входят и выходят одновременно. Когда одна группа входит голодной, другая выходит с раздутыми животами. *Я хочу раздутый от пиццы живот.*

Двадцать минут спустя Сет возвращается с четырьмя большими коробками пиццы, открывает мою дверь и бросает их мне на колени. Запах поглощает меня, заставляя рот наполняться слюной. Я чувствую запах соуса, смешивающегося с мясом и тестом и заставляющего меня открыть коробку и взглянуть внутрь.

— Нам нужно так много?

— Да. — Он закрывает дверь и забирается обратно на водительское сиденье. — Ты поймешь почему, когда мы приедем.

Сет выезжает со стоянки и направляется прочь из города. Мы едем целую вечность, пока не остается ничего кроме пустыни и песка. Темно, а единственный свет исходит от наших фар. Если мы их отключим, то останется только желтоватое свечение бульвара Лас-Вегаса вдалеке и красивый блеск миллионов звезд над нами.

— Мы будем есть здесь? В пустыне? — спрашиваю я, мои пальцы сжимаются вокруг коробок. — Ты же знаешь, что в пустыне полно песка, верно?

Он улыбается мне, открывая свою дверь.

— Мы ночью в пустыне, и тебя больше всего беспокоит песок? Скорпионы и змеи не волнуют?

— До этого момента не волновали. Спасибо за это.

— Давай, О, я защищу тебя от больших плохих животных.

— Мышцы не пугают змей, — бормочу я себе под нос, когда он захлопывает дверь. — Они едят аллигаторов, ради всего святого. — Несколько секунд спустя Сет открывает мою дверь. — Я меньше аллигатора. Насколько это может быть сложно?

— Что? — спрашивает он, посылая мне довольно странный взгляд.

Его изогнутая бровь чертовски милая... Я качаю головой, заставляя его усмехнуться.

— Не бери в голову.

— Ты когда-нибудь перестаешь думать хоть на секунду и будешь просто наслаждаться жизнью?

Я протягиваю ему коробки с пиццей и игриво смотрю на него поверх них.

— Конечно, но это зависит от того, где твои руки.

Он стонет и поворачивается с коробками в руках.

— Не издевайся надо мной сейчас. У нас недостаточно времени.

Я сбрасываю каблук и выскальзываю из машины.

— Недостаточно времени до чего? Нам потребовалось много времени, чтобы добраться

сюда, уверена, что пицца не может стать холоднее.

Мои ноги утопают в песке, и он все еще горячий от дневного солнца. *Что, если я наступлю на стекло? Или иглы?* Я вздрагиваю.

— Сет? — Мой голос срывается, заставляя меня казаться беспомощной и испуганной. Он резко поворачивается.

— Что? По твоей ноге пробежал паук?

Все мое тело напрягается.

— Здесь есть пауки? Господи! Ты привел меня сюда, чтобы я умерла?

Сет улыбается своей убийственно красивой улыбкой, возвращаясь ко мне.

— Нет, но теперь я обдумываю это.

Он идет по песку, как будто это твердая и ровная земля. Если бы это была вода, он бы, наверное, тоже легко прошел по ней... Или нет. Я видела его в бассейне. Он тонет так же, как и все остальные.

— Очень смешно, — невозмутимо говорю я.

— Если я накормлю их тобой, они не притронутся к пицце. — Он останавливается в трех футах передо мной. — Знаешь, это не такая уж плохая идея.

— О, хорошо. — Я закатываю глаза. — Мне нужна твоя помощь. Я не могу ходить по песку на каблуках, но не собираюсь ходить по нему босиком. Во всяком случае не после твоих страшных историй.

— Ты такая принцесса, — со вздохом заявляет он, подходя ближе и оборачиваясь. Сет наклоняется ниже, подставляя свою спину. *Его спина... Единственное доказательство, которое у меня есть, что, может быть (просто возможно), Бог — это женщина.* — Прыгай, Ваше Высочество.

Я стягиваю свое маленькое черное платье вниз, но оно доходит только до середины бедра. Пожимаю плечами. Сейчас темно, так что вряд ли кто-нибудь увидит мои красные кружевные трусики. Я хватаю его за плечи, и мои внутренности почти тают.

— Спасибо тебе, моя королевская задница.

Я запрыгиваю ему на спину, обвиваю руками шею, а ногами бедра. И вновь Сет не чувствует моего веса.

— Я думаю, ты имеешь в виду «коня». Я твой благородный конь.

— Я думаю, что «задница» подойдет просто отлично.

Держа пиццы на одной руке, он протягивает вторую и щиплет меня за ягодицу.

— Эй! — визжу я, убирая руку с его шеи, чтобы оттолкнуть его. Все его тело вибрирует от смеха, и я сжимаю его крепче.

— Это не очень благородно с твоей стороны, — отчитываю я, приближая рот к его уху.

Он пожимает плечами, прижимаясь своей головой к моей.

— Ты сама сказала, что я задница.

Я целую его в ухо, не в силах устоять перед этим желанием.

— Ты моя любимая задница.

Сет идет вперед, следуя за светом фар. Перед нами песок выглядит чистым и нетронутым.

— Здесь подойдет, — выдыхает он, останавливаясь как вкопанный.

Я оглядываюсь вокруг, ожидая, что он опустит меня или сделает что-нибудь еще. Но он ничего не делает... Просто стоит и чего-то ждет.

Я похлопываю его по плечу.

— Окей, что теперь?

— В любую секунду, я уверен.

Я хмурюсь.

— Что в любую секунду?

И действительно я вижу вдалеке машину, несущуюся по шоссе. Она очень быстро подъезжает достаточно близко и съезжает с дороги, прежде чем остановиться на песке. Мои нервы напряжены, когда я внимательно наблюдаю за ней. Фары светят прямо на нас, мешая что-либо увидеть. Я крепче сжимаю Сета и тяжело сглатываю. *Это то, чего он ждал? Кто это, собственно говоря?*

— Самое время, — кричит Сет, заставляя меня подпрыгнуть.

— Ты же знаешь, какая Селена, — кричит в ответ знакомый голос. *Джексон.* — Девушка не может выйти из дома без макияжа.

— Или без выпрямленных волос, — добавляет голос Дэррила. — Или без обуви, которая бы соответствовала ее наряду. Или...

— Они поняли, — вмешивается Селена. Я слышу, как хлопает дверца машины, и через несколько секунд Селена выходит перед фарами в узких джинсах, кроссовках и легком пальто. *Я бы хотела, чтобы Сет предупредил меня или хотя бы попросил надеть штаны.*

— Но серьезно, Сет? — продолжает она. — Ужин в пустыне? Что с тобой не так?

— Это уединенное место, и никто не сможет нас побеспокоить. Я думаю, что это довольно романтично, — отвечает Сет, защищая свой выбор и заставляя меня смеяться.

Дэррил тоже смеется, появляясь в поле зрения. Сразу видно, что он одет для пустыни. На нем песочные туфли, длинные тонкие брюки и светлая футболка. Похоже, я единственная, кто был не в курсе, что мы будем ужинать в пустыне. Думаю, это то, о чем говорил Сет перед пиццерией, когда сказал, что передумал. Вместо ужина в помещении мы ужинаем на открытом воздухе. Далеко-далеко-далеко на открытом воздухе.

— Мальчик, у нас с тобой два совершенно разных восприятия слова «романтика». — Джексон смеется в знак согласия откуда-то из-за огней.

— Заткнись, Джексон, — кричит Сет. — Во всем твоём теле нет ни капли романтики.

— Это неправда, — возражает Селена, защищая Джексона. — На самом деле Джексон может быть довольно романтичным.

Мы все устали на нее в ожидании хотя бы одного примера. После нескольких минут молчания она закатывает глаза и машет нам рукой.

— Хорошо, у меня ничего нет. Джексон наименее романтичный человек, которого я когда-либо встречала.

Где-то на заднем плане фыркает Джексон.

— Да.

Селена расправляет плечи и поворачивается к свету.

— Ты буквально бежишь, когда слышишь слово «любовь». Любовь и романтика вроде как идут рука об руку, ты, придурок.

Дэррил ругается.

— Только не снова. Мне пришлось слушать, как эти двое препираются всю дорогу сюда. Они как дети.

Сет наклоняет голову, искоса поглядывая на меня.

— Я могу быть романтичным... Верно?

Я улыбаюсь и глажу его по голове.

— Конечно, милый.

Сет *может* быть романтичным, но романтика обычно недолговечна. В ту секунду, когда возникает страсть, вся романтика исчезает... Обычно это происходит вместе с моей одеждой. Страсть — это то же самое, что романтика? Я понятия не имею, но точно знаю, что люблю Сета, независимо от того, предпочитает ли он страсть романтике.

Я оглядываюсь на остальных и... Ну... Я этого не ожидала. Дэррил качает головой, отворачиваясь, когда языки Селены и Джексона вступают в битву. Сексуальное напряжение волнами исходит от них, нагревая всю пустыню и мои внутренности. У меня пересыхает в горле от того, как Джексон держит Селену. Агрессивность и собственничество — мои (внезапно) две любимые вещи.

Я прочищаю горло.

— Ну... Может, нам отвернуться?

Последнее, чего я хочу — это чтобы моя лучшая подруга и он — *кем бы он ни был* — возбудили меня и причинили беспокойство.

— Дай им минутку, — отвечает Сет. — Они вернутся к препирательствам в любую секунду.

Конечно же, как только Сет произносит это, Селена, тяжело дыша, отталкивает Джексона от себя.

— *Серьезно*, Джексон? — Даже отсюда я вижу, как ее губы припухли от страстного поцелуя.

— Эй, *ты* поцеловала *меня*! — выпаливает он в ответ.

Я садистски улыбаюсь. Мне нравится. Я люблю нашу команду. Препирательства, подтрунивания... Это прекрасно. Это мы.

— Вы двое можете продолжать спорить или можете сеть поесть. Что легче для желудка? — перебивает Дэррил, проскальзывая между ними.

Они смотрят друг на друга через плечо Дэррила. Джексон отстраняется первым и быстро сокращает расстояние между нами.

— Приятно знать, что если ты прекратишь препираться, то всегда можешь стать верблюдом, — бормочет Джексон достаточно тихо, чтобы слышали только мы. — Кстати, завтрак был восхитительным. Я приготовил омлет и все такое.

Сет посмеивается над Джексоном и сует ему в руки коробки с пиццей.

— Сделай себя полезным для разнообразия.

Теперь, когда руки Сета свободны, он держится за мои ноги. Я готовлюсь к новой ссоре между двумя мужчинами... А затем происходит самая странная вещь: они смеются, и Сет хлопает Джексона по плечу.

— Без обид, Джекс, — говорит Сет, и Джексон кивает в знак согласия.

— Никаких обид.

Селена достает из машины покрывало и расстилает его на неровном песке. К счастью, воздух теплый, никакой ветер не гонит песок, скользящий по поверхности. Я соскальзываю со спины Сета, и мы все садимся на покрывало. Здесь тихо, мертвая тишина, и я почти слышу жужжание электрического тока, протекающего между Селеной и Джексоном, когда они смотрят друг на друга с противоположных сторон.

— Я так понимаю, вы двое все еще не разобрались, — выпаливаю я, вгрызаясь в свою не очень теплую пиццу. Сет и Дэррил бросают на меня одинаковые взгляды. Взгляды, которые велят мне заткнуться.

— Нет, — отвечает Джексон, переводя свои зеленые глаза на меня. — Мы этого не сделали.

— И не будем, — добавляет Селена окончательно.

Наступает неловкая тишина. Я больше не слышу даже звуков жевания. Я сглатываю кусок пиццы в своем пересохшем рту.

Наша команда.

***

Я издаю стон, лежа головой у Сета на коленях и глядя на звезды.

— Ненавижу пиццу.

Рядом с нами храпит Дэррил, заполняя этим звуком в остальном тихую пустыню. Сет смотрит на меня сверху вниз, улыбаясь самой веселой улыбкой в мире.

— Я же сказал тебе остановиться на трех.

— Но номер четыре умолял меня съесть его и выглядел так вкусно.

Теперь дует прохладный ветерок, бросая прядь волос мне в лицо. Сет смахивает волосы.

— А номер пять?

Я снова стону, перекатываясь на бок.

— Заткнись, Сет.

Он обнимает меня теплой рукой, и я дрожу, когда ветерок поднимает мое платье и щекочет позвоночник. Мурашки немедленно покрывают поверхность моей кожи, и Сет двигается подо мной.

— У меня есть куртка в машине, — сообщает он мне.

Я подталкиваю себя в сидячее положение, игнорируя ощущение, что мой желудок вот-вот разорвется в любую секунду.

— Я принесу. Мне нужно утрясти немного этой пиццы.

Каким-то чудом мне удается грациозно подняться на ноги. Неловко ковыляю к машине. Лишний вес в животе заставляет мои босые ноги глубже погружаться в песок, но я слишком замерзла и слишком сыта, чтобы беспокоиться. Я сидела на покрывале на песке, и ничто меня не коснулось, так что, думаю, я рискну. Когда подхожу к машине Сета, игнорируя ощущение песка и палок между пальцами ног, то слышу вздох. Я замолкаю, затаив дыхание. В худшем случае здесь есть змея с достаточно большими легкими, чтобы дышать как человек... В лучшем случае это милый маленький кролик, который нашел симпатичный маленький цветок. Я качаю головой. *Сколько мне, двенадцать?*

Мои ладони касаются прохладного капота машины, и я выглядываю из-за угла. Мои губы приоткрываются, и тело мгновенно начинает гудеть. Гудеть и вибрировать, как металл после того, как вы ударили по нему молотком. Бурчание в глубине моего живота говорит мне, что это от смущения, что то, чему я становлюсь свидетелем, не предназначено для моих глаз. Но легкое ощущение, давящее на мой живот, говорит мне об обратном. Я узнаю возбуждение, когда почувствую его.

Селена и Джексон...

Так вот, куда они исчезли.

Он крепко прижимает ее к машине Сета, ее голая задница касается прохладного металла. Их рты переплетены поцелуе, который выглядит как карающий, и его рука в татуировках крепко сжимает ее горло.

— Ты непослушная, — шепчет Сет мне на ухо. Я подпрыгиваю, и он быстро зажимает

мне рот рукой, оттаскивая меня от Селены и Джексона. Удерживая большую часть моего веса, он тянет меня к другой стороне машины. Мое сердце бешено колотится в набитом пищей желудке и подскакивает к горлу. Он прижимает меня спиной к машине и убирает руку.

— Ты маленький вуайерист, — шепчет он с легким смешком. — Я не знал. — Я хлопаю его по груди, и он отшатывается, подавляя смех.

— Прекрати. Это не так.

Его глаза сканируют мое лицо и останавливаются на моих несомненно покрасневших щеках. Губы Сета растягиваются в дерзкой ухмылке.

— Тебе это понравилось, не так ли?

— Нет! — Мои щеки горят еще ярче, отчего глаза слезятся. Он смотрит на меня таким взглядом, в котором написано «*попалась*». — Твоя куртка на той стороне, и они застали меня врасплох. Честно говоря, я немного смущена.

Он поднимает руку, поднося ее к моей груди. Кончиком вытянутого указательного пальца он проводит по моей ключице.

— Ты не *только* смущена. Ты еще немного и другое. Не так ли?

От понимающего взгляда на его лице у меня сводит ноги, и внезапно они начинают дрожать. Я качаю головой, когда он двигает пальцами выше, чтобы провести по моему горлу, и я тяжело сглатываю, когда его внезапно обжигающие кончики пальцев касаются моей трахеи.

— Это то, чего ты хочешь? — осторожно спрашивает он. У меня перехватывает дыхание, когда он наклоняется и проводит губами по моей челюсти. Они теплые и влажные, посылают множество покалываний от моей головы до кончиков пальцев ног.

Я качаю головой.

— Нет.

Сет приподнимает бровь и раскрывает ладонь. Он проводит ладонью и кончиками пальцев вниз по моей шее.

— Это прозвучало не очень убедительно.

Я шлепаю его по руке и хватаю за воротник рубашки. Притягиваю к себе и прижимаюсь губами к его рту. Он приоткрывает губы, и сильный аромат мяты щекочет мой язык, когда я скольжу своими губами по его губам. Я стону ему в рот, прежде чем поймать его нижнюю губу зубами. Немного отстраняюсь, пока Сет не морщится, а затем отпускаю его.

— Нет, — говорю я снова, на этот раз с чертовски большей уверенностью в своем голосе.

Он потирает нижнюю губу указательным пальцем и проверяет, нет ли крови. *Я не укусила его так сильно.*

— Понял, — отвечает он, подергивая губами. — Никакого удушья.

То, что я чувствовала, наблюдая за Селеной и Джексонем, не было очарованием жесткого секса. Меня привлекла страсть, которая есть у этих двоих, как у Сета со мной. Это прекрасно видеть... И да, это также оказалось возбуждающим. Не то что бы я могла с *этим* что-то поделать. Это работает так: человеческое тело поглощает запахи, звуки и цвета (*очевидно*). Когда вы что-то обрабатываете, ваше тело заставляет вас чувствовать и реагировать на то, что вы наблюдаете, и это именно то, что произошло. Я увидела кое-что, что нахожу красивым и возбуждающим, поэтому мое тело отреагировало на это. Это не значит, что я хочу того, что у них есть. На самом деле я содрогаюсь при этой мысли.

Прохладный ветерок дует сильнее, унося с собой мою разгоряченную кровь.

— Верно, — бормочу я, обнимая себя. — Теперь мы должны найти способ получить куртку, не потревожив их.

— Я принесу.

Он отворачивается и бредет по песку, прежде чем исчезнуть за машиной. Я жду в тишине. Подношу руку ко рту, чтобы погрызть ноготь большого пальца, ожидая их реакции. Как Сет может прерывать их, не чувствуя себя неловко — это выше моего понимания. Мне бы не хотелось оказаться в подобной ситуации со спущенными штанами.

— Не обращайтесь на меня внимания, — слышу, как говорит им Сет. Селена визжит, и я закрываю рот рукой, чтобы подавить смех. — Оливия замерзла. Судя по всему, вы тоже. Постарайтесь не поцарапать мою машину этими штуками.

Селена разочарованно рычит, и дверца машины открывается и закрывается. Секунду спустя Сет неторопливо возвращается ко мне.

Я выхожу из-за машины, не в силах скрыть улыбку.

— Правда, Сет?

— Эй, ты же знаешь, что я никогда не упускаю возможности пошутить над сосками.

Он протягивает куртку, и одну за другой я просовываю руки в рукава и натягиваю ее на плечи. Я встаю на цыпочки и целую его в щеку.

— Спасибо.

Он подхватывает меня на руки и несет обратно к покрывалу. Когда мы огибаем переднюю часть машины, Селена бросается в одну сторону, а Джексон в другую, проводя пальцами по своим коротким волосам.

— Напомни мне не приглашать этих двоих на ужин в следующий раз, — шепчет Сет мне на ухо. — Я просто счастлив, что они наконец-то снова разговаривают друг с другом.

На покрывале все еще храпел Дэррил, совершенно не обращая внимания на то, что происходило у машины. Не знаю, как он чувствует себя так спокойно здесь, в глуши. Я слишком напугана, чтобы даже моргнуть на секунду слишком долго. Селена падает на покрывало, вытаскивая свой мобильный из кармана.

— Связи нет, — заявляет она, запихивая его обратно. — Ненавижу Вегас.

Сет опускает меня на покрывало, и я подхожу к Селене, в то время как Сет ложится на спину и закрывает глаза. Думаю, это его завуалированный способ дать нам с Селеной немного девчачьего времени. Я поворачиваюсь к нему спиной и подтягиваю колени к груди. Хватаю концы куртки и натягиваю ткань на колени и вниз по ногам. *Ах, так-то лучше. Теперь я маленький комочек тепла.* Селена откидывается назад, опираясь на ладони, и вытягивает ноги, прежде чем скрестить их в лодыжках. Я смотрю на нее сверху вниз — на ее ноги, — и мой взгляд скользит к неровной ткани у ее промежности. *Упс. Расстегнутая молния.* Нет ничего более неудобного, чем расстегнутая молния. Как сказать кому-то, что у него расстегнуты штаны, не чувствуя себя неловко? К черту. Я только что застала ее и Джексона в середине кое-чего. Самое меньшее, что я могу сделать, это сказать ей, что у нее расстегнута ширинка.

— Э-э, Селена?

— Да?

Я прочищаю горло и наклоняюсь к ее уху.

— Твоя молния...

Она смотрит вниз и хихикает, ее щеки становятся ярко-розовыми.

— Прости. Все дело в этих джинсах. Молния всегда сползает.

Я киваю головой, скривив губы в улыбке. Решаю не дразнить ее насчет Джексона. Если она захочет сказать мне, то скажет... Если бы только она захотела, тогда, может быть, я смогла бы помочь или дать какой-нибудь дельный совет. Потом до меня доходит. Джексон и случайные девушки, которых он приводит. Она должна знать... И сейчас как никогда подходящее время, чтобы рассказать ей.

— Сел, я должна тебе кое-что сказать. Я не хочу, но я твоя лучшая подруга и чувствую, что, вероятно, должна это сделать.

— Мой сосок? — Селена снова смотрит на свою молнию, а затем на грудь, явно осматривая свою одежду.

Я хихикаю.

— Нет, дело не в этом. — Я прочищаю горло. — Как ты знаешь, Джексон останавливался у нас... Он... — Я прикусываю губу зубами. *Господи, это сложнее, чем я думала.* — Он приводил домой девушек... Девушек, которые не похожи на тебя.

Она избегает смотреть мне в лицо.

— Я знаю.

— Ты знаешь? — выплевываю я. Если я не буду осторожна, мои глаза вылезут прямо из черепа.

— Да, знаю.

И на этом все заканчивается. Впервые с момента встречи с Селеной мы погружаемся в неловкое молчание, нам нечего сказать, и это причиняет боль. *Она меняется? Меняюсь ли я?* Нам с Селеной *всегда* есть о чем поговорить. Всегда.

— Итак, — протягиваю я, оставляя наш предыдущий странный разговор позади. — Какие-нибудь планы на будущее?

Она качает головой.

— У меня больше нет сил для Вегаса. Я покончила с этим. — Она делает паузу, втягивает губу в рот и отпускает ее с *хлопком*. Это ее привычка, когда она нервничает... А Селена *никогда* не нервничает, так что это действие выводит меня из себя. — Я подумываю о том, чтобы уехать домой пораньше, О, — бормочет она, запрокидывая голову к небу.

Я натягиваю куртку.

— Но у нас еще есть месяцы здесь.

— У *тебя* еще есть месяцы здесь. Я здесь из-за Джексона, и теперь... — Она делает глубокий вдох через нос и быстро выдыхает. — Теперь я закончила.

Она не может уехать. Что я буду делать без нее? Тусоваться с Мэдди? Не то что бы я имела что-то против Мэдди, просто Селена моя лучшая подруга... Моя сестра.

— Не уезжай, — умоляю я ее, вытаскивая ноги из куртки и придвигаясь ближе. — Пожалуйста, Сел, ты мне нужна. Я не смогу сделать это без тебя. Кто будет сидеть рядом со мной на поединке? Кто будет держать меня за руку и подбадривать, когда я не смогу справиться?

— Оливия...

— Останься со мной. В моем номере, — выпаливаю я. Слова вылетают без раздумий с моей стороны, и я на мгновение замолкаю.

Сет не возражает, и я не осмеливаюсь оглянуться через плечо, опасаясь убийственного взгляда, который он, вероятно, посылает прямо мне в спину.

— Верни Джексону его жилье и останься со мной до конца поездки. — умоляю я,

отчаянно пытаюсь заставить ее остаться со мной.

— И Сет не будет возражать? — спрашивает она, понижая голос.

Я сглатываю и, наконец, оглядываюсь через плечо. Как я и ожидала, его темные глаза смотрят на меня. Я наблюдаю за ним, пытаюсь вести беседу глазами, и после интенсивного состязания в гляделках он закрывает свои глаза на три секунды, а затем снова открывает их.

— Нет, — говорит он, и мои плечи опускаются. — Я не возражаю.

Странный писклявый звук восторга пробивается вверх по моему горлу и выходит изо рта. Я разворачиваюсь и набрасываюсь на мужа. Обхватываю ногами его идеальные бедра и хватаю его идеальное лицо. Я целую его снова, снова и снова, пока он прижимает меня к себе.

— Думаю, мне есть чего ждать с нетерпением, — невозмутимо говорит Селена, когда я осыпаю поцелуями своего удивительного мужа.

Сет отстраняется и наклоняет голову в сторону Селены.

— После того, что я видел пару минут назад у моей машины, ты у меня в долгу.

Я хихикаю, когда Селена закатывает глаза.

— У меня такое чувство, что *это* никогда не забудут.

— Ни за что на свете, копуша.

Оливия

Семь недель спустя

За семнадцать дней до боя Сета против Дона

Я сжимаю руками керамический унитаз. Это третий раз в моей жизни, когда я становлюсь жертвой жареной курицы, приготовленной Селеной. *Пищевое отравление*. Это происходит каждый раз, когда она запекает курицу, и, как назло, я единственная в доме, у кого слабый желудок. Селена, Сет, Джексон, Дэррили его жена съели то же самое, но похоже, что я единственная, кому достались недопеченные куски. Единственная причина, по которой я это съела, заключалась в том, что мы с Сетом заперты уже несколько недель. Я начинала уставать от его мужской, диетической и постной еды. Мой желудок скручивается, и я быстро заправляю выбившуюся прядь волос за ухо. Меня рвет. Снова тошнит до тех пор, пока я не перестаю дышать и пока мое горло не начинает гореть. Затем мой желудок успокаивается, а позывы к рвоте отпускают меня. Я отпускаю унитаз и приваливаюсь к стене ванной, совершенно измученная. Странно, учитывая, что я проснулась меньше часа назад. Я опускаю голову на колени и закрываю глаза. Ненавижу болеть. Я ненавижу болеть больше всего на свете. Вы не осознаете, насколько вы здоровы, пока не почувствуете себя плохо.

— О? — зовет Селена из моей спальни. — Ты в порядке?

Я не отвечаю. Боюсь, что, если я сделаю одно маленькое движение, меня опять вывернет. Раздается тихий стук в дверь ванной, и я стону «войдите». Даже я признаю, что это больше походило на умирающего тюленя, чем на человека, дающего разрешение открыть дверь.

— Как ты держишься? — спрашивает она, ее голос наполняет тихую ванную комнату.

— Я ненавижу тебя, — ворчу я, не поднимая лица.

Она смеется.

— Я не знаю, что сказать, О. Держись подальше от того, что я жарю, если не можешь с ним справиться. — Слово «жарю» заставляют меня съежиться. Я *никогда*, никогда больше не захочу есть ничего жаренного.

— Ты не возражаешь, если я немного посижу здесь? Джексон пришел, а я правда не хочу видеть его сегодня.

Я киваю. Это, должно быть, худшая комната в доме, в которой можно спрятаться, особенно когда кого-то тошнит вчерашним ужином и желудочной кислотой, но, эй, это ее выбор. Есть определенный режим, которому Селена и Джексон следуют каждые несколько дней. Он приходит. Они разговаривают. Занимаются сексом. Он кончает (буквально). Они спорят. Он уходит. Джексон здесь, так что это значит, что сегодня «плохой» день. Мой желудок сводит от этой мысли. Я действительно начинаю сожалеть о нашей договоренности с Селеной... И количество споров между Сетом и Джексоном просто смешно до нелепости.

Думаю, что Сет тоже сходит с ума, будучи все время запертым здесь. Он никуда не выходит, и из-за всего этого он даже тренируется дома. В гостиной царит беспорядок. Она заполнена беговыми дорожками, гантелями, скакалками, штангами, боксерскими перчатками и другими перчатками странной формы. Наш дом превратился в тренажерный зал, и Сет установил свой собственный распорядок дня. *Секс. Тренировка. Еда. Секс. Тренировка. Еда. Больше секса. И так по кругу*. Он так поглощен своим расписанием, что

больше не соблазняет меня на секс. Он бросает на меня такой взгляд... Этот сексуальный, темный взгляд из-под бровей, который говорит: «Снимай одежду», и мы начинаем. Он агрессивен и капризен, и так было последние четыре недели. Он на самом деле немного меняется в преддверии большого боя, так что я не буду злиться на него. Я только надеюсь, что, когда все закончится, я верну своего Сета, того, за которого вышла замуж: очаровательного, милого, страстного и заботливого.

— Оливия, — зовет Сет через деревянную дверь, отрывая меня от собственных мыслей.

Выдыхая, я поднимаю голову и позволяю ей откинуться обратно на стену. Селена сидит, прислонившись к шкафам под раковиной. Ее светлые кудри собраны в милый беспорядочный пучок на макушке, и она сильнее натягивает свой пушистый халат на плечи.

— Который час? — спрашиваю я Селену, и она достает свой телефон из внутреннего кармана.

— Восемь.

Я вздыхаю.

— Сет закончил тренировку и хочет принять душ.

Вау. Его распорядок дня стал настолько масштабным, что я на самом деле знаю время, когда он принимает душ.

Селена поднимает ладони и встает на ноги.

— Больше ничего не говори. Я спрячусь в другой комнате до ухода Джексона.

— Я спущусь через минуту. Может, смогу отпугнуть Джексона своим смертельно бледным лицом, — говорю ей, и с неловкой улыбкой она выходит из ванной, впуская Сета.

Я остаюсь сидеть у стены, наблюдая, как Сет стягивает через голову толстовку. Она на три тона темнее, чем была, когда он ее надевал. Когда он отпускает ее, весь впитанный ею пот ускоряет падение на пол. Мой взгляд скользит по его спине, когда муж поворачивается в мою сторону. Я терпеливо жду, пытаюсь разгадать, с каким Сетом мне придется иметь дело этим утром.

— Тебе лучше?

Я думаю над его вопросом. Живот больше не болит, горло не горит, но я все еще чувствую вялость.

— Я чувствую себя намного лучше теперь, когда из меня вышли все остатки курицы, приготовленной Селеной.

Сет смеется и протягивает свою большую руку. Я бросаю на него взгляд, но не решаюсь взять. Сет хмурится.

— Боюсь, что если встану... Меня может вырвать на все вокруг, — признаюсь я, подтягивая колени к груди.

— Я помогу тебе. Двигайся медленно.

Я в замешательстве наблюдаю за его милыми действиями.

— Почему мне нужно вставать?

— Потому что я собираюсь принять душ с тобой. Ты почувствуешь себя лучше.

Странно. Сет принимал всегда принимал душ в одиночку после тренировок дома. Когда я спросила Дэррила об этом, он заверил меня, что все это часть «ментальной подготовки» Сета.

— Что случилось, Оливия? — спрашивает он, все еще протягивая руку.

— Мы не принимали душ вместе неделями, — напоминаю ему. — Уверен, что хочешь...

— Я хочу принять душ вместе этим утром. — Его голос низкий и властный. — Дай руку.

Не раздумывая ни секунды я просовываю свою руку в его, и он проводит грубым большим пальцем по тыльной стороне ладони, а затем поднимает меня на ноги. Я слегка раскачиваюсь, и он делает паузу, проверяя, не нужно ли ему снова наклонить меня над унитазом. К счастью, мой желудок остается на своем месте. Сет хватается подол моей рубашки, прежде чем стянуть ее через голову. На прохладном утреннем воздухе мои соски твердеют, а кожа покрывается мурашками. Сет смотрит на мою грудь и затвердевшие соски и открывает рот.

— Я...

— Если ты скажешь хоть одну шутку про соски, клянусь Богом, я ударю тебя по больному месту.

Он закрывает рот и обращает свое внимание на свои штаны со шнурками. *Я так и знала! Я знала, что он собирался сказать шутку про соски.* Один за другим он дергает за шнурки, пока я быстро снимаю нижнее белье и отбрасываю его в сторону. Я прохожу мимо Сета и иду в душ. Ему нравится горячий душ, поэтому я поворачиваю ручки. *На восемьдесят процентов горячую и двадцать процентов холодную.* Лично я предпочитаю более низкие температуры, что-то среднее между теплом и холодом. Я держусь подальше от горячего потока, смачиваю только губку и добавляю каплю геля с запахом граната. Сет говорит, что ненавидит мой гель для душа с фруктами, но думаю, что втайне он ему нравится. Мы уже давно вместе, и я еще не видела, чтобы он пытался его заменить.

Сет заходит в душ и сразу же подставляет свое крупное тело под непрерывный поток воды. Он откидывает голову назад, позволяя ей стекать по лицу и вниз по телу.

Проходит несколько минут, и он бросает на меня взгляд через плечо. Я стою в стороне с намыленной губкой и просто жду, когда он даст мне знать, нужна ли ему моя помощь. Капли воды скатываются с краев его лица, прежде чем упасть на грудь.

— С тобой все в порядке? — Я слышу беспокойство в его голосе. Хотя Сет и был немного отстраненным и неприятным в последнее время, он всегда защищал меня и беспокоился обо мне. Это не изменилось.

Я киваю.

— Просто держусь подальше от тебя.

Его естественные правильной формы брови сходятся вместе.

— Почему?

Он выходит из-под душа и приближается ко мне. Его тело слегка розового оттенка от горячей воды, но даже такой женственный оттенок ему идет.

Я пожимаю плечами, опуская взгляд в пол.

— В последнее время ты стал другим. Отстраненный и трудный в общении... Я не знаю, чего ты хочешь.

— Я всегда хочу одного и того же, — говорит он мне, подцепляя пальцем мой подбородок и притягивая ближе. — Потерпи меня, О. Как только это закончится, я вернусь к нормальной жизни, обещаю.

Я снова киваю, это обещание очень важно для меня. Сет берет губку из моих рук.

— Повернись.

Я делаю так, как он мне сказал, и поворачиваюсь, становясь к нему спиной. Он убирает мои волосы и прижимает губку к плечу. Я почти стону вслух, когда Сет обводит мою левую лопатку, а затем правую. Я наклоняюсь вперед, упираясь лбом в холодную плитку.

— Приятно знать, что мой Сет все еще где-то там, — бормочу я, когда он проводит

губкой по моему позвоночнику.

— Я все еще здесь, — отвечает он, убирая мои волосы с шеи. — Я под большим давлением, но все еще здесь.

Я улыбаюсь. *Это все, что мне нужно услышать.*

***

Сет

— Вау, — заявляет Джексон с дивана, когда мы с Оливией спускаемся по лестнице. — Стряпня Селены действительно навредила тебе.

Его глаз полностью зажил, и единственное, что выдает тот факт, что он вернулся к Лаки — порез на переносице. Мне любопытно посмотреть, может ли он все еще драться. Так ли он хорош, как я помню.

— Заткнись, Джексон, — огрызается Селена с кухни.

Большой частью своего веса Оливия опирается на меня, но мне все равно. Она не много весит. О настаивала на том, чтобы забраться обратно в постель, но мне удалось убедить ее, что пребывание вне темной комнаты с друзьями заставит ее чувствовать себя лучше. Я забыл, что ее друзья на данный момент ненавидят друг друга и превращают каждую секунду, проведенную рядом с ними, в ад. Вот почему не нужно трахаться с людьми, находящимися с тобой в одном социальном круге. Это странно, и заставляет всех вокруг чувствовать себя некомфортно. Думаю, если собираетесь устанавливать правила относительно дружбы, *это должно быть одним из них*. Есть мысль, что, если я перестану участвовать в боях, я всегда смогу делать те таблички с цитатами, которые люди наклеивают на свои машины. Знаете, те, на которых написано «сигнал, если ты возбужден» (*прим. — Оригинальная фраза содержит двусмысленность и может переводиться так же еще как «сигнал, если ты рогатый»*) или «моя вторая машина BMW». На моей бы было: «Если хочешь войти в мой круг общения, не трахай моих друзей. Это дерьмо станет **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** странным **ПО-НАСТОЯЩЕМУ** быстро» Если бы только я мог вернуться назад во времени и оттолкнуть Джексона от Селены... Это бы сохранило теперешнему мне столько нервов и времени.

— У тебя никогда не было проблем с тем, что я готовлю, Джексон, — добавляет Селена.

— Ты готовила дважды, и оба раза нам приходилось уходить и брать еду на вынос.

Когда я провожу Оливию к дивану и укладываю ее, Селена вылетает из кухни и с прищуром глядит на Джексона. Его губы дергаются, когда она огрызается на него. Я понятия не имею, что она говорит, потому что когда Селена злится, то говорит слишком быстро. Добавьте к этому расстроенного Джексона и получите шумный хаос, в котором никто ничего не может понять.

— Хватит! — кричу я, заставляя всех в комнате подпрыгнуть. — Оливия плохо себя чувствует. Если хотите ругаться, то делайте это в другом месте.

Они немедленно закрывают рты.

Оливия кладет ноги Джексону на колени, и он двигает рукой, прежде чем положить их на ее лодыжки. Как по мне, этот жест слишком непринужденный, особенно когда его большой палец касается голеностопного сустава. Он тоже защищает Оливию, и я знаю, что Джексон не подразумевал ничего такого под этим жестом. Он мой верный друг и никогда бы не предал мое доверие, но Оливия *моя* жена. Я должен быть тем, кто создает ей комфорт, когда она больна, а не кто-то вроде Джексона, который — давайте посмотрим правде в глаза

— не заслуживает того, чтобы прикасаться к кому-то такому милому, как она.

Я делаю шаг вперед и хватаю Оливию за ноги, убирая их подальше от Джексона.

— Я так не думаю, Джекс.

С ухмылкой он соскальзывает с места, а я сажусь вместо него, хватаю Оливию за колени и тяну вниз еще сильнее, пока ее ноги полностью не накрывают меня, а задница не прижимается к моему бедру.

— Лучше? — дразнит она меня, качая головой.

— Намного.

Я улыбаюсь, опуская руки к ее ногам, когда Джексон устраивается в кресле на другой стороне комнаты.

Он мне нравится там, где не влияет на мою жену и не заставляет ее задыхаться. Она утверждает, что ей нравится «страсть» Селены и Джексона, но я видел желание в ее глазах, когда она увидела их на фоне машины в пустыне. Ей нравится напористость Джексона, его агрессивность. Я бы завидовал ему, если бы не был, ну, собой. *Джексон Куинн крутой, но он не Сет Марк.* Я прочищаю горло и делаю быструю мысленную заметку никогда больше не говорить о себе в третьем лице.

— Вы двое много занимаетесь сексом, — заявляет Селена, перекидывая кухонное полотенце через плечо. — Может быть, ты сделал ей ребенка.

Все мое тело напрягается, и я чувствую, как тело Оливии делает то же самое. Я смотрю на нее, а она пристально смотрит на Селену.

— Или возможно твоя стряпня — просто дерьмо, Сел, — отвечает она с максимальной уверенностью. Это меня расслабляет. Женщины знают свое тело лучше, чем кто-либо другой... Верно?

Некоторое время назад мы кратко говорили о детях, сидя в ванне, и я хочу детей с ней, но решил, что не хочу их прямо сейчас. Я бросаю взгляд на Джексона, который пристально наблюдает за мной. На его лице нет никаких эмоций, но знаю, что он пытается мне сказать: *«Лучше бы, блядь, это было не так».* Я слегка качаю ему головой, и он незаметно откидывается на спинку стула. Я не знаю, почему почувствовал необходимость заверить его, что она не беременна. Это не его чертово дело. И Джексон, и Дэррил боятся мои отношений с Оливией. Они беспокоятся, что она разрушит все, над чем мы так усердно работали. Они не оказывают ей того уважения, которого она заслуживает. Если бы не она, я бы не был там, где есть сейчас. Это она подстегивала меня, когда я не хотел продолжать. Это она подбадривала меня после ссоры с Доном.

— Теперь, когда я думаю об этом, — говорит Джексон, — мне тоже не по себе.

Селена срывает полотенце с плеча, комкает его в своих маленьких ручках и бросает в него. Ее светлый пучок, завязанный на макушке, колышется, когда она швыряет полотенце.

— Ты несешь чушь, Джексон. Тебе понравилась моя жареная курица.

Он пожимает плечами.

— Может я сказал это только для того, чтобы залезть к тебе в трусики.

Он смеется и смотрит на меня, ожидая подтверждения, но я не тупой. Я не хочу добровольно становиться в очередь на смерть от рук Селены и Оливии. Он идиот, у которого отсутствует инстинкт самосохранения.

— Пошел ты, придурок.

Селена резко разворачивается на пятках и исчезает.

— Так держать, идиот, — огрызается Оливия на Джексона. Она пытается сбросить с

меня ноги, чтобы встать и последовать за Селеной, но я опускаю на них вес своих рук, не давая ей уйти.

— Держись подальше от этого, — предупреждаю ее.

Ее великолепные зеленые глаза вспыхивают, призывая меня попытаться остановить ее. Я смотрю на Джексона и не говорю ни слова. Секунду спустя он выдыхает и встает с дивана.

— Ладно. — Он проводит ладонями по рубашке, расправляя зеленую ткань. — Я разберусь с этим.

Когда он выходит из комнаты, становится тихо и неловко. Оливия теревит странную нитку на рукаве своей толстовки. Хотя на самом деле эта толстовка моя.

— Ты как, нормально? — спрашиваю я после нескольких мучительных минут.

Она кивает.

— Настолько нормально, насколько это возможно при пищевом отравлении.

— Хорошо. — Я провожу ладонью вверх по ее ноге, а затем снова спускаюсь вниз. — Прямо сейчас мне не нужен подобный отвлекающий фактор... — Я сглатываю. — Не думаю, что смог бы справиться с этим на данном этапе своей карьеры.

Я не сказал Оливии, что передумал уходить из ММАС. Прошли месяцы, но я ждал подходящей возможности рассказать ей об этом. Последние несколько недель она тоже была не самым приятным человеком, с которым можно было жить, и поэтому быть с ней откровенным было намного труднее. Думаю, что она чувствует себя немного в ловушке, будучи запертой здесь, и я знаю, что она с нетерпением ждет, когда я уйду, хотя она никогда бы в этом не призналась. Избегая смотреть мне в глаза, она кивает головой.

— Верно. Мне бы не хотелось расстраивать *тебя*, вынашивая ребенка у *себя* в животе и производя его на свет из *своего* влагалища. Я уверена, что это очень усложнило бы тебе жизнь.

Я откидываю голову на спинку дивана.

— Это не то, что я имел в виду, Оливия, и ты это знаешь.

Она выдыхает, качая головой.

— Я даже не знаю, почему я это сказал. Мы не должны ссориться из-за того, чего не происходит.

Оливия убирает с меня ноги, садится, а затем встает.

— Но если это однажды случится, то надеюсь, что ты вспомнишь все, что сказал мне в ванне... В этом мире есть много вещей, с которыми я могу справиться, но ложь не входит в их число.

— Я бы никогда не солгал тебе.

— Надеюсь на это, — отвечает она через плечо, направляясь к лестнице. Я смотрю ей в спину, когда она медленно поднимается по ступенькам и исчезает за дверью спальни.

***

Оливия

Я не могу удержаться, чтобы не взглянуть на Сета, когда прохожу мимо него по пути в ванную. Он лежит на кровати лицом вниз, а его спина обнажена. Его черные спортивные штаны низко сидят на бедрах, почти открывая соблазнительный изгиб задницы. В комнате темно. Полагаю, этого следует ожидать в десять вечера. После того, как я оставила Сета на диване этим утром, я вернулась в нашу комнату и вздремнула. Когда проснулась, все следы тошноты, усталости и судорог исчезли. Приятно знать, что яд Селены не задержался в моем

теле слишком долго.

— Я чувствую, как ты смотришь, — говорит Сет в подушку. — Тебе нравится вид?

— Если ты имеешь в виду то, как ты просто лежишь там, не говоря ни слова, то да.

Он приподнимается на локтях, и я быстро ныряю в ванную и запираю дверь, прежде чем он успеет возразить. Сет ненавидит, когда последнее слово остается не за ним. Улыбаясь, я открываю дверь душа и включаю воду. Затем цепляю пальцами подол своих спортивных штанов и стягиваю, бросая их на пол. Струи быстро наполняют ванную паром, отчего мои легкие наполняются тяжестью и теплом. Теперь я счастливее, тошнота не давит мне на живот, и тот факт, что Сет решил продолжить свою карьеру, не беспокоит меня. Это не мое решение, и я поддерживаю его, что бы он ни решил сделать. Я просто надеюсь, что, хотя его мнение изменилось, его обещания — нет.

Я стягиваю рубашку через голову и отбрасываю ее в сторону. Умираю от желания еще раз принять душ. Несмотря на то, что проспала весь день, пот кажется тяжелым, а кожа грязной. Я вхожу в душ и открываю холодный кран до тех пор, пока пар не перестает вырываться из воды. Я поворачиваюсь и откидываю голову назад, позволяя воде столкнуться с кожей головы и смыть сегодняшние проблемы. Пока вода ровно бьет мне в голову, я наклоняюсь вбок и тянусь за шампунем. Внезапно струя воды прямо сталкивается с моим соском, и это *чертовски* больно! Я вздрагиваю и прижимаю руки к груди, отворачиваясь от душа. Мои соски покалывают, посылая приятное ощущение по всему телу. *Утренняя тошнота... Чувствительность сосков...* Я вспоминаю свои занятия по половому созреванию в средней школе, и все мое тело замирает, когда все звуки удаляются. *О, нет. Нет, нет, нет, нет. Этого не может быть.* Мысленно я пытаюсь посчитать, сколько дней прошло с последней менструации. Я регулярно принимаю свои таблетки... После того, как я забываю, мне приходится догонять прием. Хотя иногда я принимаю таблетки поздно... Это не значит, что они становятся менее эффективными, верно? Я слышу голос Селены в голове. *«Ты должна относиться к инструкциям от таблеток, как к Библии. Читай это дерьмо каждое утро. Убедись, что следуешь всем правилам, отмечай каждую важную инструкцию и молись Богу, чтобы все получилось».* В ее устах звучит ужасно смешно. Во-первых, у нее нет Библии. Во-вторых, она пропустила все уроки религии в начальной и средней школе, и в-третьих, ну, она не верит ни во что, что не может выпить, надеть или нанести на лицо. Доктор сказал мне: *«Принимайте по одной таблетке каждый день в одно и то же время. Если пропустите, у Вас есть 24 часа, чтобы ее принять».* Алкоголь также снижает эффективность... Но я подумала, что Селена пьет как верблюд, так каковы шансы, что моя таблетка даст сбой раньше ее таблетки? Я прислоняюсь к стеклу, все еще обхватив руками собственную грудь. *Может быть, ты просто слишком придаешь этому значение... У тебя болит грудь как раз перед месячными.* Эта мысль принесла бы утешение, если бы я точно знала, когда у меня должны начаться месячные.

— Просто пережди это, — шепчу я себе. Я провожу руками по лицу и запрокидываю мокрые волосы за уши, делая короткий вдох. — Все в порядке. Все будет хорошо.

Я хватаю шампунь, поворачиваюсь спиной к резким струям и заканчиваю принимать душ, бездумно оттирая свое тело и игнорируя любые мысли, которые проносятся у меня в голове.

***

В темноте я скольжу ногами по ковру, пытаюсь нащупать брошенные предметы одежды

или обуви. Спотыкаться в темноте не очень классно, особенно когда комната заполнена стеклянными столешницами и различными керамическими деталями для декора. Можно подумать, что они убирают все хрупкие вещи, когда слышат, что Сет приезжает в город.

Недалеко я слышу его ровное дыхание, и от этого у меня в животе скручивается чувство вины. Это тот вид вины, который разъедает желудок и вызывает ощущение, что у вас в кишечнике камни. Хотя я и не сделала ничего плохого, я чувствую себя так, будто что-то от него скрываю... Будто все мысли, которые пришли мне в голову в душе, были как будто за его спиной, и он бы не одобрил этого. Мои пальцы скользят по краю кровати, и я наклоняюсь вперед, дотрагиваясь руками до матраса. Я скольжу в постель на животе, словно тихий тюлень. Перекатываюсь на спину и использую ноги, чтобы вытащить атласные простыни из-под своей задницы. Я двигаюсь настолько мало, насколько могу, хватаясь за край простыни и прикрывая свое тело гладкой тканью. Спать в нижнем белье — это потрясающая идея, когда у вас есть такие же шелковые простыни, как эти. Я отворачиваюсь от Сета и сворачиваюсь в клубок. Я не обнимаю его, пока он спит... В страхе от того, что он учует мои мысли. Не прошло и секунды, как его большое тело повернулось ко мне. Я задерживаю дыхание, надеясь (молясь), чтобы он не проснулся. Впервые за все время я чувствую себя неудобно, когда его твердые руки оборачиваются вокруг меня и притягивают к нему. Я вдыхаю, он пахнет потрясающе.

— Не в настроении обниматься сегодня вечером? — спрашивает он, и я чувствую улыбку на его губах.

Он теплый — невероятно теплый, — и эта теплота впитывается в мою кожу, нагревая органы. Я прижимаюсь к нему.

— Я думала, ты спишь.

Не полная ложь.

Он крепче прижимает меня к своему телу, позволяя своему большому пальцу коснуться моего тонкого бюстгалтера. Его большой палец касается моего соска, и я стискиваю зубы. Чувствительность слишком велика, чтобы ее выносить. Это почти болезненно. Сосок сразу же затвердевает, и я уверена, что Сет легко почувствовал это сквозь ультратонкую кружевную ткань.

— Без тебя? Нет.

Мои губы дергаются, когда он один раз целует меня в макушку. Дважды. Трижды. Когда он заканчивает, то прижимается головой к моей спине, зарываясь носом во влажные волосы.

— Боже, ты так хорошо пахнешь, — бормочет он, вдыхая горячий воздух на мою кожу головы.

Его руки опускаются на мой живот, и он проводит грубой ладонью вверх и вниз, колеблясь на линии моих трусиков, прежде чем вернуться к ребрам. Его прикосновение заставляет кожу покалывать, а тело страстно желает почувствовать его по всей груди и между ног. Сет гладит меня снова и снова в течение нескольких минут, почти убаюкивая. Затем его рука замирает и становится немного тяжелее.

— Сет? — бормочу я. Я внезапно зажмуриваю глаза, надеясь, что не получу ответа.

— Хм. — Его грудь вибрирует у меня за спиной, пробуждая каждую клеточку моего тела. Я чувствую, как они тянутся к нему, пытаюсь стать еще ближе.

Проклятье. Будь что будет.

— Мы в этом вместе, верно? На долгий срок, я имею в виду.

— Безусловно. — Он делает паузу, и воздух становится напряженным. — А что? Чтс

случилось? — Его голос громкий и бодрый. Все следы сонливости исчезли.

— Ничего... Я просто думаю о том, что сказала Селена.

Он выдыхает и ерзает на кровати, убирая от меня руки и перекатываясь на спину. Он забирает тепло с собой, и я кладу руку ему на бедро, просто чтобы почувствовать это тепло снова.

— Селена говорит только для того, чтобы услышать свой собственный голос, ты знаешь это лучше, чем кто-либо.

— Я знаю, но что, если...

— Послушай, если ты так волнуешься, сделай тест на беременность и посмотри сама. Ты принимала свои таблетки. Я видел, как ты это делаешь.

Я поворачиваюсь к нему с большей уверенностью, что нам надо поговорить о «проблеме».

— А если тест окажется положительным? Что будет потом?

Еще одна долгая и напряженная пауза заполняет комнату, и я ненавижу это.

— Этого не будет.

— Но что, если...

— Спокойной ночи, Оливия, — прерывает он, откатываясь от меня. Отсутствие его тела смешивается с темнотой комнаты, и если бы я не знала правды, то предположила бы, что была здесь одна... Действительно похоже на то. Тяжесть возникает у меня на груди, и я вдыхаю, пытаюсь избавиться от нее. *Не в этот раз.* Несколько недель назад такой разговор поддерживался... Затем Сет пошел с Дэррилом и увидел MGM арену, все двери, ведущие к детям и развитию семьи, были заперты, а ключ спрятан под камнем, который я не могу найти. Подобные разговоры заставляют меня беспокоиться о нем... О данных им обещаниях.

Доверие. Я ведь должна доверять Сету. Он мой муж... Я девушка, с которой он решил провести остаток своей жизни. Я должна верить, что независимо от того, как все обернется, он будет рядом весь путь, поддерживая меня, как всегда обещал. Он поддержит меня так же, как я поддерживаю его... Я знаю, что он так и сделает.

Завтра я сделаю тест на беременность и покончу с этим.

Все будет хорошо... С нами все будет в порядке.

Сет

Я трясую рукой, когда от моего локтя исходит невыносимое давление. Не успеваю опомниться, как оказываюсь на спине, а Дон закидывает ноги мне на грудь и выпрямляет мою руку. Я чувствую, как хрустит сустав, и кричу от боли. Нет, нет, нет, нет.

— Нет!

Я пытаюсь отстраниться, но это только усиливает боль.

— Сет! — множество людей выкрикивают мое имя, но я не могу выделить ни одного.

Раздается второй хруст, и моя свободная рука становится тяжелой, как будто сделана из чистого золота, и я не могу постучать. Под моей выпрямленной рукой, той, что прижата к Дону, я чувствую, как его грудь вибрирует от смеха, а затем он двигает бедрами вперед...

...и моя рука ломается.

Я возвращаюсь к реальности, тяжело дыша. Осматриваю свою комнату, слабо освещенную восходящим солнцем. Провожу руками по лицу, стирая небольшой слой холодного пота.

Я дома.

Я не проиграл.

Это еще не конец.

Игнорирую быстрый и неравномерный стук сердца. Оно бьется как отбойный молоток. Протягиваю руку в поисках тепла Оливии. У меня в животе комок отчаяния, когда я размышляю о возможности того, что ее здесь нет. После того, как я проигнорировал ее прошлой ночью, меня бы это не удивило. Когда мои пальцы касаются ее позвоночника, отчаяние рассеивается, и я придвигаюсь ближе. Я обнимаю ее и чувствую, как ее крошечное тело расслабляется, как будто я — это все, что ей нужно, чтобы хорошо спать. Мое сердце колотится в грудной клетке, и мне интересно, чувствует ли она его спиной. Я зарываюсь носом в ее волосы и вдыхаю. Ее запах — это самый сладкий и сексуальный аромат, который я когда-либо вдыхал в своей жизни. Он проникает в мои легкие и творит свое волшебство. Дальше он следует в грудную клетку... Мое сердце сжимается, потому что запах успокаивает его, возвращая к нормальному ритму. Я выдыхаю и полностью расслабляюсь, когда провожу пальцами по ее упругому животу, пытаюсь найти что-то... Я действительно не знаю. Простой ночью мне было холодно, когда я отвернулся от нее. Мне не следовало этого делать, но Оливия уже поколебала мою уверенность в себе. А если Селена права? *Могло ли это случиться на самом деле? Могу ли я быть на пути к отцовству?* Нет... Я не могу. Я не готов. Мне нужно время, чтобы чему-то научиться... Чему угодно о том, как быть отцом. Нет. Нужно сосредоточиться на своей карьере. Мне нужно победить Дона, прежде чем я подумаю о чем-то или о ком-то еще. Я слишком много работал последние несколько недель, чтобы сдаваться сейчас. Сдерживал столько эмоций, сколько мог. Я даже фигово вел себя с Оливией, чтобы держать разум в нужном русле. Вы были бы удивлены, насколько легко заставить себя напрячься сильнее, когда вы ни о чем не беспокоитесь. Я смотрю на окно и на яркое сияние, которое просачивается по краям. *Должно быть, скоро тренировка.* Бросаю взгляд через плечо на будильник на прикроватном столике и конечно же у меня есть две минуты до того, как мне придется встать и начинать тренировку. Я бы предпочел остаться

в постели со своей полуобнаженной и чертовски сексуальной женой, но, увы, у меня есть план на день, чтобы совершенствоваться и бить придурков. С невероятным трудом я отстраняюсь от Оливии и соскальзываю с кровати.

Когда спускаюсь вниз, Дэррил и Джексон уже ждут меня. Я сожалею, что разрешил отелю выдать Дэррилу ключ-карту. Возможно, тогда я мог бы пропустить несколько тренировок и остаться в постели, где действительно хочу быть.

— Готов, Сет? — зовет Дэррил с нижней площадки лестницы. Он откусывает хрустящее зеленое яблоко и улыбается мне.

Я киваю.

— Да.

***

К тому времени, как я заканчиваю, моя грудь тяжело вздымается, а тело покрывается толстым слоем пота. Дэррил и Джексон стоят у окна. Дэррил что-то заполняет в своем маленьком планшете, а Джексон прислоняет голову к стеклу. Он без футболки и такой же потный, как и я. Все его татуировки выставлены напоказ: от правого бедра до верхней части шеи. Я предупреждал его насчет чрезмерного количества татуировок, но похоже, что у него нет проблем с тем, чтобы выглядеть как наркоторер.

— Ну, я не собираюсь говорить, что ненавижу здесь жить, — объявляет Селена, улыбаясь сама себе, когда падает на диван со своей миской хлопьев. Ее взгляд скользит по нам с Джексонем, и мы ухмыляемся ей. Эта девушка говорит практически все, что приходит в ее хорошенькую головку.

На подоконнике звонит мой телефон, и я иду за ним, заглушая раздражающий рингтон, прежде чем он разбудит Оливию. Я все еще не могу поверить, что она спит. Я думал, что шум от нас во время тренировки разбудил весь отель. Я останавливаюсь и смотрю в сторону лестницы. *Ничего*. Оливия все еще спит.

— Я так понимаю, она не ранняя пташка? — Джексон смеется, его зеленые глаза светятся, когда он смотрит на меня. Ему нравится видеть меня таким. Под каблуком женщины.

— В данный момент нет.

— Кто это? — спрашивает Дэррил, не отрываясь от своих бумаг.

Я смотрю на экран и замираю.

— Черт.

Мэтт Сомерс. Я нажимаю зеленую клавишу и подношу телефон к уху.

— У меня такое чувство, что я пожалею, что ответил на этот звонок.

Мэтт смеется.

— Да ладно, Сет. Почему ты всегда предполагаешь, что у меня есть какие-то тайные планы каждый раз, когда я звоню?

— Потому что это так, но если каким-то чудом нет, то оставь меня в покое. Я терпеть не могу болтовню.

Дэррил и Джексон наклоняются ближе, прислушиваясь.

— Да. — Он нервно смеется. — Я просто подумал, что могу связаться и спросить, как жизнь. Как дела? Как поживает твоя жена?

— Болтовня, — с рычанием предупреждаю я его. — Я занят.

— Хорошо, хорошо. — Он смеется один раз. — Я позвонил, потому что команда

тренеров Дона обратила внимание, что ты не ходишь в спортзал.

— Они, наконец, заметили? Я уже давно там не тренировался, Мэтт.

Глаза Джексона и Дэррила расширяются, а затем сужаются.

— Почему нет? — Все веселье исчезло из его голоса, который приобрел новые нотки.

— Ты знаешь почему. Я не тренируюсь под одной крышей с этой свиньей и не играю в твою гребаную игру. Я знаю, что ты делаешь. Знаю, что ты используешь нашу борьбу в своих целях, поэтому я заперся в своем гостиничном номере.

Он фыркает.

— Ты убегаешь, Сет? Я выбрал тебя не для того, чтобы ты был таким...

— Я не убегаю, — огрызаюсь я. — Возможно, для тебя это шутка, но это моя жизнь и моя карьера.

— Твоя карьера? Что ж, раз ты так говоришь. Как твой босс, я говорю тебе выползти из своей гребаной скорлупы и появиться на публике. Если ты хочешь выжить в этом бизнесе, малыш, тебе лучше слушать внимательно. Ты принадлежишь мне, понял? Ты делаешь то, что я, блядь, тебе говорю. Ты бьешь, когда я говорю «бей», садишься, когда я говорю тебе сидеть, и прыгаешь, когда я так скажу. — Он делает паузу, и мой телефон скрипит, когда я сжимаю его в руке. *Ну и наглый мудака.* — У меня и раньше были такие сопляки, как ты, Сет. Спроси меня, где они сейчас? В твоих же интересах выслушать меня. И тебе же лучше, чтобы этот бой попал в учебники истории, иначе тебе хана.

Он вешает трубку, и я опускаю телефон, прежде чем бросить его на ковер. Он собирается втянуть меня в свою игру... И у меня нет выбора. Я должен сыграть им на руку, иначе рискую потерять все.

Вот оно. Я знаю, что должен сделать.

— Мы выйдем из номера, — объявляю я, устремляясь к лестнице.

— Куда? — кричит Джексон мне вслед.

— Найти Дона.

Я преодолеваю по две ступеньки за раз. Если Мэтт хочет, чтобы я появился на публике, я так и сделаю. Он получит самое грандиозное зрелище, которое когда-либо видел. Я устрою чертов бунт и навлеку на ММАС большие неприятности. Мэтт Сомерс пожалеет, что попросил меня сыграть в его игру. Мне нравятся игры и, что еще более важно, нравится побеждать. И я одержу победу.

***

Найти Дона было нетрудно. Селена нашла его страницу в твиттере. Придурок опубликовал фотографию своего местоположения со стройной блондинкой, красиво устроившейся у него на коленях. Сейчас девять утра, и он с девушкой потягивает дайкири в овальном бассейне «Арии». Похоже, он относится к своим тренировкам не так серьезно, как я. Если он думает, что победит меня, значит с ним что-то не так.

Дэррил предупреждал меня держаться подальше от Дона. Он умолял меня проигнорировать слова Мэтта, но я не мог. Я собираюсь уничтожить соперника, но в этот раз не физически. Игра, в которую я играю, будет чисто ментальной. Я ударю его так сильно, что он войдет в тренировочный зал и не выйдет оттуда до вечера боя. Я хочу, чтобы у него шел пар из ушей, чтобы он поклялся своей жизнью, что уничтожит меня. Пришло время мне проникнуть в его голову и держать подальше от моей.

Я оставил Оливию в ванной, когда уходил сегодня утром. Она чувствовала себя не очень

хорошо, и я ощущал, как страх скручивает мой желудок, когда увидел ее сонно лежащую на прохладной плитке. Сегодня она собирается делать тест, и я должен подготовиться к его результату... Каким бы он ни был. Я сказал ей, что люблю ее и что буду держаться подальше от неприятностей... Даже несмотря на то, что знал, что вторая часть была ложью.

Казино «Ария» великолепно. Здание возвышается над землей и выглядит блестящим и красивым благодаря своим тонким изгибам. Если я когда-нибудь вернусь в Вегас, то останусь здесь. Оливии тоже понравилось бы. С очередным неодобрительным бормотанием Дэррил подъезжает к казино.

— Уверен, что знаешь, что делаешь, Сет? — спрашивает Джексон с заднего сиденья. Я киваю.

— Это единственный способ держать Дона и Мэтта подальше от моей жизни до боя.

— А что будет после боя? — вмешивается Дэррил, его голос звучит снисходительно и агрессивно. Я пожимаю плечами и открываю свою дверь.

— Посмотрим.

Дэррил раздраженно вскидывает руки.

— Посмотрим?

Я выскальзываю из машины и поправляю свою черную футболку. Джексон и Селена следуют моему примеру, но Дэррил остается сидеть, вцепившись пальцами в руль.

— Ты идешь? — Джексон зовет его через мое плечо.

— Я не хочу в этом участвовать.

Я толкаю свою дверь, и она захлопывается. В любом случае мне не нужна помощь Дэррила. По большей части он ведет себя словно ангел, который сидит у меня на плече и говорит мне, что делать, а что нет. Я не могу позволить себе этого сегодня. Мне нужно вернуться к тому времени, когда мне было наплевать. К тому времени, когда у меня был только Джексон и моя собственная свободная воля.

Нам не требуется много времени, чтобы найти бассейн. Селена прекрасно разбирается в своем телефоне и сумела найти дорогу прямо к нему. Я сказал Джексону не брать ее с собой, но теперь рад, что мы это сделали. Это избавляет нас от необходимости любезничать с персоналом отеля, чтобы попасть внутрь. Вместо этого мы ведем себя так, будто находимся здесь уже много лет, и когда любопытные взгляды слишком долго задерживаются на нас, мы обнимаем проходящих мимо пьяных людей и притворяемся, что являемся частью того, что происходит. Это не надежное прикрытие, но оно работает.

Бассейн полон для этого времени суток, и пьяных гораздо больше, чем я ожидал. Я осматриваю окрестности, оглядывая овальный бассейн в поисках лысого мужчины, который, вероятно, слишком сильно улыбается, громко смеется и ведет себя как полный придурок.

— Вот! — Селена показывает направление. — Вон там, у бара.

И действительно в закрытом помещении на другой стороне бассейна находится отвратительный лысый Дон. Он громко смеется и щипает свою подругу за задницу. Она визжит и отмахивается от него. Девушка красива: длинные золотистые волосы, потрясающее тело и длинные ноги. Мне жаль ее... Не потому, что она настолько глупа, чтобы связываться с Доном, а потому, что я собираюсь использовать ее, чтобы разнести это место на части. Вся его команда тоже там: от тренера до спарринг-партнера. Если что-то пойдет не так, это может стать проблемой для нас. Джексон и я не можем справиться с шестью парнями, как бы хороши мы ни были. Тем не менее я надеюсь, что это не перерастет в драку... Или нам с Доном обоим конец.

— Ладно, Селена, иди развлекайся. У нас с Джексоном есть кое-какие дела.

Она проскальзывает передо мной, не давая подойти ближе к бару.

— Черт возьми, я тебе понадоблюсь.

Я крепко скрещиваю руки на груди.

— Ты мне понадобишься?

Она кивает.

— Да. Я видела, как ты смотрел на ту девушку. Если хочешь привлечь ее внимание, тебе понадобится моя помощь.

Джексон фыркает, заставляя меня усмехнуться.

— Мне понадобится твоя помощь, чтобы привлечь внимание девушки? Джексон прав, ты сумасшедшая.

Селена прищуривается.

— Послушай меня, мистер Мачо, не сомневаюсь, что ты сможешь привлечь ее внимание, но Дон увидит тебя раньше, чем ты окажешься в пределах ее досягаемости. Тогда твой план не сработает.

— Что ты предлагаешь?

Не говоря ни слова, она хватается подол своей майки и стягивает ее через голову. Она прижимает ее к моей груди и поправляет свое крошечное белое бикини.

— Я привлеку его внимание.

Ткань обнажает большую часть ее пышной груди, и она такая тонкая, что я могу видеть темные круги ее сосков под ней. Я прочищаю горло и отвожу взгляд, глядя через плечо на Джексона. Он пожимает плечами с ленивой улыбкой на лице. Я бы натянул свою майку на Оливию и потащил ее задницу обратно в отель, будь я на его месте, а моя жена — на месте Селены.

— Он не возражает, — говорит Селена, глядя мимо меня на Джексона. — Мы не встречаемся, верно?

Он отвечает не сразу, но когда отвечает, то его голос мрачен и суров:

— Да.

С ухмылкой она расстегивает свою джинсовую юбку и спускает вниз по ногам, прежде чем подхватить пальцами ног и завернуть телефон в ткань.

— Теперь это *мой* план. Привлеку внимание другой девушки, а затем соглашайся со всем, что я делаю. — Она сует мне свои вещи и отворачивается. Прежде чем уйти, Селена быстро оборачивается, и в ее глазах внезапно появляется мольба. — Черт, вероятно, будет немного странно, поэтому, что бы ты ни делал, не говори Оливии. Она возненавидит меня.

— Ты не можешь хотя бы сказать мне, в чем заключается план, чтобы я знал?

Она качает головой и теребит пальцами свои волосы.

— Если скажу, тебе это не понравится, но обещаю, что это разозлит Дона больше, чем все, что ты придумаешь сам. — Она подмигивает через плечо, прежде чем направиться к бару, соблазнительно покачивая бедрами.

Она точно знает, что делает... Она точно знает, как привлечь внимание мужчины, и Дон проглотит наживку.

Джексон и я обходим вокруг бассейна, двигаясь против часовой стрелки, пока не оказываемся на противоположной стороне бара. Мы занимаем два стула у деревянного бара и заказываем по пиву каждому. Я не планировал пить свое, но похоже, что у Джексона другие мысли. Он осушает свое пиво меньше чем за тридцать секунд и подает знак, чтобы

принесли еще.

— Жажда, Джекс?

Он отмахивается от меня и возвращается к своему пиву. Я думаю, для него это тяжелее, чем он думал. В поле нашего зрения Селена небрежно прогуливается вдоль бассейна, прикрывая глаза рукой от утреннего солнца. Она медленно поворачивается и идет к бару. Затем останавливается и кивает головой на что-то на дальней стороне бассейна.

— Пиво? — кричит она, привлекая внимание каждого посетителя бара в поле зрения. — Кувшин пива?

Селена машет своим невидимым друзьям и показывает большой палец вверх. Затем она бежит, ее грудь покачивается, когда девушка пробирается к месту, где сидит Дон. Я смотрю на него. Его внимание больше не приковано к девушке рядом с ним, чью задницу он сжимал несколько минут назад. Оно обращено на Селену. Его взор прилип к ней, словно горячий клей, и судя по тому, как Джексон осушает второй бокал и заказывает еще один, он тоже это заметил.

Селена прислоняется к стойке рядом с Доном, выпячивая свою задницу, когда болтает с барменом. Дон отпускает другую блондинку и придвигается ближе к Селене. Она смотрит поверх плеча Дона, наклоняя голову в сторону надувшей губы блондинки, которая подходит ко мне и прислоняется к барной стойке рядом. *Думаю, мой черед.*

Блондинка заказывает мартини, и я жду шанса вовлечь ее в разговор. Она отнеслась к отказу как настоящая леди. Не было ни слез, ни ругани, ни драк, а только понимающий кивок головы. Барменша ставит бокал на стол и уходит. Девушка сжимает ножку бокала двумя тонкими пальцами и медленно поворачивает его.

— Ты же не собираешься пить одна, не так ли? — спрашиваю я, поворачивая колени в ее сторону. Я опираюсь локтем о стойку бара и улыбаюсь ей. Моя улыбка кажется натянутой и фальшивой, но сомневаюсь, что она заметит. Девушка поворачивает ко мне голову, и все ее тело напрягается. Ее губы приоткрываются, когда глаза впиваются в меня, и она делает медленный и ровный выдох. *Она не заметила.*

— Нет, если я не должна.

Она двигает свой бокал с мартини вдоль стойки, пока он не оказывается напротив моего. Муха попала в паутину так просто. Она приближается на сантиметр, и ее глаза вспыхивают.

— Как тебя зовут? — спрашивает девушка, постукивая длинным и тонким указательным пальцем по моему бедру.

— Сет. — Я указываю через плечо. — Это мой друг Джексон.

Он издает слабый стон.

— Таня.

— Я вижу, что тебя бросили, Таня, — заявляет Джексон, и в конце его предложения раздается тихий смешок.

Я закатываю глаза. *Мы должны соблазнять ее, а не вгонять в депрессию. Идиот.* Тело Тани напрягается, и она тянется за бокалом. Девушка делает большой глоток и возвращает его на стойку.

— Он все равно не сможет ей угодить, — добавляет он. — Она вляпалась в какую-то дичь.

Черт возьми. Девушка хихикает, избавляясь от прежнего дискомфорта.

— Откуда ты знаешь?

Джексон пожимает плечами с лукавой улыбкой.

— Она заговаривает ему зубы, а член у Дона Рассела крошечный. Он никогда не смог бы удовлетворить такую девушку, как она... Или ты.

Мы все смотрим на Дона. Он прижимает маленький кубик льда к груди Селены и опускает его в ее декольте. Тающий лед скользит между ее сисек и вниз по упругому животу. Она не двигается, и ее мышцы не дрожат. Это какой-то удивительный контроль. Я должен отдать ей должное. Я тяжело дышу и морщусь, как слабак, когда наступает время для ледяной ванны. Не выношу холода.

Джексон сплевывает себе под нос.

— Стойкость ко льду. Я научил ее этому.

Я качаю головой. Конечно же он. Не дай Бог он научит девушку нормальному трюку, например, не знаю, как делать минет. Не всем нравится играть со льдом... Минет же захочет каждый. Внезапно музыка стихает, и можно услышать разговор между Селеной и Доном. Я напрягаю слух, чтобы уловить намек на то, что должен делать дальше.

— Твое лицо выглядит очень знакомо, — говорит он ей. — Уверена, что мы не встречались раньше?

Селена облизывает нижнюю губу вишневого цвета, не сводя с него глаз.

— Уверена.

Таня устраивается у меня между ног, потирая мое бедро через джинсы. Я искоса смотрю на Джексона, который качает головой и возвращается к потягиванию пива. *Это все для общего блага. Чтобы нас с Оливией оставили в покое. Она поймет.*

Селена наклоняется ближе, а Дон не двигается. Он полностью очарован ею, захвачен ее чарами. Я слышу, как Джексон рычит рядом со мной, но не двигаюсь. Когда их губы вот-вот соприкоснутся, ее зрачки скользят к моим, и она отдергивает голову, задыхаясь.

— Сет Марк? — визжит она, вырываясь из хватки Дона. Она подбегает ко мне, выглядя такой возбужденной и взбудораженной. Мне от этого не по себе. — О, боже мой! Я не могу в это поверить.

Таня ругается себе под нос и идет за своим бокалом, но я хватаю ее за запястье, удерживая на месте. Я чувствую неровное биение ее пульса, и мне ненавистно, что я влияю на кого-то, кто не Оливия.

— Я Селена, — заявляет она, прижимая руки к груди. — Твоя большая поклонница.

Мне требуется вся сила воли, чтобы не рассмеяться или не закатить глаза. Она хорошо играет, это точно.

Селена поворачивается к Тане, и блеск в ее глазах заставляет меня нервничать.

— Мне нравятся твои волосы. — Селена проводит пальцами по волосам Тани, слегка дергая. — Естественный цвет?

Таня кивает, зажимая кончик волос Селены между пальцами в ответ.

— Твой тоже натуральный?

Я не идиот. Я видел это раньше и теперь точно знаю, к чему Селена клонит со своим планом. Зачем забирать у Дона одну девушку, когда можно взять двух? Я не уверен, напуган ли я ее гениальностью или впечатлен. Интересно, сколько раз она проворачивала что-то подобное. Она делает все слишком естественно для первого раза. Селена придвигает свое лицо ближе, пока ее губы не оказываются всего в дюйме от губ Тани. Я внимательно наблюдаю, потому что... Потому что я гребаный парень, и это происходит прямо у меня на глазах. Прежде чем их губы соприкасаются, Селена приближает свой рот к уху Тани и

шепчет что-то, чего я не слышу. Затем обе пары глаз падают на меня. В их глазах нет невинности... В синих была похоть, в зеленых? Решимость. Девушки приближаются, впиваясь ногтями в мои ноги, приближая свои губы к моим. Я смотрю поверх их голов на Дона, который поворачивается на своем месте, смущенно наблюдающий за нами. Я возвращаю взгляд на Селену и продолжаю смотреть на нее. Я не знаю почему... Я думаю, это заставляет меня чувствовать себя меньшим мудаком, как будто я ближе к Оливии. Если я поцелую Селену, возможно, у меня будет больше шансов на прощение, если она узнает позже. В ее глазах отражается мой собственный дискомфорт, и я вижу, как в зеленых глубинах ее глаз вспыхивает извинение. Не прошло и секунды, как они обе втягивают мою нижнюю губу в рот, и я чувствую... Ужас. Я не гений, но знаю, что технически это мошенничество. Я пытаюсь оправдать себя... *Это для общего блага. Мэтт не будет подвергать меня дополнительному стрессу после этого. Когда у меня стресс, я срываюсь на Оливии. То, что я сейчас делаю, сделает меня лучшим мужем. Более спокойным мужем.*

— Марк? — Дон рычит, отталкиваясь от своего стула. Он ударяется о стойку бара, заставляя прохожих нервничать. — Твоя жена знает, чем ты здесь занимаешься?

Девочки отпускают мою губу.

— Жена? — выплевывает Таня. Я пожимаю плечами, когда она резко отстраняется от меня и стремительно уходит, даже не оглянувшись через плечо.

Я не гонюсь за ней. Даже не пытаюсь предложить объяснение, и это просто потому, что для меня это ничего не значит. Когда она ушла, я могу дышать легче.

— Это не твое дело, — отвечаю я, небрежно беря свое пиво и потягивая его.

Я далеко зашел. Не может же все это быть напрасно. Я обнимаю Селену за талию, хватаю ее за подбородок и притягиваю к себе. Ее глаза расширяются, она слегка качает головой. Я должен был выполнить ее план, теперь она может смириться с моим. На мой взгляд, Дон недостаточно зол. Я прижимаюсь губами к ее рту, но, черт возьми, стараюсь держать язык там, где ему и положено. Вдалеке я слышу, как отодвигают стулья в сторону и кричат люди. Когда я отпускаю Селену, один из людей Дона вырывает ее из моих рук.

— Я, блядь, так не думаю! — кричит Джексон, протискиваясь мимо меня. Он приближается к мужчине, а Селена пригибается с визгом, когда Джексон хватается парня за рубашку и бьет его кулаком в лицо. Парень отпускает Селену и отшатывается назад, прижимая руку к лицу, когда кровь течет из его носа и просачивается сквозь пальцы. Наступает пауза... Долгая и напряженная пауза, а затем раздается крик. И начинается настоящий ад.

Я собираю вещи Селены в кучу и передаю ей.

— Бери вещи и жди у машины.

Она без колебаний уходит, когда охрана и люди врываются в бар. Стулья летят, кровь льется во все стороны. *Бунт. Я на самом деле устроил бунт.* Дон пристально смотрит на меня с другой стороны бара поверх драки. Он не может ударить меня, но я вижу по его лицу, что он никогда не хотел ударить меня так сильно, как сейчас, и я воспринимаю это как победу. Я победил его в его собственной игре.

Я отрываюсь от наблюдения за Доном, когда меня толкают вперед. Мое сердцебиение учащается, и я оборачиваюсь. Это спарринг-партнер Дона... Все его двести тринадцать сантиметров. Я никогда раньше не дрался с кем-то настолько выше меня. Он замахивается, и я пригибаюсь, обхватывая руками его бедра. Я толкаю его назад, пока мы не врезаемся и не падаем на поврежденные табуреты. Я прижимаю его к полу и заносу кулак назад. Когда я

отпускаю его, он застревает и не соприкасается с его лицом. Я оглядываюсь через плечо.

— Дэррил?

— Убирайся, Сет! — рывкает он, оттаскивая меня от парня. — Я предупреждал тебя. И посмотри, что случилось!

— Дэрр...

Он переводит на меня свои глаза, и я киваю. Я никогда не видел, чтобы они выглядели настолько темными. В прошлом я часто выводил Дэррила из себя — возможно, что больше, чем следовало, — но я никогда не видел его таким злым. Я протискиваюсь сквозь толпу дерущихся, уворачиваясь от случайных кулаков. Охранники ругаются и требуют, чтобы люди отступили. Вдалеке я слышу вой полицейских сирен и вытираю пот с головы. Пока иду по отелю, мое сердце продолжает биться с бешеной скоростью, а в животе появляется тяжелое чувство. Теперь я должен идти домой к Оливии... Девушке, чьи губы не касались моих всего несколько минут назад. Забудьте, что сказала Селена, я должен ей сказать. Она поймет, когда я все объясню. Оливия поймет. Я должен загладить свою вину перед ней. Не хочу, чтобы она хоть на секунду подумала, что я хочу кого-то другого.

Она *моя*...

Я прислоняюсь к стене и опускаю голову... *Я не хочу никого другого.*

***

Мой телефон жужжит в кармане, пока Дэррил везет нас обратно в отель. Селена и Джексон сидят сзади, но игнорируют друг друга. *Все* игнорируют друг друга. Я не возражаю. Тишина дает мне время собраться с мыслями и обдумать, что именно я собираюсь сказать Оливии. С тяжелым вздохом я тянусь за телефоном. Я не утруждаю себя тем, чтобы смотреть на экран, когда подношу телефон к уху.

— Алло?

— Ах, Сет. Не могу сказать, что ожидал, что ты ответишь на мой звонок. — Голос Мэтта Сомерса звенит у меня в ушах. — Беспорядок, который ты устроил, чтобы я убрал. Ты стоил мне кучу денег.

— Это то, чего ты хотел.

— Чего я хотел, так это демонстрации грани, может быть, немного грубой тренировки. Не чертов бунт.

Напряженная тишина заполняет динамик, а затем он тихо смеется.

— Я хочу злиться на тебя. Я хочу потребовать, чтобы компенсация за ущерб была выплачена из *твоего* кармана, и ты занялся судебным разбирательством... *Но* я этого не сделаю. Твой трюк продал дополнительные три тысячи мест.

Я хмурюсь.

— Серьезно?

— О, да. Забрать *обеих* девочек Дона — гениально. Он сошел с ума, публикуя по всем социальным сетям, как сильно хочет уничтожить тебя. Он даже дал интервью местной газете. Люди гудят, и это именно то, чего мы хотим.

Мэтт считает это победой... Так почему же я чувствую себя дерьмово?

— Хорошо.

— Мы тоже перешли границы дозволенного, так что больше никакого давления на общественные беспорядки. Я не хочу, чтобы ты стоил мне еще больше денег.

Я расслабляюсь от его слов, позволяя своей голове откинуться на подголовник.

— Хорошо.

— И эй, может Оливия и моя жена могли бы как-нибудь собраться вместе и поделиться советами. Моя жена выходит из себя, когда застаёт меня с другими девушками. — Он зловеще смеется и прощается, прежде чем повесить трубку. Я опускаю телефон, прижимая его к бедру. Теперь все кончено... Я действительно начинаю сожалеть об этом.

— Он не психовал, — говорю я Дэррилу, который и глазом не моргнул в мою сторону. — И сказал, что мне не нужно больше появляться на публике с Доном.

— Хорошо. Теперь все, что мне осталось сделать — это пожалеть...

— Не жалея меня, — резко оборвал я его.

— Мне тебя не жаль. — Он резко поворачивает голову в мою сторону, его темные глаза сужаются. — Мне могли бы прижать нож к горлу, угрожая перерезать его, и я все равно не предал бы свою жену. Мне жаль Оливию. Она должна появиться с тобой на публике после того, как тебя видели со случайной женщиной и ее лучшей подругой. — Он снова смотрит на дорогу. — Я думал, что научил тебя чему-то получше.

— Все не так, Дэррил.

— Не так?

— Нет, не так, — рычу я на него. — Оливия поймет.

Он медленно кивает.

— Вот что меня расстраивает.

Все мое тело напрягается, а кулаки сжимаются.

— Что, черт возьми, это должно означать?

— Она простит тебя. Даже ты это знаешь. Оливия не знает ничего лучшего... И это расстраивает меня, потому что она *заслуживает* лучшего. Она заслуживает лучшего, чем Блейд... А она застряла с *тобой*. После того, как ты ей расскажешь, а ты ей *расскажешь*, тебе лучше потратить остаток своей жизни на то, чтобы загладить свою вину перед ней... Или это сделает кто-то другой.

Я поворачиваю голову к окну. Больше не хочу говорить с ним об этом. У него уникальный талант заставлять чувствовать себя хуже, чем уже есть. Я всегда знал, что Оливия заслуживает лучшего, чем я, и я говорю себе это каждый чертов день... И теперь я дал ей повод говорить себе это же каждый день. Она посмотрит на меня и увидит монстра, который поставил свою карьеру выше нее, который поцеловал ее лучшую подругу.

Меня тошнит.

Я чувствую себя гребаным клоуном.

***

Я тихонько постукиваю пальцами по двери в нашу комнату. Я не совсем готов заставить себя провести карточкой-ключом. Как только открою дверь, моя жизнь изменится. Наши отношения изменятся независимо от того, расскажу я Оливии о том, что произошло сегодня, или нет.

— Ты собираешься открыть дверь? — спрашивает Селена, ее голос хриплый.

Я бросаю на нее взгляд через плечо. Джексон не сказал ни слова ни одному из нас, когда мы вошли в отель. Он и Дэррил разошлись в разные стороны, оставив нас с Селеной разбираться с Оливией. Они оба были злы на нас... Возможно мне не следовало целовать Селену во второй раз.

— Дай мне минуту.

Голос Селены приобретает осторожный тон.

— Ты ведь не собираешься ей говорить, не так ли?

Зажмурив глаза, я сжимаю переносицу.

— Я должен.

— Сет...

— Она моя жена! — Я огрызаюсь так тихо, как только могу. — Я не могу хранить от нее секреты... И не буду. Поцелуй ничего не значил, мы сделали это ради Мэтта, верно?

Она уверенно кивает головой.

— Верно, но Оливия не собирается смотреть на это таким образом. Поверь мне, Сет, я знаю ее лучше, чем кто-либо другой. Она взорвется, как граната.

Когда люди говорят мне такие вещи, я задаюсь вопросом, знают ли они ее вообще. Оливия не взрывается, она говорит. Она хочет знать каждую мысль и чувство, стоящие за каждым решением. Я причиню ей боль и, возможно, заставлю ее плакать, но не потеряю ее. Я знаю, она поймет. Она *должна* понять.

— Возможно, ты знаешь ее лучше, чем Дэррил или Джексон, но ты не знаешь ее лучше, чем я. Если ты так стремишься скрыть от нее что-то подобное, то возможно тебе стоит отказаться от своего титула лучшей подруги.

Она обиженно выдыхает.

— Тогда ты можешь справиться с этим сам. Я собираюсь повидаться с Джексоном. — Она разворачивается на каблуках, разбрасывая свои кудри во все стороны. — Не приходи ко мне плакаться, если она будет кричать тебе в лицо.

Решив проигнорировать ее драматический уход, я провожу своей карточкой-ключом и вхожу в комнату. Царит мертвая тишина, и это заставляет панику, вызванную виной, подступать к моему горлу. *Она уже знает?* Я закрываю дверь, напрягаясь, чтобы услышать хоть какой-нибудь звук, исходящий от Оливии. *Ничего.* Я заглядываю в каждый угол и за каждый предмет, прежде чем, наконец, добираюсь до лестницы, ведущей в нашу спальню. Я делаю шаг за шагом, пока не достигаю самого верха.

— Сет? — Оливия шмыгает носом из ванной. — Это ты?

Ее голос врезается в меня, и я остаиваюсь. Я провожу рукой по лицу, тяжело вдыхая и тихо выдыхая.

— Да?

— Я, эм, я ждала тебя...

Я подхожу ближе к ванной, и мне кажется, что каждый ботинок наполнен мокрым песком.

— Я думала, мы могли бы сделать это вместе... Если хочешь.

Внезапно комната, в которой я стою, вызывает клаустрофобию. Это не похоже на *мое* место. Я чувствую, как пульс учащается во всех основных точках моего тела — шее, запястьях, груди, лодыжках. Моя грудная клетка сдавливает легкие. Я провожу ладонями по джинсам, чтобы уменьшить количество пота, но он продолжает выступать.

— Сет?

Она выглядывает из-за двери ванной, и вид ее ярких зеленых глаз все еще заставляет меня молчать. *Они всегда были такими яркими? Такими красивыми?*

Мой пульс замедляется до нормального, и я чувствую его только в груди. Ее волосы в беспорядке, щеки розовые от волнения, а губы припухшие и красные. Я был занят глупым и эгоистичным поступком, а она была здесь все это время, беспокоясь о нас, думая о нас. Я

проглатываю свою тревогу... Потому что я *ей* нужен. Ей нужна моя поддержка. Я подхожу ближе, пока она не оказывается в моих объятиях. С каждым шагом песок исчезает из моих ботинок, которые становятся все легче и легче. Ее маленькие руки обвиваются вокруг моего тела, прижимая меня к себе так сильно, как только могут.

— У нас все будет хорошо? — шепчет она, впиваясь пальцами.

— Обещаю. — Я не колеблюсь с ответом... *Может быть, если я скажу это достаточно быстро, так и будет.*

Оливия прерывисто вздыхает и отпускает меня. Вытирая глаза, она оборачивается. Мы входим в ванную, которая внезапно кажется слишком маленькой, чтобы вместить нас обоих. Я прислоняюсь к раковине, пока она ходит взад и вперед, заставляя меня нервничать. Она постукивает тестом по ладони снова и снова в каком-то нерегулярном ритме. Я не тороплю ее. Вместо этого наблюдаю... Просто жду, когда она решит это сделать, и втайне надеюсь, что она этого не сделает.

— Хорошо, — бормочет она себе под нос. — Сейчас или никогда.

Она снова нервно постукивает маленькой белой палочкой по ладони, прежде чем опустить руки к пуговицам на джинсах. Оливия стягивает джинсовую ткань с ног, прежде чем быстро опуститься на унитаз. Мой пульс учащается, когда она застенчиво смотрит на меня из-под своих длинных темных ресниц.

— Ты можешь отвернуться?

— Я? — говорю я, изображая оскорбление. — Нет ничего такого, чего бы я не видел раньше.

— Ты видел, как девушка писает на тест?

Я пожимаю плечами, лениво улыбаясь ей.

— Я видел и похуже.

— Фу. — Оливия морщится от смеха. — Кажется, я вроде как напросилась на это, да?

Я киваю, смеясь.

— Думаю, да.

Она снимает колпачок с палочки, открывая маленький белый язычок, и быстро просовывает тест между ног, пряча от посторонних глаз.

— Хорошо, ты можешь смотреть, но не слушай.

— Я стою менее чем в двух метрах от тебя. Как я полагаю... — Я делаю паузу и затыкаю уши пальцами. — Лучше?

Ее пухлые маленькие губки изгибаются в невинной улыбке и шевелятся, но я не слышу, что она говорит. Она опускает глаза в пол и изучает плитки. Я делаю то же самое. Едва проходит тридцать секунд, как она ерзает на унитазе, привлекая мое внимание. О снова достает палочку, и я задерживаю дыхание, когда она смотрит на нее. Ее глаза не дрогнули и не выдали никаких признаков того, что там появилось. Она тянется за колпачком и снова надевает его. Я снова отвожу взгляд, предоставляя ей уединение, пока она заканчивает то, что делает. Когда она встает на ноги в застегнутых джинсах, я убираю пальцы от ушей и крепко скрещиваю руки на груди. Лицо Оливии нейтрально, и я как будто призрак, которого она даже не видит. Она пересекает ванную и кладет палочку лицевой стороной вниз на стойку, чтобы я не мог подглядеть. Я начинаю беспокоиться... Я прикусываю внутреннюю часть губы и смотрю на палочку... *Что там?*

Наконец она поворачивается ко мне, но избегает смотреть мне в лицо.

— Одна полоска — нет, — шепчет она. — Две полоски...

Невидимый воздушный шар в моей груди сдувается, когда Оливия падает на стойку, ее руки взлетают к лицу, когда она плачет в ладони. Я не могу пошевелиться, полностью зависший от того, что вижу. Я тянусь за палочкой и переворачиваю ее.

Блядь.

Думаю, две полоски означают «да»...

Оливия

Пять крошечных вдохов. Я делаю пять крошечных вдохов и убираю руки от лица. Тест подтвердил мои опасения... Страх перед маленьким ребенком, растущим внутри моего тела. Мое тело уже кажется мне чужим, как будто я разделена надвое. Сет смотрит на тест... На его лице никаких эмоций.

— Скажи что-нибудь... — говорю я, до боли прикусывая зубами нижнюю губу. — Скажи что-нибудь...

Он проводит большой ладонью по рту, прежде чем сжать подбородок. Когда убирает ее от лица, он отталкивается от тумбы и проводит пальцами по волосам. Я внимательно наблюдаю за ним и вижу, что с каждой проходящей секундой он становится все более и более встревоженным. *«Все будет хорошо, — успокаиваю я себя. — Он обещал...»* А Сет никогда не нарушал данных мне обещаний.

— Ты не принимала свои таблетки? — Его вопрос звучит тихо. Так тихо, что я едва его слышу.

— Ты — это не совсем эффективное напоминание о контроле над рождаемостью, Сет. Я имею в виду... Посмотри на себя. Ты снимаешь рубашку, и мой мозг перестает работать, мои яичники болят, а тело овулирует независимо от матушки-природы или таблеток, которые я принимаю.

— Мы будем родителями? — спрашивает он, ни разу не взглянув на меня.

— Я... Думаю, да. — Моя нижняя губа дрожит. — Сет...

— Я не могу быть отцом, — шепчет он, низко наклоняясь и закрывая лицо руками. — Я не могу быть родителем.

— Немного поздновато для этого, тебе не кажется? — рявкаю я, делая шаг вперед.

Внезапно Сет выпрямляется и возвышается надо мной, но я отказываюсь прятаться от него.

— Еще не слишком поздно, Оливия.

Я вздрагиваю, когда мое дыхание болезненно застревает в горле. *Он никогда бы не предложил мне сделать что-то подобное... Сделать аборт и убить моего ребенка... Нашего ребенка?*

— Ты не в своем уме, если думаешь, что я причиню вред нашему ребенку.

Он хмурится, искренне озадаченный моим ответом.

— Это не ребенок, пока нет.

Мое сердце разбивается на части и больно ударяет по легким. *Я не могу дышать.* Слезы обжигают мои глаза, но я не смею оторваться от взгляда его темно-шоколадных глаз.

— То, что ты говоришь мне... — Мой голос срывается, а из носа течет, но мне все равно. — Это не то, что муж должен говорить своей жене...

На его лице боль... Я вижу это так же ясно как день, но он не хочет этого выражать. Он не дает мне повода сочувствовать ему. Он хочет, чтобы его обвинили, он хочет, чтобы я возненавидела его, чтобы облегчить ему задачу. Сет ищет способ навредить себе, я это знаю. Это то, что он обычно делает.

— Ты говоришь, что всегда хочешь от меня правды. Вот она.

Я рычу, толкая его в живот. Он едва заметно вздрагивает, делая незаметный шаг назад.

— Зачем ты это делаешь? Ты сказал, что у нас все будет хорошо!

Я снова толкаю его, и он делает еще один шаг. Я плачу, мои глаза опухли, а горло сдавливают рыдания. *Он обещал...*

— И с нами все *будет* в порядке, но нам нужно разобраться с этим.

Тут не в чем разбираться. Если он слишком напуган, чтобы участвовать в этом, тогда ладно, мне это не нужно.

— Я собираюсь оставить его себе, Сет, — всхлипываю я. — И не спрашиваю твоего разрешения.

— Ты загоняешь меня в угол! — огрызается он. Сожаление сразу же наполняет его блестящие глаза, но это последняя капля.

— Это то, что я делаю? Я загоняю тебя в угол? Как ты думаешь, что я чувствую? — Мои крики эхом разносятся по ванной, отражаясь от стен. — Ты не думаешь, что я чувствую себя в ловушке? Ты не думаешь, что я, блядь, в ужасе? Я не готова стать матерью.

— Как минимум ты знаешь, что будешь хорошей мамой. Я не могу быть хорошим отцом, мне не у кого было учиться. Черт возьми, как я могу быть хорошим отцом, когда даже не уверен, хороший ли я человек?

Я смягчаюсь... Мы всегда возвращаемся к Сету и его неспособности видеть в себе хорошее.

— Ты хороший человек. — Я смахиваю наворачивающиеся слезы. — Сколько раз я должна это повторить, прежде чем ты мне поверишь?

Он качает головой и протискивается мимо меня.

— Я должен идти.

Я поворачиваюсь вместе с ним, наблюдая за его спиной, когда он входит в спальню.

— Что? Куда ты идешь? Если ты сейчас уйдешь от меня, тогда все хорошее, что я когда-либо думала о тебе, окажется неправдой.

Он не отвечает, а просто уходит, хлопая дверью. Я остаюсь на месте, ожидая, что он вернется с красивой улыбкой на лице и отшутится, сказав, что все это часть какой-то дурацкой шутки.

Он не возвращается. Я стою неподвижно где-то двадцать минут, но он не возвращается. Одинокая обжигающая слеза скатывается из моего глаза и бежит по щеке. Я стираю ее вместе со своей печалью. Единственное, что наполняет меня сейчас — это ярость... *Он, блядь, ушел? Просто так?* Я врываюсь в комнату, хватая красивое украшение в виде льва, открываю дверь спальни и впервые в жизни бросаю что-то... Лев перелетает через перила лестницы и падает на пол, разбиваясь на миллион крошечных кусочков, точно так же, как мои отношения. Отношения, которые я защищала с самого начала. Я поворачиваюсь и бросаюсь на нашу кровать. Она пахнет им, конечно, черт возьми, пахнет. Не дай бог она впитает мой запах, что-то такое, что не воспламеняет меня и не будоражит душу. Я складываю в кучу атласные простыни и зарываюсь в них с головой. *Он вернется. Я знаю, что вернется...* Но даже когда я думаю об этом, во мне царит неопределенность. Я должна позвонить ему. Я сажусь, вытаскиваю телефон из кармана и набираю номер. Раздается гудок, переходящий прямо на голосовую почту. После звукового сигнала я оставляю сообщение:

— Я хочу, чтобы ты вернулся домой... Мне *нужно*, чтобы ты вернулся домой. — Я проглатываю рыдание. — Все это время я позволяла тебе обладать мной, позволяла тебе делать со мной все, что ты захочешь. Потому что я люблю тебя, я верила, что ты

позаботишься обо мне, несмотря ни на что. Я не виню тебя, Сет. Я не виню тебя за то, что обманула себя, заставив поверить, что ты не тот человек, которым тебя все принимали. Сердце говорит мне, что ты хороший, но разум говорит, что хороший человек никогда бы не бросил свою жену, когда она больше всего в нем нуждалась. Мне тоже страшно. У меня в животе человек, о котором я должна заботиться. У меня ребенок, который наполовину я и наполовину ты, с которым мне приходится делить свое тело, и я в ужасе. Я в ужасе от того, что несу ответственность за чужую жизнь, когда едва могу позаботиться о собственной. — Я сердито вытираю слезу. — Ты не готов к этому? Я та, кто должен брать на себя все риски, и я злюсь! Я злюсь, что у тебя хватило мужества влезть в это дело, но не оставаться рядом. Я одна в нашей комнате... Тут пусто, холодно и пахнет тобой. — Я не могу сдержать улыбку, которая растягивает мои губы, когда его удивительный запах проникает в мой нос с каждым вдохом. — Знаешь, мой отец обещал мне, что ты хороший человек... Он поручился за тебя, когда никто другой этого не сделал бы. Пожалуйста, не делай из него лжеца. Вернись ко мне домой, Сет... Я люблю тебя.

Я вешаю трубку и падаю на мягкий матрас. Я провожу пальцами по животу и задаюсь вопросом, чувствует ли ребенок, как мне грустно... Я делаю его грустным? Слышит ли он меня? Есть ли у него уже уши? Я беременна... И понятия не имею, что именно это влечет за собой. Я больше не сержусь на Сета... Я прощаю его. Он напуган, и я хочу, чтобы он вернулся домой.

Я закрываю глаза и делаю успокаивающие вдохи. В груди все еще учащенно бьется сердце, а в горле покалывает. Лицо Сета мелькает в голове. Я вижу его великолепные карие глаза и душераздирающую улыбку и теряю самообладание. Рыдания вырываются из моего горла, и я перекаत्याюсь на бок, хватаясь за простыню и натягивая ее на лицо, чтобы удержать слезы...

Он ушел.

***

Сет

— Знаешь, мой отец обещал мне, что ты хороший человек... Он поручился за тебя, когда никто другой этого не сделал бы. Пожалуйста, не делай из него лжеца. Вернись ко мне домой, Сет... Я люблю тебя.

Ее печальный голос звучит в динамике моего телефона, и я прикусываю нижнюю губу зубами, чтобы она не дрожала. Слышать, как она расстроена, и знать, что это из-за меня, делает все намного хуже.

— Блядь! — кричу я, швыряя свой телефон о бетонную стену.

Он ударяется с огромной силой, осколки мобильного телефона разлетаются во все стороны. Оставив все это на полу, я продолжаю идти по коридору к комнате Дэррила. Я знаю, что он даст мне какой-нибудь хороший совет или как-то поможет мне. Я не хотел бросать Оливию... Я запаниковал. Я знал подсознательно, что тест будет положительным... Но не был готов к этому, если это вообще имеет какой-то смысл. Я не готов. Ребенок — это важное событие, и я не знаю, что, черт возьми, собираюсь делать.

— *То, что ты говоришь мне, — ее голос срывается, — это не то, что муж должен говорить своей жене...*

Я опускаю голову. Я сказал ей избавиться от нашего ребенка... Как-то так. Я не хотел говорить ей, чтобы она избавилась от него. Я этого не хочу, совсем нет, но сказал, и как

только я это сделал, это показалось разумным решением. Мы всегда можем попробовать еще раз, когда оба будем готовы, верно? Я идиот... Бессердечный и эгоистичный идиот.

Я стучу в дверь Дэррила и жду несколько секунд. Я не жду, что он ответит. Я очень сильно разозлил его сегодня и не знаю, смогу ли исправить это. Но что я точно *знаю*, так это то, что сейчас мне больше всего на свете нужен его совет. Мне нужно, чтобы он дал мне пинка под зад и отправил обратно наверх к Оливии, которая, наверное, плачет навзрыд и не уверена, увидит ли меня когда-нибудь снова. Мне нужен кто-то, кто сказал бы мне, что это не имеет большого значения, что я должен перестать быть эгоистом и должен быть счастливым... Даже взволнован.

К моему удивлению, дверь открывается почти сразу.

— У меня было предчувствие, что я увижу тебя, — бормочет он. — К сожалению, я немного занят этим хаосом в новостях, так что тебе придется вернуться позже.

Он пытается закрыть дверь, но я вставляю ногу и не даю ей закрыться.

— Это насчет Оливии.

Дэррил ухмыляется.

— У нее хватило ума оставить твою задницу?

Я качаю головой.

— Она беременна.

Его тело замирает, и он убирает руку с ручки. Дэррил *всегда* ждет, что я сделаю какую-нибудь глупость, так что я не часто его так удивляю.

— Она...

— Да. Оливия беременна.

Он отступает от двери, давая мне достаточно места, чтобы проскользнуть внутрь. Он пристально наблюдает за мной, когда я вхожу в его комнату и иду по коридору. Он чертовски потрясен. Его комната хороша, немного тесновата, но все равно хороша. Я вхожу в гостиную, и конечно тот самый хаос, о котором он говорил — это именно то, что Джексон, Селена и я устроили в казино «Ария». При виде этого у меня сводит живот. Когда я опускаюсь в кожаное кресло, Дэррил тянется за пультом на кофейном столике и выключает телевизор.

— Сет, что ты...

— Я знаю, что я делаю? Мне не нужен такой отвлекающий фактор за две недели до боя.

— Нет. — Он складывает руки на груди, отчего его ярко-оранжевая рубашка туго обтягивает бицепсы. — Что ты здесь делаешь? Тебе нужно быть наверху со своей женой. — Улыбка расплывается на его лице, и он опускается на край кофейного столика прямо передо мной. — У тебя будет ребенок!

Я приподнимаю бровь. *Он счастлив?*

— Подожди... Что? Тебя это устраивает?

Его улыбка не дрогнула.

— А почему нет?

— Я... Я просто предположил, что ты разозлишься. Ребенок — это огромный отвлекающий фактор.

Он сводит свои ухоженные брови вместе.

— Я должен ударить тебя. Ребенок — это счастье, а не отвлечение, и именно такая твоя позиция заставляет меня думать, что ты усвоил больше глупых советов своего отца, чем моих.

— Счастье? Что ж... Я никогда не думал об этом так. — Тем не менее это слово не снимает абсолютного страха быть главой семьи. Настоящей семьи с ребенком и всем прочим. — Я облажался, — стону я, уронив голову на руки.

— У тебя будет ребенок, я уверен, Оливия сможет заставить себя простить то, что произошло сегодня.

— Нет. — Я качаю головой. — Дело не в этом. Я... Я сказал Оливии... Я не готов к ребенку, Дэррил. Я взбесился, закричал и сказал ей... — Боже. Я даже не могу заставить себя сказать это. Я еще более дерьмовый человек, чем думал.

Дэррил не нуждается в дальнейших объяснениях. Молчание само за себя говорит, и когда я опускаю руки, выражение отвращения на его лице делает тишину еще более тяжелой.

— Что, черт возьми, с тобой происходит? — требует он. Его голос низкий и пронизан горьким разочарованием. — Она твоя жена... Не какая-то девушка на одну ночь, которую ты подцепил в клубе.

— Я знаю.

— Так почему ты так с ней обращаешься?

Я опускаю взгляд на ковер. Мне нечего на это сказать... Я не могу оспаривать правду. Не могу сказать, что обращался с ней хорошо. Как с принцессой, как обещал ее отцу, или королевой, как обещал ее брату в день нашей свадьбы.

— Мне страшно, — бормочу я. *Не думаю, что это то, в чем я когда-либо признавался вслух раньше.*

— Я знаю. Первый раз всегда самый страшный, но к завтрашнему дню ты с этим смиришься. — Он хлопает меня по колену. — Ты не можешь прятаться здесь, Сет. Тебе нужно быть наверху.

Я почти ежусь. Оливия не захочет меня видеть. А если она захочет покончить с этим? Бросить меня за то, что я сказал?

— Если ты думаешь, что она не хочет тебя видеть, то ты глупее, чем я думал, — говорит он, читая мои мысли.

— Я сказал ей, что, когда у меня будут дети, я больше не хочу драться... — Его лицо остается нейтральным, и я прочищаю горло. — Если я собираюсь сделать это... Тогда бой с Доном — это мой последний бой, Дэррил.

Я не знаю, что ожидаю от него услышать... Может он назовет меня эгоистом? Может скажет мне, что я могу получить и то, и другое. Я жду, затаив дыхание, пока он, наконец, не кивает мне и не говорит с гордой ухмылкой:

— Тогда я позвоню адвокатам утром. У нас более чем достаточно доказательств, чтобы заявить о нарушении контракта. Если хочешь уйти, я тебя вытащу.

— Просто так?

Он машет ладонями, прежде чем провести ими по бедрам.

— Просто так. — Дэррил поднимается на ноги. — А теперь убирайся отсюда к чертовой матери. Тебе предстоит еще много извиняться.

— Да... — Моя грудь наполняется чем-то легким и теплым. Любовь? Счастье? Принятие? Волнение? Не могу сказать. — Думаю, да.

Я встаю с кресла, и Дэррил следует за мной по пятам, пока я направляюсь обратно к двери. Я тянусь к ручке, но он хватает меня за плечо.

— Сделай мне одолжение и скажи Джексону, прежде чем вернешься к Оливии. Он не очень хорошо это воспримет... У него будут сутки, чтобы остыть.

Я киваю.

— Ты можешь позвонить ей и сказать, что я вернусь после встречи с Джексоном? — Я открываю дверь и выхожу в коридор. — Я бы сам позвонил, но разбил свой телефон.

Дэррил прислоняется к дверному косяку и смотрит на меня с отеческим неодобрением.

— Конечно, ты это сделал.

Я закатываю глаза и отворачиваюсь.

— Увидимся завтра.

Я иду по коридору к лифту. Насколько я помню, Джексон живет этажом выше Дэррила.

— Эй, Сет! — зовет Дэррил, заставляя меня обернуться. Уголки его губ приподнимаются, изгибаясь в широкой улыбке. — Я горжусь тобой, ты знаешь это, верно?

— Сегодня утром ты пел другую песню, — говорю ему, но его улыбка остается на месте.

— Это был не ты, это был прежний Сет. Новый заставляет меня гордиться им каждый день.

Он проскальзывает обратно в свою комнату и закрывает дверь. Я ловлю себя на том, что глупо улыбаюсь двери, и быстро стираю улыбку со своего лица. Еще слишком рано радоваться, я должен все рассказать Джексону и загладить вину перед Оливией, прежде чем окажусь на свободе, и это будет нелегко. На мой взгляд, есть два варианта. Первый: Джексон ударит меня по лицу (сильно) и скажет идти нахрен. У меня такое чувство, что он все еще злится из-за того, что произошло между мной и Селеной. И второй: Оливия *тоже* ударит меня по лицу и пошлет нахрен. Я слышал, что перепады настроения во время беременности не слишком приятны для мужчины, ответственного за них. Я захожу в лифт и нажимаю на светящуюся кнопку над кнопкой моего этажа. Теперь, когда у меня прояснилась голова, пришло время заняться исправлением ошибок.

***

Селена быстро открывает дверь и надувает губы, когда видит мое лицо.

— О, это всего лишь ты. Как она это восприняла?

Она не делает ни малейшего движения, чтобы открыть дверь и впустить меня в комнату. Меня это устраивает, я в любом случае не очень-то хочу туда заходить. Селена достает нарезанную клубнику из контейнера, который держит в руках, и запихивает ее в рот. Она тоже на взводе и раздражена. Я предполагаю, что у Джексона все пошло не слишком удачно после инцидента в «Арии».

— Я ей не говорил, — признаюсь я на выдохе.

— О, неловко. Надеюсь, ты здесь не для того, чтобы признаться мне в любви. — Она ухмыляется. — Это был всего лишь поцелуй.

Я прищуриваюсь, глядя на нее. Еще *слишком* рано для шуток «мы поцеловались», но думаю, что это лучше неловкого молчания.

— Во-первых, если кто-то в кого-то и влюбляется, так это в меня. Я *настолько* хорошо целуюсь. — Она закатывает глаза. — А во-вторых, извини, но я предпочитаю брюнеток. Где Джексон? — Я не оставляю возможности для продолжения болтовни. Я просто хочу знать, где Джексон, чтобы я мог сказать ему, что бой с Доном будет моим последним боем.

Она пожимает плечами, отправляя в рот еще одну клубнику.

— Ну, он немного накричал на меня и не захотел обсуждать произошедшее, поэтому ушел в заведение под названием «Лаки».

Я отворачиваюсь и направляюсь к лифту, в котором еду на первый этаж. Я должен был

догадаться, что Джексон исчезнет в «Лаки». Теперь, когда их с Селеной отношения в сложной стадии, именно там он проводит все свое время вне тренировок. Это классический бред о пытках Джексона. Мне кажется странным, что он пошел туда. Я точно знаю, что в «Лаки» нет боев днем. Их драки начинаются после одиннадцати вечера, так что Джексон пошел туда, чтобы начать драку, либо чтобы пить, пока ничего не останется.

— Сет? Куда ты идешь? — зовет меня вслед Селена. — К Джексону?

Я игнорирую ее, но только потому, что знаю, что если скажу ей, то она будет настаивать на том, чтобы пойти со мной. Если честно, я бы предпочел больше не проводить время с Селеной. Когда я позже буду вспоминать свой день в процессе рассказа об этом Оливии, то не хочу, чтобы имя Селены всплывало чаще, чем следовало бы. Не хочу, чтобы Оливия хоть на секунду подумала, что Селена что-то значит для меня. Селена — подруга Оливии, и большую часть времени она мне не нравится. Она помогла мне сегодня, но на этом все. Я больше не хочу иметь с ней ничего общего.

***

Бар «У Лаки». Я не был здесь уже много лет. Опираюсь рукой на оконную раму и осматриваю захудалый бар. Он выглядит так же. Имеет тот же старый разрушенный каменный фасад и зеленую отделку. У него те же старые панорамные окна и низкие дверные рамы. Ему определенно не хватает стильного имиджа, который есть в остальном Лас-Вегасе, но так во многих других барах в этой части города. Единственная разница между тогда и сейчас — это более толстый слой песка, покрывающий бар. На первый взгляд выглядит как классический захудалый бар, но под его полом скрывается целый новый мир. Столы были чище, женщины сексуальнее, а алкоголь дороже. Среди наклеек и аксессуаров в центре комнаты стояла высокая стальная клетка. Она не была похожа на остальную часть отполированного и чистого заведения. Она была стара и забрызгана кровью. Раньше мне здесь нравилось. Это место вселило в меня страсть к борьбе. Вот тут-то и началась моя любовь к Вегасу... Правда тогда я видел это заведение только по ночам. В середине дня его привлекательность не трогала меня.

— Ладно, — выдыхаю я, выходя из машины. Горячий воздух Вегаса наполняет мои легкие, и я стараюсь не вдыхать его слишком много. В этой части города столько наполненного мочой воздуха, сколько ты можешь вдохнуть, прежде чем тебя вырвет на тротуар.

Когда подхожу к ступенькам заведения, то слышу крики, доносящиеся из переулка, примыкающего к бару, и мне не нужно видеть, чтобы понять, чьи они. В это время по Вегасу разгуливает только один разгневанный мужчина, а остальные еще спят. Я немного подбегаю и естественно вижу Джексона. Он пьян, без рубашки и пытается справиться с двумя охранниками «Лаки».

— Джексон, ты пьян. Иди домой, — приказывает тот, что повыше, поворачиваясь спиной.

— Деритесь со мной, вы, киски! — требует он, сплевывая слюну на серый гравий рядом с собой.

Второй охранник едва ли вздрагивает. Он расслаблен, ему ни в малейшей степени не угрожает демонстрация агрессии Джексона. Вместо того, чтобы выполнить требование пьяного Джексона, охранник бросает в него рубашку.

— Приходи, когда протрезвешь, чувак.

Они исчезают внутри, оставляя Джексона снаружи в одиночестве. Он яростно рычит, прежде чем отвести руку назад, развернуться и ударить в бетонную стену.

— Черт! — Он поджимает руку и сгибает пальцы. — Черт! Пошли вы!

Кровь стекает с его костяшек, капая на бесцветные камни. Я делаю шаг вперед, и мои ботинки шаркают по гравию. Прижимая руку к груди и пачкая ее кровью, Джексон поворачивает голову в мою сторону.

— Какого черта ты здесь делаешь?

Что ж... Думаю, кто-то не в настроении меня видеть. Его агрессивный тон на меня не действует. Я позволяю словам скатиться прямо с моих расправленных плеч.

— Я пришел поговорить.

Я засовываю руки в карманы джинсов.

Джексон фыркает и неосознанно начинает ходить взад-вперед.

— Тебе чертовски не повезло. Я не в настроении разговаривать.

— У тебя никогда нет настроения.

Наступает тишина, когда он засовывает руку в свою черную футболку.

— Дай угадаю. Ты здесь, потому что Оливия не простила тебя, и ты хочешь, чтобы я все исправил?

Я сжимаю челюсти, а затем расслабляю их.

— Мне не нужно, чтобы ты что-то делал. Я могу уладить все с Оливией. Я здесь, потому что...

— Потому что Селена расстроена, что я накричал на нее, и она позвала тебя, чтобы спасти положение.

— Нет, я здесь...

— Потому что ты...

— Может, ты заткнешься и дашь мне закончить? — огрызаюсь я.

— Нет, это ты заткнись! — Он качает головой, враждебно настроенный, и делает шаг вперед. — Мне надоело слушать твою болтовню. Я устал всегда быть вторым после тебя!

Он шагает вперед, пока не оказывается прямо передо мной. Я хочу ударить его. Я хочу врезать ему прямо в глаз и дать по мозгам. От него пахнет виски и сигаретами. Запах исходит не из дыхания, а от кожи.

— Зачем ты искал меня? Чтобы поговорить о сегодняшнем дне? Чтобы поговорить о том, что ты сделал?

Я хмурюсь.

— Что я сделал? — Я вынужден хорошенько подумать, а потом меня осеняет. *О, он говорит о Селене.* — Это ничего не значило, Джекс. Все это было частью плана.

— А во второй раз? Когда ты схватил ее, будто она твоя?

Я кладу руки на бедра, понимая, к чему весь этот детский спектакль. Ему не понравилось, как я коснулся до «его» женщины. В свою защиту скажу, что она не *его*.

— Я думаю, что ты *это* преувеличиваешь.

Он с минуту качает головой.

— Преувеличиваю? Ужасно забавно слышать это от тебя, придурок. Буквально на днях утром ты заставил меня поменяться местами, когда Оливия положила на меня ноги.

— И что? По крайней мере, все знают, что она моя. По крайней мере, я даю ей понять, что она принадлежит мне. Ты не можешь претендовать на то, чего на самом деле не хочешь, в ту минуту, когда к этому прикасается кто-то другой. Сколько тебе, семь?

Он отступает назад, его лицо искажает гримаса ярости.

— Знаешь, чего я хочу? Я хочу ударить тебя.

Я ухмыляюсь. В этом разница между нами. Он угрожает, я выполняю. Если бы он целовал Оливию, я бы уничтожил его еще в «Арии».

— Сделай это, если тебе от этого станет лучше, но тебе хочется надеяться, что ты сможешь опередить меня.

С тяжелым выдохом Джексон проводит футболкой по лицу, стирая пот.

— Зачем ты нашел меня? — Его тон ровный и спокойный. Я наслаждаюсь моментом, потому что в ту секунду, когда я расскажу ему об Оливии, он сойдет с ума. — У меня такое чувство, что не для того, чтобы спасти меня от самого себя.

Я пожимаю плечами.

— Ты знаешь, что я позволяю тебе самому разбираться со своим дерьмом. Это слишком сложно для меня.

Он усмехается, делая еще один шаг назад, но не спуская с меня своих уставших и напряженных глаз.

— Оливия беременна. — Как я и ожидал, атмосфера снова становится напряженной. — Я стану отцом, Джекс.

Яркое солнце над головой освещает его кожу, заставляя ее казаться очень бледной и даже зеленой между бесчисленными татуировками.

— Так вот почему ты пришел сюда? Чтобы сообщить свои «хорошие» новости, пока я тону в гребаных проблемах?

Черт возьми. Я поднимаю руку и зажимаю переносицу. С пьяным Джексонем не поспоришь. Неважно, что я ему скажу, он свалит все на меня, втягивая меня в свои проблемы и обвиняя во всем.

— Почему мое счастье так сильно бесит тебя? — спрашиваю я. К черту ходить вокруг да около.

— Почему? — повторяет он, крича. — Да ладно, Сет, ты сам это сказал. У тебя есть все, чего хотел я, а не ты. Я хотел бойцовой карьеры, хорошую жену, большой дом, семью... Я хотел семью.

Он спотыкается, делая еще один шаг назад, и я делаю шаг вперед, но он замахивается на меня руками, предупреждая. Когда Джекс выпрямляется, то начинает расхаживать взад-вперед.

— У тебя все еще может появиться.

— Я не такой, как ты! — огрызается он. Я смотрю на его сморщенное лицо и темные глаза. — Я не могу драться публично. Когда я дерусь, это напоминает мне об Амелии, и я не могу сломаться перед тысячами людей. Я чертовски уверен, что у меня не может быть таких отношений, как у тебя, потому что я в жопе. Я облажался, для меня нет спасения! — Я смотрю, как он подходит к «Лаки» и приваливается к грязной стене, поверженный. — Я застряну здесь. — Он жестом указывает на бар. — Буду драться в нелегальных заведениях и встречаться со случайными девушками. Умру в одиночестве. Никто не может любить меня так, как Оливия любит тебя. Я не заслуживаю такой любви.

Я переступаю на левую ногу.

— Селена люб...

— Селене нравится то, что я с ней делаю. — Он несколько раз проводит зубами по нижней губе, прежде чем снова заговорить: — Она хочет изменить меня... Но даже я знаю,

что если ты глубоко влюблен в кого-то, то любишь его таким, какой он есть, а не таким, каким он мог бы быть.

Простое решение.

— Тогда оставь Селену и найди кого-нибудь другого.

Плечи Джексона опускаются, и он оседает, неестественно изгибаясь в позвоночнике.

— Я не могу оставить ее...

— Из чувства морального долга?

— Из желания! — Он выпрямляет спину и расправляет плечи. — Из одержимости и похоти. Я прилип к ней как граната, привязанная к бедру. Я не могу заставить себя уйти, даже если бы попытался.

— Потому что ты любишь ее.

Он качает головой, и его черты лица смягчаются.

— Потому что мне нравится то, что она делает со мной... Потому что мне нравится страсть, которую она пробуждает во мне. Другие видят огонь в моих глазах и боятся его, но не она, нет. — Его губы дергаются, и он опускает взгляд на свои ботинки. — Она видит огонь и хочет поиграть с ним.

Звучит как любовь. Он влюблен. Этот идиот влюблен, но отказывается это увидеть.

— Может быть, пришло время перестать фокусироваться на том, чего ты заслуживаешь, и сосредоточиться больше на том, что у тебя есть, — говорю я... И не уверен, для него это или для меня.

Я не знаю, как долго стою там, молча наблюдая за ним, но после первых десяти минут становится ясно, что наш разговор окончен. Несмотря ни на что, я остаюсь еще немного, чтобы показать ему, что я здесь ради него. Это меньшее, что я могу сделать, учитывая, что именно из-за меня он теряет контроль. Когда солнце становится слишком ярким, я уйду.

— Ты собираешься прекратить драться, не так ли? — кричит Джексон, заставляя меня остановиться и обернуться. Это звучит не как вопрос... Скорее как утверждение типа «я уверен в этом».

Я киваю, щурясь от солнца.

— Да.

Я дал Оливии обещания, которые должен сдерживать, которые хочу сдерживать. Я давал себе обещания. Я собираюсь стать таким родителем, каким никогда не был мой отец. Мой дом будет наполненным счастьем и теплом. Он не будет холодным и тусклым.

Джексон не сводит глаз со своих ботинок.

— Поздравляю, чувак, — бормочет он.

Я позволяю одной стороне своих губ растянуться в полуулыбке и отворачиваюсь. Это лучшее, чего я могу от него добиться, и я приму это.

Быстро иду к своей машине и сажусь в нее. После того, как поворачиваю ключ в замке зажигания, останавливаюсь. Если бой с Доном будет моим последним боем, то я должен его выиграть. Я не брошу после проигрыша... Моя гордость не позволит мне. Если я собираюсь победить, мне нужно сохранять ясную голову... А это значит, что я должен воздержаться от рассказа Оливии о том, что произошло сегодня в казино «Ария». Я запускаю пальцы в волосы. Не хочу, чтобы чувство вины давило на меня, если она уйдет. Я знаю, что это неправильно, и знаю, что это несправедливо. Мне не нравится что-то скрывать от нее, но как только это закончится, я проведу остаток своей жизни, заглаживая вину перед ней, обращаясь с ней как с королевой, как обещал ее отцу и ее брату.

Клянусь.

Оливия

Я засыпаю, положив голову на колени Дэррила, но мне ничего не снится. Он пришел сказать, что Сет скоро вернется, от чего я в восторге. Я знала, что это произойдет... Сета Марка можно назвать кем угодно, но он не лжец. Сет сказал, что позаботится обо мне. Он обещал, что у нас все будет хорошо, и теперь он вернется, чтобы выполнить это обещание.

Я заснула, пока Дэррил рассказывал мне истории о подростковом периоде жизни Сета. Эти истории заставили меня улыбнуться. Он был маленьким нарушителем спокойствия. Однажды Сета арестовали за то, что он бегал голышом по церкви во время воскресной утренней проповеди. Оказывается, люди не оценили его богоподобную фигуру так, как я. «Непристойное обнажение» — вот как назвал это Дэррил, заставив меня захихикать. Все, что делает Сет — неприлично, и хотя это Дэррил рассказывает мне о беззаботной юности мужа, но я не верю в это. Для меня Сет всегда был суровым и немного напряженным. Конечно, он тоже может быть чрезмерно самоуверенным и игривым, но по большей части Сет серьезный парень. Я не могу представить его бегущим голышом ради развлечения или катающимся на скейтборде или серфе, как в других рассказах Дэррила. Я вижу в нем большого парня с огромными руками... Может быть, рождение ребенка раскроет внутреннего юного Сета?

Внезапная невесомость одолевает меня, и я просыпаюсь от дремоты. Вглядываюсь сквозь едва приоткрытые глаза и вижу сильную челюсть, затемненную пятичасовой щетиной, и полные соблазнительные губы. Я смотрю на них пару секунд, пытаюсь сориентироваться, и только когда встречаюсь с великолепными карими глазами, то понимаю, что мой муж наконец-то вернулся ко мне. Его медовые глаза вспыхивают, и глубоко внутри них я вижу его сожаление.

— О, мне так жаль...

Я обнимаю Сета за шею и прижимаюсь своими губами к его губам, крепко целую его и отчаянно желаю, чтобы мы слились вместе и никогда не расставались, как тесто для лепки, когда смешиваешь цвета. Он может извиняться сколько угодно, но для меня это не имеет значения. Мы все принимаем опрометчивые решения, мы все убегаем, когда злимся или боимся, и это нормально. Иногда не извинения значат больше всего... Иногда возвращения достаточно, чтобы все исправить.

Вдалеке я слышу, как закрывается входная дверь. Дэррил ушел, оставив нас с Сетом одних. Мой муж отстраняется, осторожно изучая мое лицо.

— Ты не злишься на меня?

Я беру его лицо в ладони и провожу пальцами по волосам, просто чтобы убедиться, что он реален, а я все еще не сплю. Чтобы убедиться, что он здесь, со мной.

— Нет, больше нет.

Я сжимаю его волосы между пальцами и тянусь к его губам. Я хочу чувствовать его рядом с собой, внутри себя. Я хочу, чтобы между нами не было ничего, кроме горячего воздуха и долгих жаждающих взглядов. Мы обмениваемся поцелуями, когда поднимаемся вверх по лестнице в спальню, прежде чем Сет опускает меня на нашу незаправленную кровать, прижимая свое твердое и тяжелое тело к моему. Я чувствую каждый его сантиметр, и грубая ткань джинсов мужа вызывает у меня мурашки на каждом участке обнаженной

кожи ног. Его очевидное возбуждение тесно прижимается ко мне, когда он жадно целует меня. Я стону в губы Сета, когда грубые руки проникают под подол рубашки и хватают меня за голое бедро. Его рука задерживается там на несколько секунд, прежде чем Сет проводит пальцем по моему боку, заставляя вздрогнуть. *А потом он отстраняется.* Он немного отстраняется от меня.

— Мы должны поговорить о том, что произошло.

В отчаянии я хватаюсь за край его рубашки и сжимаю ее в своих руках.

— Мы можем поговорить... Можем поговорить позже, я обещаю, — говорю ему, задыхаясь. — Но сейчас нужны прикосновения. Только прикоснись.

— Я многим тебе обязан... — признается он. — Я сделал и сказал сегодня несколько ужасных вещей... Вещей, за которые не уверен, что ты когда-нибудь меня простишь. Я готов объяснить тебе все прямо сейчас, О. Ты уверена, что хочешь подождать?

В выражении его лица мольба, как будто он просит меня не ждать, но он нужен мне сейчас. Он нужен мне больше, чем когда-либо... Мне нужно, чтобы он заставил меня почувствовать себя любимой, прежде чем все испортит. Да, я знаю, что он собирается сказать мне что-то, что все испортит. Дэррил предупредил меня. Не намеренно, но я узнаю предупреждение, когда услышу его. Дэррил пришел сюда и рассказал о поступке, который Сет совершил сегодня для ММАС. Он не сказал, что произошло, только то, что Сет расскажет мне. Это звучит где-то на задворках моего сознания, но я предпочитаю игнорировать внутренний голос, потому что доверяю мужу. Если он сочтет, что это стоит рассказать, он расскажет. Сет — не Блейд. Он не трус и не подлец. Сет прямолинеен... Если он сделал что-то не так, то признает это. Кроме того там была Селена. Если бы он сделал что-то, что, по ее мнению, могло причинить мне боль, она бы защитила меня. Она бы мне сказала... Как я рассказала ей о том, что делает Джексон, хотя она уже была в курсе.

После моего небольшого утвердительного кивка Сет больше не сдерживается, умудряясь раздеть нас обоих быстрее, чем когда-либо. Я становлюсь на колени на кровати, и Сет во всей своей обнаженной красе присоединяется ко мне. Он кладет руки мне на бедра и опускает рот к моей шее. Стон вырывается из моей груди, когда он целует мою ключицу, посасывая кожу. Внутри моя кровь кипит и нагревает тело, когда мой муж обхватывает грудь. Отпуская мою кожу, он приближается своим лицом прямо к моему и улыбается соблазнительной улыбкой. Улыбкой, которую я, кажется, не видела целую вечность.

— Я думал, что потерял тебя сегодня... — говорит он мне. — Думал, что мне придется нарушить несколько законов, чтобы вернуть тебя.

— Что ж, можешь повесить свою шляпу разбойника, ковбой, — говорю я. — Ты никогда меня не потеряешь.

— Мы можем зафиксировать это письменно?

Я ухмыляюсь.

— Как насчет того, чтобы я скрепила это поцелуем?

Я прижимаюсь губами к его губам и дрожу, когда Сет проводит рукой по моей коже. Его грубые пальцы скользят между нашими телами, прежде чем скользнуть между моих ног. В ту секунду, когда он касается меня, Сет стонет мне в рот, и низкий звук вызывает внезапную вспышку тепла, пробегающую по моему позвоночнику. У меня нет возможности подстроиться под ритм, прежде чем Сет подхватывает меня и разворачивает. Я задыхаюсь, когда он толкает меня на колени, а мне приходится опереться на руки.

— Хочешь, я покажу тебе? — стонет он мне на ухо, взяв в руку мои волосы, а другой

рукой поглаживая мою задницу. — Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя так, будто потерял тебя? — Его голос грубый, и я чувствую, как он прижимается к моей заднице, в то время как другая рука удерживает меня на месте.

— Да. — Я сглатываю, кивая. — Я хочу, чтобы ты это сделал.

Изо всех сил стараюсь не дать ему понять, как его желание и агрессивная сила делают меня влажной, но терплю неудачу, когда Сет проводит кончиком указательного пальца между моими половыми губами. Удивительные ощущения охватывают все мое тело, и я откидываюсь назад. Он пощипывает и сжимает мою кожу повсюду, как будто соскучился по каждому сантиметру за то короткое время отсутствия. Мне действительно нравится, как он ведет себя со мной. Никто не может делать это так, как Сет. Черт возьми, он делает мне лучше, чем я сама себе.

Сет двигает бедрами, прижимаясь к моей заднице и заставляя почувствовать его всего на своей спине. Ощущается хорошо. Как и всегда.

— Это то, чего ты хочешь, Оливия? — говорит мой муж хриплым голосом, от которого по коже бегут мурашки. Я стону, когда его рука хватается мой сосок и зажимает между пальцами, а сам Сет прижимается к моей спине. — Ты хочешь, чтобы я обращался с твоим телом так, будто не прикасался к нему целую вечность?

— О, Боже, да, — стону я тихим хриплым голосом, который едва похож на мой собственный. — Я хочу страсти. Я хочу *тебя*, Сет.

Мне нравится, когда он заставляет меня умолять его, потому что именно в такие моменты я могу показать, как отчаянно хочу, чтобы он был рядом. Теперь обе его руки гладят мою грудь. Кажется, что он исследует меня, используя только грудь, в течение нескольких минут, прежде чем его рот, наконец, захватывает мою шею и разрушает это ощущение. Пока он дразнит меня, прикасается и ласкает, все, о чем я могу думать — это о том, как хочу попробовать его на вкус. Когда потребность становится невыносимой, я останавливаю его руки, кладя свои сверху.

— Подожди, — выдыхаю я, мое дыхание вырывается быстро и стремительно.

Он останавливается и убирает от меня руки. Я стараюсь не дуться, когда его тепло покидает поверхность моей кожи, и напоминаю себе, что скоро Сет снова прикоснется ко мне. Во-первых, я должна доставить ему удовольствие. Я оборачиваюсь и полностью осматриваю его. Муж с прищуром смотрит на меня сверху вниз, пока я позволяю своим глазам пожирать его. Он выглядит фантастически, каждый его развитый сантиметр. Я беру его твердый, как камень, член в свою руку, скользя ладонью вверх и вниз несколько раз. Его глаза расширяются, когда он осознает мою задумку, а я наклоняюсь и облизываю самый кончик. Сет стонет, откидывая голову назад, и запускает свои пальцы в мои волосы. Он сжимает кулак и тянет волосы до тех пор, пока моя кожа головы не начинает гореть... И мне это *нравится*. Я посасываю головку губами, не сводя глаз с его обнаженного горла. Он тяжело сглатывает, отчего кадык вздрагивает, прежде чем снова повернуть голову в мою сторону. Наши глаза встречаются, и внутри меня взрывается фейерверк, когда я обвожу его языком, собирая преякулят. Мои движения намеренно неглубоки, я редко двигаю губами мимо его головки и знаю, что эта техника одновременно возбуждает и расстраивает его.

Он хорош на вкус. Сет *всегда* хорош на вкус. В моих волосах его пальцы снова и снова сжимаются и расслабляются. От этого моя кожа покрывается мурашками. Мне нравится вести себя с ним так, играя только с самым кончиком.

— Черт, О. Глубже, — командует он, но не продвигается дальше.

Я улыбаюсь. Сет не выносит, когда я слишком долго его дразню. Уступая, я беру член глубже в рот, двигая пальцами по нему ниже. Время от времени без предупреждения я резко беру его еще глубже, заставляя пальцы Сета напрягаться, рычание зарождаться в груди мужа, а кровать сотрясаться. Вот, где он мне нужен... Прямо здесь, со мной. Внутри меня. Мне все равно на сколько времени, лишь бы он был.

Ослабив хватку на моих волосах, он хватает меня за голову и отрывает от себя. Головка с хлопком выскальзывает из моих губ, когда он подталкивает меня вверх. Не говоря ни слова, Сет прижимает мои губы к своим и страстно целует, просовывая свой язык мне в рот. Он целует меня, пока у меня не перехватывает дыхание, пока не убеждается, что кровь отхлынула от моего лица, собираясь в опухших губах.

— Боже, Оливия, — тихо говорит он, двигаясь вниз, чтобы покрыть мое горло поцелуями и облизать. В конце концов моя спина выгибается, когда он опускает голову, беря мой невероятно твердый сосок в рот.

— У тебя самые красивые сиськи, которые я когда-либо видел, клянусь, — бормочет он с соском во рту. Пока Сет дразнит его кончиком языка, его рука движется ниже, и он медленно опускает меня на спину. Атласные простыни охлаждают мою пылающую кожу, создавая новое ощущение, которое проникает в меня от кончиков пальцев рук до кончиков пальцев ног. Не проходит и секунды, как он раздвигает мои ноги и трет клитор, вызывая дрожь...

Наконец-то он прикасается ко мне там, где я больше всего в этом нуждаюсь. Его пальцы медленно поглаживают меня вверх и вниз, зажимая клитор между большим и указательным пальцами, прежде чем скользнуть прямо ко входу. Я выгибаюсь, поощряя его уже просто взять меня, черт возьми. Мне нужно, чтобы он это сделал. Мне нужно, чтобы он отправил меня через край безумия, чтобы я могла забыться на несколько минут. Несколько минут блаженства, которые может подарить только Сет — это то, чего я хочу. Медленно, но уверенно он вводит в меня палец. Я хватаюсь за простыню, сжимая ее в руках в попытке удержаться на месте. *Не кончат. Ещё нет.* Я хочу, чтобы это длилось вечно.

— Ты такая чертовски красивая здесь, внизу, детка, — говорит он, заставляя мои щеки вспыхнуть. — И мокрая. Такая чертовски мокрая. — Он добавляет еще один палец, и теперь я чувствую себя полной. Полной до такой степени, что готова взорваться. Я едва успеваю заметить второй палец, как его язык прижимается к моему клитору. Конечно же, мои бедра дергаются, сильнее прижимая меня к его рту, даже к зубам. Это приятно, он заставляет меня чувствовать себя хорошо. Я чувствую, как знакомое покалывание начинает пробиваться изнутри меня наружу, не прекращаясь, пока плотно не обвивается вокруг моего позвоночника и не распространяется по моим нервам. Когда я начинаю погружаться в бездну экстаза, Сет отрывает от меня свой рот и внезапно поднимает и толкает к изголовью кровати. Я хватаюсь за спинку, когда муж хватает меня за бедра и надавливает на поясницу, заставляя выставить задницу. Он гладит мою ягодицу своим твердым членом один, нет, два раза, прежде чем просовывает его мне между ног, покрывая моей влагой. Быстрым и сильным движением он полностью входит в меня, заставляя врасплох. Мои пальцы впиваются в дерево, и я вскрикиваю от этого ощущения.

— Ты не кончишь, пока не будешь на моем члене, — резко шепчет он мне на ухо. Сет покусывает мочку, заставляя стонать и морщиться одновременно.

Еще одним быстрым движением он полностью выходит из меня, оставляя чувство опустошенности. Я опускаю голову на деревянную спинку кровати. Не могу долго терпеть

его поддразнивания, не сейчас.

— Сет... Пожалуйста, — умоляю я.

— Я чуть не потерял тебя, детка, — говорит он, и я слышу улыбку в его голосе. — Я не хочу торопиться.

Он снова входит в меня, но на этот раз медленнее. Сантиметр за сантиметром Сет толкает член, заставляя мою голову кружиться, пока полностью не оказывается внутри. Мои губы дергаются, когда он удерживает себя внутри, нежно целуя мое плечо. Его тело так идеально повторяет мое, и он так идеально вписывается в меня, что это убеждает меня в том, что мы созданы друг для друга. Он *мой*, и я не буду делить его ни с кем... По крайней мере, еще девять месяцев. Я хватаю его руки и обхватываю ими свой живот и поднимаюсь к груди. Он перехватывает инициативу, грубо сжимая мою грудь.

— Это тело изменится... — шепчу я через плечо и прижимаюсь к его щеке. — Ты потеряешь это тело, Сет. Покажи мне, как сильно ты будешь скучать по нему.

Я снова кладу руки на спинку кровати, собираясь с духом и надеясь, что он последует моему совету. В следующие пять минут я хочу, чтобы он довел нас обоих до самого сильного оргазма, который мы когда-либо испытывали вместе. С мрачным смешком он сжимает мои бедра и сильно погружается в меня, почти лишая дыхания. Я громко выдыхаю его имя всякий раз, когда мои легкие набирают достаточно воздуха. Он достигает внутри меня точки, которая почти болезненна, но я не чувствую ничего, кроме его твердой длины, поднимающей меня выше, чем я когда-либо была.

— Ты хочешь жестко, Оливия? — спрашивает он таким мрачным тоном, что это почти насмешка.

Это чертовски возбуждает меня, и я толкаюсь задницей назад, заставляя Сета в кои-то веки застонать.

— Да, Сет. Трахни меня, — требую я, когда он кусает меня за плечо.

— Трахнуть тебя как?

Он толкается снова, но на этот раз медленнее. Я не могу этого вынести... Мне нужно больше! Мне нужна сила!

— Жестко. — Мой голос был едва слышен из-за моего стога. — Сильнее... Пожалуйста, сильнее.

Я толкаюсь назад, и Сет делает то же самое, встречая меня. Обе его руки впиваются в мои бедра, когда он перехватывает инициативу, притягивая меня к себе в такт своим толчкам. Он так сильно сжимает их, что я почти уверена, что утром останутся синяки, но мне все равно. Прямо сейчас все, о чем я забочусь — это чтобы меня хорошенько трахнул мужчина, которого, как думала, я потеряла. Я не могу припомнить, чтобы когда-нибудь нуждалась в его прикосновениях так сильно, как сейчас.

Без предупреждения он выходит из меня и грубо разворачивает, бросая на матрас. Его тело опускается на мое, но осторожно, чтобы не навалиться всем весом, и Сет устраивается у меня между ног. Он хватается за бедро и обвивает мою ногу вокруг своего бедра, прежде чем снова войти. Когда мои губы приоткрываются, я смотрю ему в лицо и вижу желание в его глазах. Желание, которое, я уверена, отражает мое собственное. Его глаза потемнели. Медовый оттенок исчез, и его взгляд впивается в мои глаза, пока Сет трахает меня. Его губы изгибаются в подобии ухмылки, прежде чем муж прижимается своим ртом к моему и целует так сильно, что у меня кружится голова. Я обхватываю ногами его талию, не желая позволять ему отодвинуться от меня. Вот оно. Я хочу кончить сейчас, когда его лицо будет

всего в сантиметре от моего собственного. Эта новая поза позволила заполнить меня больше, чем когда-либо, позволила затронуть новые точки. Я вскрикиваю, когда Сет входит сильно, глубоко и под правильным углом. Внизу живота, ногах и кончиках пальцев я чувствую, как нарастает мой оргазм. Я хватаю Сета за плечи, за спину, за волосы, за все, что может заставить его быть глубже во мне. Тогда я чувствую это. Нечто, воспламеняющее мое тело, словно фейерверк. Я впиваюсь зубами в губу и стону, когда мой оргазм достигает максимальной точки и выплескивается через край, словно пробка, вылетающая от шампанского. Я вскрикиваю, не в силах удержать зубы на губе, когда меня бросает в волны оргазма. Мои ногти сильно впиваются в кожу плеч мужа, заставляя его зашипеть. Мой оргазм едва утихает, когда Сет с силой целует меня, а его собственный оргазм охватывает его. Он стонет и произносит мое имя мне в рот, в мои губы, когда я чувствую, как он кончает в меня. Через несколько минут наши движения замедляются, но не прекращаются полностью, когда каждый из нас спускается со своей вершины. Я лениво улыбаюсь Сету. Все, чего я хотела — это почувствовать его внутри себя... Чтобы забыть все проблемы этого утра. Говорят, секс не решает всего, но это чертовски хорошая отправная точка. Может быть, не было бы войн, если бы все получали регулярные и умопомрачительные оргазмы.

Быть с Сетом — это лучшее чувство в мире. Нет никаких внешних проблем. Есть только мы. Совсем одни, поглощенные страстью и необходимостью привести друг друга к грани хаоса. Именно в такие моменты я чувствую, что все в порядке. Идеально. Сет опускает голову мне на грудь и крепко обнимает меня.

— Оливия? — бормочет он, и его голос звучит чертовски усталым.

Я провожу рукой по его волосам сзади вверх и вниз, массируя кожу головы.

— Хм?

— Есть кое-что, что я должен тебе сказать... Что я сделал сегодня.

— В «Арии»?

Все его тело напрягается... И я не могу сказать, что это хороший знак.

— Да.

Наступает тишина, и я терпеливо жду, изо всех сил стараясь не предполагать худшего. Я продолжаю успокаивающе двигать пальцами, беззаботно вырисовывая узоры.

— Сколько дней осталось до боя?

Я хмурюсь, мысленно считая.

— Вроде пятнадцать?

Сет поднимает голову, глядя на меня своими удивительными глазами. На его лице чертово выражение невинности и мольбы, словно у щенка.

— Пятнадцать дней. Через пятнадцать дней расскажу, что я сделал.

— Пятнадцать дней? — Это звучит обиженно. Сет тоже замечает и быстро подносит руки к моему лицу, обхватывая мои щеки.

— Все в порядке, не волнуйся. То, что я сделал, не катастрофа. Поверь. Возможно, ты немного накрутишь, но обещаю, что все не так плохо, как ты, скорее всего, думаешь. Ты поймешь, как только я тебе объясню. Я знаю, что поймешь.

— Если ты так уверен, что я пойму, почему не можешь сказать мне сейчас?

Его взгляд скользит по моим губам, прежде чем снова остановиться на моих глазах. В этом быстром движении я вижу все. Это говорит мне больше, чем когда-либо могут сказать его слова...

— Потому что ты можешь потерять меня... — шепчу я, слезы жгут мне глаза. — Ты

боишься, что можешь потерять меня? — Он кивает, целуя меня в подбородок.

— Дай мне шанс объяснить, что произошло. Через пятнадцать дней я все расскажу.

Мое горло сжимается, заставляя меня почувствовать боль, когда я выдавливаю следующие несколько слов:

— У тебя... У тебя был секс с кем-то?

Он вздрагивает, как будто сам вопрос причинил ему физическую боль.

— Нет, я бы никогда.

Я выдыхаю, хотя даже не думала, что задержала дыхание. Внезапно в мире снова все становится хорошо.

— Тогда я могу подождать пятнадцать дней.

Сет крепко целует меня, просовывая свой язык между моими губами и крадя мое дыхание. Я целую его в ответ, давая ему понять, что я здесь ради него. Навсегда.

Независимо от того, что он сделал, у него есть мое прощение. Для меня секс — это то же самое, что отдавать частички своей души. Каждый раз, когда вы занимаетесь сексом, ваш партнер забирает частичку вас и наоборот. Я верю, что у всех есть родственная душа, так что у вас есть возможность забрать эти кусочки обратно каждый раз, когда вы близки друг с другом. Пока Сет не отдал частичку себя никому другому, он мало что может сделать, чтобы потерять меня. Я прощу ему все, пока его член не вылезет из штанов... До тех пор, пока он не поделится своей душой — моей душой — ни с кем другим.

Главное, что он этого не сделал.

Сет

Утром я просыпаюсь от того, что Оливия перепрыгивает меня, заставляя матрас трястись, когда бежит в ванную, схватившись за живот и прикрывая рот. Этого недостаточно, чтобы разбудить меня, но я просыпаюсь в ту же секунду, как она захлопывает дверь ванной.

Проводя рукой по лицу, я переворачиваюсь и смотрю на часы. 8:00 утра. *Видимо, я пропустил тренировку...* Мы с Оливией допоздна засиделись за разговорами, потом занялись сексом, а после еще немного поговорили. Вчера я был так уверен, что она никогда больше не захочет меня видеть. Особенно после того, как я почти потребовал, чтобы она сделала аборт. Она простила меня... Сказала, что понимает мою реакцию, а потом оставила меня лежать, гадая, какой великий поступок я совершил в своей жизни, чтобы судьба подарила мне такую чертовски потрясающую девушку. Она даже согласилась подождать пятнадцать дней до окончания боя... Какая женщина охотно будет ждать пятнадцать дней, чтобы узнать секрет своего супруга? Сумасшедшая? *Та, которая безумно влюблена и доверяет тебе, идиот.*

Я качаю головой и откидываю простынь. Я едва слышу, как Оливия стонет, а затем сплевывает, прежде чем включается вода. Я приготовлю ей завтрак. Если ее будет тошнить в течение следующих двух недель, то самое меньшее, что я могу сделать, это покормить ее.

Протирая заспанные глаза, я, пошатываясь, переступаю через валяющуюся одежду и иду к двери. Открыв ее, я замираю, когда отчетливый запах свежесжатого сока и яиц атакует мой нос. Закрываю за собой дверь, спускаюсь по лестнице и иду на кухню.

— Доброе утро, — приветствует Дэррил, поднимая стакан с апельсиновым соком.

Я смотрю на сцену, представшую передо мной: Джексон готовит бекон на сковороде, а Селена пропускает сельдерей через соковыжималку. Что, черт возьми, происходит?

— Э-э... доброе утро.

— Мы готовим завтрак, — говорит мне Селена, констатируя очевидное.

— Черт, — ругаюсь я, делая шаг к Дэррилу, который сидит на барном стуле у столешницы. — Я что забыл про чей-то День Рождения?

— Нет, это для... — Селена хмурит брови. — Это для... Я не знаю, для чего это нужно, но это была идея Джексона.

Я смотрю на Джексона, который смотрит на меня и быстро пожимает плечами.

— Ничего особенного, просто семейный завтрак.

Семейный завтрак... Мне нравится, как это звучит.

— Сет? Ты готовишь? — кричит Оливия с верхней части лестницы, заставляя Селену подпрыгнуть. Она бросает на меня вопросительный взгляд через плечо, который говорит: «Ты ей сказал?» Я на самом деле хочу, чтобы она перестала волноваться и смотреть на меня своими большими обеспокоенными глазами. Это не похоже на то, что у нас тайный роман. Это был поцелуй — хорошо, технически это было два поцелуя, — и с тех пор я об этом не вспоминал. Я качаю головой.

— Ты не сказал ей? — с гневом бормочет Дэррил себе под нос.

Селена включает соковыжималку, заглушая звук шагов спускающейся по лестнице Оливии.

— Нет. Я сказал ей, что расскажу после боя. Кстати, спасибо за небольшой вклад прошлой ночью.

— Тебе нужно... Доброе утро! — Дэррил приветствует Оливию через мое плечо, возвращая себе счастливое и жизнерадостное выражение лица. — Как себя чувствуешь?

— Нормально, — отвечает она, обнимая меня за голую талию и прижимаясь своим теплым лицом к моей спине. Она дважды целует меня, прежде чем отойти и скользнуть на барный стул.

— Больше никаких пищевых отравлений? — спрашивает Селена, выключая соковыжималку и наливая Оливии свежий сок.

Наступает неловкое молчание, и Оливия, Джексон, Дэррил и я обмениваемся взглядами. Селена — это единственный человек, который еще не знает, что О беременна.

— Нет. Больше никаких отравлений.

Она протягивает Оливии стакан, и мы с любопытством наблюдаем за обменом репликами между ними.

— Я так и думала. Ты сияешь.

Я тоже заметил. Должен признаться, мне интересно, это потому, что она беременна, или мои навыки в постели *настолько* хороши. Я сбился со счета, сколько раз я заставлял ее кончать в моих руках, поэтому фыркаю, вызывая ту же реакцию у Дэррила и Джексона.

Селена морщит нос.

— О, фу.

С красным, словно вишня, лицом Оливия подносит стакан к губам и пьет сок, все время качая головой в мою сторону.

— Что? — Я смеюсь. — Я не хотел.

— Успокойся, Сет. — Джексон посмеивается, бросая на сковороду ломтики бекона.

Бекон шипит и лопается, наполняя комнату самым восхитительным запахом. Я опираюсь на столешницу рядом с Оливией, перенося большую часть своего веса на локти. Она неловко ерзает и нервно делает большой глоток сока, затем наклоняется вперед, опираясь на стойку и прижимая тыльную сторону ладони ко рту. Я чувствую, как мои глаза расширяются от осознания того, что ее вот-вот вырвет. И естественно Оливия поворачивается на стуле и бежит к лестнице. Мы смотрим вслед, пока она не захлопывает дверь спальни, а затем слышим второй хлопок двери в ванную. Селена смотрит на меня, а Джексон опускает взгляд на сковороду, делая вид, что занимается беконом. Если я присмотрюсь повнимательнее, уверен, что смогу увидеть, как он напрягает слух, чтобы услышать, кто будет тем человеком, который расскажет все Селене. Дэррил хватается ближайший журнал и утыкается в него, чтобы прикрыть лицо. *Слабаки*. Конечно, они заставят меня это сделать. Я беру бокал Оливии и делаю большой глоток. Сельдерей, яблоко, лимон и имбирь щекочут мои вкусовые рецепторы. Я облизываю губы и ставлю стакан обратно.

— Не думаю, что твой сок настолько плох. Она просто преувеличивает.

Селена крепко скрещивает руки на груди, а Джексон и Дэррил украдкой смеются. Я прикусываю губу, изо всех сил стараясь не присоединиться к ним.

— Ты разогрел того жареного цыпленка?

— Что? — Я смеюсь так сильно, что у меня горит живот, и я уверен, что умру. Джексон и Дэррил тоже. — Последние несколько дней Оливию тошнит *по утрам*, она *сияет*, не выносит *запаха* бекона, и ты предполагаешь, что я разогрел твоё жаркое и скормил ей? — Я

снова смеюсь. — Черт возьми, Селена, тебе повезло, что ты решила отказаться от карьеры юриста. Ты ни хрена не можешь собрать улики воедино.

Она надувает свои покрашенные губы, все больше расстраиваясь.

— Я не понимаю...

Боже. Не думаю, что она поняла бы это, даже если бы я все записал для нее. Джексон, должно быть, тоже пришел к тому же выводу, потому что он стонет:

— Сет обрюхатил Оливию.

— Сет и Оливия создают семью, — поправляет его Дэррил с суровым взглядом, заставляя все это звучать чертовски более благородно, в отличие от того, как выразился Джексон.

Глаза Селены расширяются, и она прикрывает рот рукой.

— Ты серьезно?

Я киваю, не в силах сдержать легкую улыбку.

— Твой?

Что ж, вот и моя улыбка исчезла.

— Конечно, мой. От кого он еще может быть?

Ее щеки покрываются румянцем, и она быстро трясет головой, отчего ее кудри подпрыгивают.

— Да, извини. — Она прислоняется к шкафу, недоверчиво глядя на меня. — Я не могу в это поверить. С ней все в порядке?

— По-твоему, она ведь выглядела нормально?

— Да...

— Тогда с ней все в порядке.

Когда я заканчиваю, Оливия возвращается в комнату, привлекая всеобщее внимание. Она двигается медленно, внимательно все слушая.

— Ну... Это немного жутковато, — бормочет она.

— Ты мне не сказала? — требует Селена, отталкиваясь от шкафа.

Я сжимаю челюсти. Селена не имеет права чего-либо требовать от Оливии, учитывая, что хранит свои собственные секреты.

— Не злись, — умоляет Оливия Селену. Я дергаю за пояс халата Оливии и притягиваю ее ближе, подхватывая под мышки. Даже несмотря на запах бекона, я чувствую мяту в ее дыхании. — Я узнала об этом только вчера, и нам с Сетом нужно было сначала разобраться во всем.

— Если кто-то и имеет право злиться, так это Сет. Теперь ему придется перестать покупать бекон, — перебивает Джексон, перекладывая первый хрустящий кусочек бекона на тарелку. Я смеюсь, но быстро замолкаю, когда идеально очерченные брови Селены хмурятся. Ее сердитое выражение лица быстро смягчается беспокойством. Искренним беспокойством за лучшую подругу, и это отчасти задевает меня.

— С тобой все в порядке? — Она делает шаг вперед и касается лба Оливии, как это делает мать, когда ее ребенок болен. Рядом со мной Дэррил тихо ругается. *Селена всегда такая драматичная?*

— Она беременна, — говорю ей, чувствуя прилив гордости в груди. — Не умирает.

Селена опускает руку, прижимая ее к груди. На ее лице появляется выражение сочувствия, и я сжимаю Оливию еще крепче.

— Ты знаешь срок?

Оливия пожимает плечами.

— Я пыталась вычислить, но не знаю, насколько точно... Может быть, десять недель.

Селена едва переваривает информацию, прежде чем задать еще один назойливый вопрос:

— Но ты все еще так молода... Ты собираешься оставить его?

— Селена! — Джексон и Дэррил окликают ее одновременно. Я не виню их, даже мое тело напряглось от того, как она это сказала. Я понимаю, что это повлияет на нее. Она потеряет свою лучшую подругу еще больше, чем уже, и это будет нелегко. Но Боже, Селена, прояви хоть какую-то чувствительность.

— Конечно, я собираюсь оставить его. Нет смысла избавляться от ребенка, которого я создала с Сетом. Мы женаты.

Селена двигается вперед.

— Ты ничего не хочешь сделать перед тем, как завести ребенка? Попутешествовать или научиться чему-то новому?

Оливия качает головой, и я смотрю на нее сверху вниз. Она немного изогнула губы, что заставляет мое сердце биться чаще.

— Ты говоришь так, как будто я не могу делать такие вещи с ребенком. Ребенок не мешает тебе делать то, что ты хочешь.

— Но сейчас в твоей жизни так много всего происходит. Ты живешь в Вегасе, Джексон живет в твоём доме в Портленде, а карьера Сета вряд ли относится к тому типу забот...

— К черту мою карьеру.

Я пожимаю плечами, выпрямляясь и расправляя плечи.

На кухне воцаряется тишина, и только Селена и Оливия пристально смотрят на меня. Как смеет Селена приходить сюда и пытаться вытворять это дерьмо прямо у меня перед носом?

— Что ты сказал? — бормочет Селена.

— Я сказал, к черту мою карьеру и к черту тебя тоже, Селена. — Мой голос звучит громче, чем я ожидал.

— Сет! — гневно говорит Оливия, отходя от меня и приближаясь к Селене.

— Да, осторожнее, Сет, — предупреждает меня Джексон, но я не боюсь его или кого-либо из них. Я не осмеливаюсь отвести взгляд от прищуренных глаз Селены.

— Я не собираюсь сидеть здесь и позволять тебе пытаться подтолкнуть мою жену к аборту. Она приняла решение и собирается его придерживаться. Не пытайся высасывать счастье из жизни других людей, потому что в твоей его нет.

Лицо Селены искажается от обиды.

— Я не пытаюсь подталкивать ее к чему-либо. Как ее лучшая подруга я забочусь о ней, пытаюсь помочь сделать правильный выбор.

— Правильный выбор? Какой выбор можно сделать? Это случилось, она беременна. Дело сделано.

— Хорошо! — перебивает Дэррил, поднимаясь на ноги. — Это зашло слишком далеко. Я скажу, как пройдет остаток этого утра. Селена, ты будешь заниматься своими делами. Сет и Оливия решили оставить и растить своего ребенка в Портленде. С твоим разрешением или без него. Сет, ты присядешь и расслабишься, пока Джексон продолжит готовить этот великолепный бекон. Я голоден, а это значит, что я не в настроении для этого дерьма. Понял?

Не сводя глаз с Селены, я опускаюсь на свой стул.

— Понял.

Я смотрю на Оливию, и мой гнев исчезает, когда я вижу такую милую и растрёпанную жену в халате. Во мне не остается ничего, кроме любви. Я просто пытаюсь защитить ее, защитить нас. Оливии пришлось вчера выслушать от меня достаточно разговоров об абортах, и я больше никогда не хочу слышать это слово. Селена возвращается к своей соковыжималке и включает ее, не обращая внимания на остальных в кухне. Честно говоря, я действительно не возражаю против этого. Я поворачиваюсь на стуле, приглашая Оливию подойти и встать между моих ног. Она делает это, не говоря ни слова, и не знаю, потому ли это, что она хочет быть здесь, или она не хочет злить меня. Я не против, пока она рядом со мной... Там, где я могу прикоснуться к ней и защитить ее.

Как только завтрак подан, а Оливию вырвало еще три раза, мы переходим к обеденному столу, чтобы поесть. Пока все остальные поглощают яйца, бекон и хлеб, Оливия наполняет свою тарелку свежими фруктами и сухими тостами. Было забавно наблюдать за ней.

— Это должен был быть бекон.

Она надулась, наблюдая, как Дэррил и Джексон едят кусок за куском.

— Мне знакомо это чувство, — говорю я ей с улыбкой.

Эти ублюдки-садисты приготовили много бекона, хотя прекрасно знали, что я не могу его есть. До моего боя осталось две недели, и я должен убедиться, что нахожусь в нужном весе. Один-единственный жалкий кусочек был моим пределом, и я съел его за один укус.

Когда с завтраком было покончено, я отправил всех к себе, чтобы мы с Оливией могли немного побыть наедине перед моей тренировкой сегодня. Я лежал на диване, обложившись подушками, и просто смотрел, как за окном проплывают облака. Они быстрые. *Должно быть, в Вегасе ветрено.*

Шаги привлекают мое внимание, и мой взгляд фокусируется на двух милых маленьких ножках с розовыми ногтями на ногах. Ноги подходят все ближе и ближе, и я, наконец, поднимаю глаза на руки Оливии, наблюдая, как они медленно развязывают пояс, удерживающий ее халат. Она распахивает его, показывая свою розовую прозрачную ночнушку. Ту самую, в которую она переделалась прошлой ночью, что спровоцировало наш второй раунд секса. Мои глаза останавливаются на ее плоском животике и медленно поднимаются к налитой груди... Так совпало, что помимо подходящего к ночнушке нижнего белья, грудь — это единственное место на ткани, которое не просвечивает. Очевидно, что наряд придумала женщина. Ни один мужчина никогда не стал бы так ужасно дразнить другого мужчину. Парни точно знают, как неудобно себя чувствуешь, когда тебя дразнят.

Халат спадает с рук Оливии, и она отбрасывает свои длинные шоколадные волосы за плечи, прежде чем скользнуть на меня. Ее тело так чертовски приятно прижимается к моему, такое теплое и совершенное. Я осторожно смотрю на нее, ожидая подвоха. Мы не разговаривали нормально с того момента, как я набросился на Селену, а теперь она пришла ко мне. Здесь что-то не так.

— Ты счастлив сейчас? — спрашивает она легким и полным надежды голосом, кладя руку на живот.

— Да, — отвечаю я, протягивая руку и заправляя прядь волос ей за ухо. — Я не буду идеальным и, вероятно, буду много раз ошибаться, но у меня есть ты. Чего бы ты ни хотела, в чем бы ни нуждалась и чего бы ни жаждала, я все сделаю.

Она медленно наклоняется вперед и чувственно целует меня в подбородок.

— Я ценю то, что ты сделал для меня, — говорит она, на этот раз целуя меня в нижнюю губу. Я вдруг замечаю, что ее голые бедра плотно прижимаются к моим по обе стороны, и чувствую, как мой член дергается.

— С Селеной? — уточняю я, и она кивает. — Ты про это?

Она снова кивает, берет мои руки в свои и кладет их на свою упругую задницу. Оливия тянет меня за запястья, заставляя мои руки приподнять ее тонкую ночную рубашку, и слегка прижимается ко мне бедрами.

— Знаю, что ты хотел как лучше. — Она целует меня снова и снова. — Мне нравится когда ты защищаешь меня.

О опускает рот к моей шее, захватывая зубами кусочек кожи. Я стону, прижимая ее задницу прямо к своему члену. Через мои спортивные штаны она, несомненно, почувствует его. Она двигает бедрами, прижимаясь ко мне всем телом, и даже сквозь ткань я чувствую тепло, исходящее от места между ее ног. Я двигаю бедрами, и она стонет, тоже двигаясь на моем члене. Если не буду осторожен, то испорчу свою любимую пару спортивных штанов. Кого я обманываю? Оливия, терзающая мой член — не худший способ потерять пару штанов.

— Тебе нравится? — Я стону, притягивая ее к себе и прижимая ее лоб к своему.

— Да.

Ее дыхание касается моего лица.

Она закрывает глаза и тяжело сплывает, но ее бедра не перестают двигаться. Она вдавливают их в меня, ускоряясь, и я знаю, чего она хочет. Она хочет кончить прямо сейчас. Она не хочет всего этого шоу. Она просто хочет сама получить оргазм. Я улыбаюсь. Я дам это ей. Это меньше, что я могу сделать.

Отпустив ее задницу, дергаю сорочку и стаскиваю ее через голову жены, прежде чем бросить на пол. Ее грудь обнажена, грудь подпрыгивает и покачивается прямо перед моим лицом, и я смотрю на нее, совершенно загнипнотизированный. *Нет такого места, где я предпочел бы быть прямо сейчас. Это гребанный рай.* Я зажимаю один сосок между большим и указательным пальцами, а другой посасываю губами. Ее спина выгибается, а глаза не отрываются от моих. Я внимательно наблюдаю за ней. Начиная от ее приоткрытых губ до прикрытых глаз. Она близко, я могу сказать это по тому, как ее щеки розовеют, словно солнечный закат. Я резко толкаюсь один раз, когда она трется бедрами.

— Сет! — кричит она хриплым и усталым голосом, прежде чем ее бедра сжимают мои, а тело неровно движется на моем.

Она кончает. Она кончает без чего-то внутри себя и моих пальцев. Когда она приходит в себя, то смотрит на меня, ее грудь все еще у меня во рту, а дыхание прерывается, когда О тербит шнуровку на моих штанах.

— Сними, — приказывает она резким шепотом, и я с ухмылкой отпускаю ее сосок.

Ну, черт. Думаю, мне понравится эта история с беременностью.

Оливия

Я не знаю, что случилось. В одну минуту Сет злится, что я беременна, а в следующую он из кожи вон лезет ради меня. Я пошла к врачу и сделала УЗИ. У нас уже одиннадцать недель, и все выглядит хорошо. Конечно, Сет спросил, известен ли пол, но узист не смог его определить. Когда мы уходили, Сет был взволнован больше, чем я. С другой стороны, он не тот, кому пришлось сдерживать свой мочевой пузырь, пока узист размазывал гель по животу и давил на него. *Тяжело.*

После этого муж отвез меня в торговый центр «Фешн шоу» на бульваре Лас-Вегас, чтобы мы могли пройтись по магазинам. К счастью, мне удалось отговорить его от покупки целой кучи нелепых вещей типа люльки, кроваток (да, во множественном числе), радионянь (да, снова во множественном числе) и даже горшков. Однако я не стала протестовать, когда он захотел купить книгу о беременности... И теперь начинаю жалеть об этом. Сет постоянно читает ее, особенно когда Дэррил прекратил тренировки за неделю до боя, чтобы избежать случайных несчастных случаев и синяков. Книга — это все, о чем я слышу. В конце нее находится небольшой буклет с рецептами блюд, безопасных для беременных. После прочтения Сет выбросил весь свой бекон, все мясные полуфабрикаты, которые я раньше могла есть, большую часть своей рыбы, остатки жареного цыпленка, полумягкие сыры... И это лишь некоторые продукты из списка. Он наполнил холодильник еще большим количеством свежих фруктов и овощей, что должно произвести впечатление на его диетолога. Она ненавидела заглядывать в наш холодильник почти каждую неделю.

— О! — кричит Сет из гостиной. — О! Ты должна это услышать!

Я закатываю глаза и выхожу из ванной, волоча ноги. Я прохожу через нашу спальню и прислоняюсь к дверному косяку на верхней площадке лестницы. Не могу удержаться от улыбки, когда вижу Сета, лежащего на диване и уткнувшегося носом в книгу. Он смотрит на меня поверх страниц, и, *о, боже*, мой муж так хорошо выглядит. Если бы я смотрела порно, то только такое. Эта картинка была бы в верхней части моего списка закладок.

— Что я не могу делать сейчас? — поддразниваю я, складывая руки на груди.

— Ты не можешь сидеть на твердых поверхностях, потому что...

— Сет, — выдыхаю я, прерывая его, — ты можешь сделать мне одолжение? — Забыв о книге, он кивает.

— Закрой книгу и иди сюда.

Он подозрительно изгибает бровь, что придает его лицу глупо-очаровательное выражение, закрывает книгу, а затем кидает ее на пол. Я постукиваю пальцами по своей руке, когда он направляется ко мне. Ступнями я чувствую вибрацию, когда большое тело мужа поднимается вверх по лестнице. Он ждет, находясь всего в нескольких дюймах от меня. Тепло его тела заставляет мою грудь набухать сильнее, а соски сжиматься под облегающим бюстгалтером. Я делаю шаг вперед и обнимаю его за шею, притягивая его лицо ближе к своему.

— Ты помнишь, что сказал Селене на прошлой неделе?

Его тело слегка напрягается, как это всегда бывает, когда я упоминаю Селену. Я знаю, что у них непростые отношения... Но в последнее время кажется, что нет никакой надежды на то, что они станут друзьями. Сет качает головой.

— Ты сказал ей, что я беременна, а не при смерти.

Он заметно расслабляется.

— Это было совсем другое. Я могу позаботиться о тебе и беспокоюсь, а она нет.

Конечно, только Сет мог ревновать к лучшей подруге своей жены, хотя он никогда в этом не признается. Ему не нравится, когда кто-то другой заботится обо мне или спрашивает, все ли со мной в порядке. Что касается его, то он единственный, кто способен позаботиться обо мне, и я люблю его за это, но в моей жизни есть и другие важные люди.

— Нет. Завтра у тебя взвешивание, так что не беспокойся обо мне. Беспокойся о себе.

Он обнимает меня за талию, прижимая к себе.

— Я просто хочу убедиться, что все хорошо. — Он целует меня в нос, затем сдерживает нервную улыбку. — Я никогда в жизни ничего так сильно не хотел, как завести с тобой ребенка.

И вот так мое сердце тает от внезапного пламени, которое разливается по моим венам. Я смотрю на него исподлобья, и его глаза вспыхивают.

— Осторожнее, мистер Марк, ваши слова заставляют мои гормоны хотеть разных пошлостей.

Его руки скользят от моей талии к груди, и он проводит большим пальцем по соску.

Мое дыхание застревает в горле, когда я опускаю голову на его плечо.

— А мои руки? — бормочет он низким и хриплым голосом прямо у моего уха.

— Они никого не заставят передумать, это точно, — говорю ему, внезапно задыхаясь.

— Хорошо. — Он целует меня в губы, и мои глаза закрываются. — Голодна?

Я настойчиво киваю. Я так сильно хочу его.

— Я приготовлю тебе что-нибудь, — говорит он с дерзкой улыбкой, затем отстраняется и направляется вниз по лестнице. Постепенно ко мне начинает возвращаться здравый смысл.

— Сет! Это не то, что я имела в виду, — кричу я, когда он уже спустился. Мой муж ухмыляется через плечо, прежде чем исчезнуть на кухне. У меня такое чувство, что он знает, что я не это имела в виду. — В твоей книге говорится что-нибудь о том, чтобы дразнить беременную женщину? — кричу ему вслед. — Загляни. Я уверена, ты найдешь это в главах с заголовками «не круто» и «потенциальным отцам категорически нельзя, если они хотят жить».

Его красивый смех эхом разносится по номеру, и я прислоняюсь к стене, ожидая, когда мои колени перестанут дрожать, а кровь успокоится. *Что. За. Херня.*

Я улыбаюсь про себя, когда отталкиваюсь от стены и спускаюсь по лестнице. Думаю, я могла бы перекусить бутербродом...

На кухне Сет укладывает шпинат, листья салата, свежий ростбиф и помидоры на ломтик ржаного хлеба. Я не большая поклонница ржаного хлеба, но Сет читал, что это лучший вид, который можно есть... А это значит, что это единственный хлеб, который мне разрешено есть. Я сажусь на табурет и опираюсь на локти, наблюдая, как Сет готовит для меня.

— Выглядит восхитительно, — говорю я, сарказм сочится из моих слов.

— Продолжай говорить, Оливия. После этого ты будешь умолять о большем. — Его глаза перескакивают на мои и ярко вспыхивают. — Ты всегда так делаешь.

Мои щеки пылают, когда он улыбается и кладет верхний кусочек хлеба. Он разрезает бутерброд на два треугольника, кладет на тарелку и пододвигает к столу.

— Не голоден? — спрашиваю я.

— Завтра взвешиваюсь, и мой вес немного превышает ожидаемый. Не могу ни есть, ни

пить, пока все не закончится.

Я хмурюсь.

— Отстой.

— Все не так уж плохо. Теперь я к этому привык.

Теперь я чувствую себя плохо из-за того, что собираюсь есть, когда он не может. Пока я сижу, размышляя о том, как отказаться от поедания бутерброда, раздается стук в дверь. Сет перегибается через стойку, придвигая тарелку ближе ко мне.

— Ешь, — приказывает он, прежде чем выйти из кухни.

Я быстро откусываю кусочек, пока его нет, и не собираюсь врать, что мне не нравится, потому что вкус потрясающий! Есть много невероятных вещей, которые Сет может делать своими руками, и я добавляю к этому списку приготовление бутербродов. Я слышу низкий голос Дэррила, который что-то бормочет на заднем плане. Пару минут спустя оба мужчины присоединяются ко мне на кухне. На лице Дэррила расплывается широкая улыбка, когда он рассматривает мою рубашку и джинсы с надписью «СЕТ».

— Предвкушаешь бой? — спрашивает Дэррил, опускаясь на стул рядом со мной.

— Нет. Я просто подумала, что мешковатая одежда будет держать Сета подальше достаточно долго, чтобы я могла самостоятельно принимать ванну.

Я краснею. Понятия не имею, почему это сказала. Особенно Дэррилу, который сейчас посмеивается над моими розовыми щеками. Ковыряю свой бутерброд, чтобы не смотреть на него.

— Только не в этой рубашке. Сет слишком любит себя.

Мой муж усмехается.

— Вы двое ведете себя так, будто желание заставить девушку кончить — это плохо. Это отличное достоинство для мужа.

— Сет! — одновременно выдыхаем мы с Дэррилом. Если раньше я лишь слегка порозовела, то теперь вся залилась краской.

— Ты *когда-нибудь* думаешь, прежде чем говорить? — спрашивает Дэррил Сета, и тот гордо улыбается.

— Всегда.

— *В любом случае*, — начинает Дэррил, игнорируя ответ. — Я решил зайти и обсудить кое-что о предстоящем бое на следующей неделе. Как вы оба знаете, мы вносим некоторые коррективы, чтобы избежать подобных инцидентов, как в прошлый раз. — Он нервно смотрит на Сета. — Одно из предложений — это поставить Оливию у ринга рядом со мной и Джексоном.

— Точно нет. Идти сквозь шумную толпу? Нет, забудь об этом. Оливия может остаться здесь и смотреть бой по телевизору.

— Нет, — вмешиваюсь я. — Я хочу быть там. Я хочу посмотреть, как Дон проигрывает вживую, а не через чертов телевизор.

Было время, когда от одной мысли о том, чтобы посмотреть бой вживую, у меня сводило живот, но теперь я видела все это. И хотя мысль о том, что я нахожусь так близко к клетке, где чувствую, как вибрирует пол под моими ногами, вызывает у меня желание упасть в обморок, но я должна это увидеть. Никаких оправданий.

— Я пошел на компромисс, Оливия. Или так, или ты остаешься дома.

— Нет, — твердо заявляю я. — Я буду сидеть в толпе или буду на ринге. Выбери что-то из этого.

В моем кармане звонит телефон, посылая вибрацию по всей моей ноге. Не раздумывая, я отвечаю на звонок и подношу телефон к уху.

— Алло?

— Оливия?

Я чувствую себя неловко, когда голос моей матери звучит из телефона.

— Привет, мам, — здороваюсь я, заставляя голос звучать радостно.

Дэррил сжимает мою руку и шепчет:

— Решите между собой.

Он уходит. Я включаю громкую связь на телефоне и опускаю его на стойку. Сет наклоняется вперед, скрещивает руки и кладет их на поверхность. В такой позе мышцы на его руках становятся более заметными, заставляя меня обратить внимание на пульсацию у меня между ног.

— Оливия? Ты здесь? — зовет меня голос мамы из телефона.

О. Телефон. Мама. Точно.

— Да, я здесь.

— Ответь мне. Ты беременна?

Я борюсь с желанием закатить глаза, хотя и знаю, что она этого не видит. Не хочу об этом говорить.

Я должна убедить Сета, что мне будет хорошо с ним на ринге.

— Мам, сейчас не самое подходящее время для разговоров...

— Я узнала это от Селены. Ты должна периодически отвечать на звонки.

Я опускаюсь на стойку. Последние несколько недель я избегала звонков своей мамы. Я была так занята. Она продолжает свою песню про «я скучаю по своей малышке», как это было до смерти папы. Она душит меня всю дорогу от Портленда. Хотя не могу сказать, что удивлена, что она позвонила Селене. Это типичный мамин поступок.

— Да, мам, — вздыхаю я. — У нас с Сетом будет ребенок.

— Спроси ее, когда они собирались нам рассказать? — Я слышу, как мама Сета, Ванесса, кричит на заднем плане.

Я рада, что они поладили и стали очень близки с тех пор, как умер папа, а мать Сета вышла из реабилитационного центра, но, черт возьми, они на самом деле умеют объединяться против меня и Сета.

— Никогда, мам, — говорит Сет в трубку, и они обе ахают. Я протягиваю руку и хлопаю его по руке, а он смеется. Сет знает, что лучше не мучить их. Когда они вместе, телефонные звонки могут длиться часами. Буквально часами. Но если не издеваться над ними, то можно провисеть на телефоне меньше времени. Слава богу, они не знают, как настроить скайп.

— Когда прошли бы все анализы, — говорю я им.

— На пятнадцатой неделе, — добавляет Сет. Он чувствует себя превосходно, зная все эти детали о беременности.

— А сколько сейчас?

— Одиннадцать.

Они снова ахают.

— Вы собирались ждать еще четыре недели, прежде чем рассказали бы нам? Оливия Джеймс, это возмутительно.

У Сета сводит челюсть, когда мама использует мою старую фамилию. Я говорю ему, что это ее привычка, но он настаивает, чтобы я исправляла ее каждый раз. Каждый. Раз. Он

бросает на меня тот самый взгляд. Пристальный взгляд из-под бровей, с которым я не могу спорить.

— Во-первых, она больше не Оливия Джеймс, а во-вторых, мы не хотели никого обнадеживать.

Наступает долгая тихая пауза, прежде чем мамы раздражаются визгом и хлопками.

— О, Олли. Мы можем превратить спальню Чейза в детскую и...

Сет смеется, прерывая маму.

— Я так не думаю, миссис Джеймс.

Я ненавижу, когда Сет называет мою мать по фамилии. Она тоже это ненавидит, но он не называет ее по имени. Что я могу сказать? Ему нравится дразнить ее.

— Я обо всем позаботился, — уверяет он ее.

— Ты обо всем позаботился? — спрашивает она, и в ее голосе слышится скептицизм.

— Ну, я собирался приберечь сюрприз до моего последнего боя, но раз вы так уверены, что я ничего не планировал, я расскажу. — Гордая улыбка появляется на его лице, и он обходит кухонную стойку, останавливаясь рядом со мной. Я встречаюсь с ним взглядом, не в силах отвести глаза. — Я купил еще один дом в Портленде. Оливия и я будем жить там с нашим ребенком.

Мое сердце колотится в груди и давит на легкие, которые теперь впиваются в грудную клетку.

— Ты это сделал? — спрашиваем мы с мамой одновременно.

— Да.

Мама что-то говорит на заднем плане, что-то о том, чтобы превратить комнату Чейза в детскую, когда она будет сидеть с детьми, но я ее не слышу. Все, что я слышу — это быстрый и неровный стук моего сердца. Я хватаю Сета, притягиваю к себе и крепко целую. Я чувствую, как он улыбается мне в губы, и улыбаюсь в ответ. Признаюсь, я немного беспокоилась о том, как мы собираемся справиться со всей этой ситуацией в доме. Поскольку Джексон, мама Сета и Селена практически жили в нынешнем доме Сета, я решила продолжать жить с мамой, пока остальные не найдут постоянное жилье. Он это исправил. Он купил новый дом специально для нас... Для его маленькой семьи.

— Оливия? — зовет мама. — Оливия, ты здесь?

Я хлопаю по экрану своего телефона снова и снова, не отрываясь от губ Сета, пока не сбрасываю звонок.

— Я люблю тебя, — говорю я, отстраняясь.

Мои губы касаются его губ, когда я провожу кончиками пальцев вниз по его торсу, наслаждаясь тем, как нижняя часть живота дрожит под моими прикосновениями.

— И я думаю, что только что доказал, что тоже люблю тебя. — Я не собираюсь этого отрицать.

— Так и есть.

Он обхватывает мое лицо, сильнее притягивая к себе. Наши губы сталкиваются, и электрический ток проходит через кончики его пальцев и проникает в мое тело. Мы обмениваемся энергией, поднимаясь все выше и выше по мере того, как электричество течет сквозь нас. Я готова делать все, что он захочет, но есть одна вещь, о которой я должна позаботиться в первую очередь. С Сетом я не прочь использовать секс, чтобы получить то, что хочу, поэтому опускаю руку в его брюки и сжимаю его полутвердый член в ладони. Он стонет, прикусывая мою нижнюю губу и заставляя меня задыхаться. Я открываю рот, и Сет

засовывает свой язык внутрь, а весь воздух исчезает из моих легких. Я отстраняюсь, и он низко рычит, хватая меня за задницу и тянет вперед. У меня нет выбора, кроме как обхватить ногами его бедра. Мой пульс невероятно учащается.

— Ты хочешь меня, не так ли? — дразню я, поглаживая его рукой.

Он мрачно ухмыляется, заставляя меня дразнить его еще больше.

— Это очевидно?

Возвращая ему дьявольский взгляд, я кладу большой палец в рот, смачивая его своей слюной, прежде чем опустить к штанам мужа и прижать к самому кончику его эрекции. Сет тяжело выдыхает, когда я вращаю большим пальцем вокруг, смешивая свою слюну с его прежулятом. Его пальцы впиваются в мои бедра, угрожая оставить синяки, если я не перестану дразнить. Есть только один вопрос, на который он должен ответить, чтобы я перестала это делать. Если он ответит правильно, то сможет получить меня так, как захочет. Судя по тому, как он настойчив, предполагаю, что он не прочь заняться сексом на кухонном столе. Эта мысль невероятно возбуждает меня, заставляя мгновенно намокнуть между ног.

— Ты хочешь, чтобы я была на ринге? — спрашиваю я, крепко сжимая его член в своей руке.

Сет стискивает зубы, отказываясь отвечать, поэтому я обвожу кончик члена и приближаю свой рот к его. Муж тянется, чтобы поцеловать меня, но я едва позволяю нашим губам соприкоснуться.

— Черт, Оливия, — бормочет он себе под нос, его член напрягается.

— Ты хочешь, чтобы я была с тобой на ринге, Сет? — спрашиваю я снова, мой голос звучит ужасно хрипло.

Он кивает, его быстрое дыхание сталкивается с моим.

— Да, — выдыхает он. — Да, я хочу, чтобы ты была прямо там, рядом со мной.

Победа! Я прижимаюсь губами к его губам, и его пальцы проникают под мои джинсы. Он поднимает меня со стула, отодвигает мой бутерброд и опускает меня на столешницу. Сет тянет джинсы, снимая их с моих ног. Моя голая задница касается поверхности, и я слышу в голове голос Селены, заставляющий меня захихикать: «Фу. Люди, блядь, здесь едят!»

Когда мои джинсы сняты, Сет накрывает своим телом мое. Электричество снова начинает течь, и на этот раз даже электромагнитный импульс не может спасти нас от самих себя.

Сет

У меня ослабли колени. Мои руки... слишком тяжелые для моего тела, чтобы удерживать их навесу, а в животе пустота, которую я не могу понять. Я не могу этого сделать. Я должен остановиться, но не могу. Я не могу позволить Дону победить. Не в этот раз.

Оливия, Дэррил и Джексон наблюдают за мной из своего угла... Насмехаются над мной, будто я ничтожество. На большинстве из них футболки с надписью «ДОН», как издевка надо мной, будто мы никогда не были командой. Я оглядываюсь через плечо в свой угол. Единственный человек в нем — Селена, одетая в обтягивающую футболку «СЕТ». И: всех, кто мне дорог, единственный человек, который остался со мной — это чертова Селена? Отлично. Просто великолепно.

Она поджигает свои вишнево-красные губы и посылает мне воздушный поцелуй, но я не отвечаю на него. Почему, черт возьми, я должен это делать? Я качаю головой, задаваясь вопросом, почему она посылает мне воздушные поцелуи. Возвращая свое внимание к клетке, я смотрю на Дона, который переминается с ноги на ногу на ринге, издеваясь надо мной. Он заставляет толпу скандировать «Дон», и от этого звука у меня сводит живот. Дон не заслуживает их уважения. Он не образец для подражания и не тот, на кого можно равняться. Конечно, я тоже, но я лучше. Это точно.

Все мое тело гудит от вновь обретенной мотивации и ненависти. Я чувствую, как она поглощает мое тело, пока не просачивается сквозь поры. Накапливая гнев, наблюдаю, как Дон выставляет напоказ то, насколько он счастлив. Он украл у меня счастье точно так же, как и место в ММАС. Ничего из того, что он зарабатывает, не получено благодарств тяжелой работе. Все это было украдено.

Повернувшись ко мне спиной, Дон делает Оливии знак подойти к нему поближе. С милой улыбкой она встает со своего места и разглаживает ладонями свое сексуальное красное платье. Она как обычно хорошо выглядит, но на этот раз это не для меня. О великолепная девушка, практически упакованная в большой красный бант, и я не тот, кто будет разворачивать упаковку. Она хватается за клетку и подтягивается, прислоняясь всем телом к проволоке. Дон наклоняется, бормоча что-то, чего я не слышу. Что бы он ни сказал, Оливия смеется, и ее светящиеся зеленые глаза обращаются ко мне. Они все еще прикованы ко мне, когда Дон наклоняется. Он становится все ближе и ближе к ее идеальному рту, а я не двигаюсь, ожидая, позволит ли она ему поцеловать себя.

Да.

Его чертовы губы касаются ее губ, и она закрывает глаза, открывая свой рот навстречу ему. С этого момента все, что я вижу — только красное. Красное, более красное, чем платье, которое прикрывает тело Оливии. Я бросаюсь вперед, двигаясь быстрее и тяжелее товарного поезда. Рычу, хватая Дона за шею, оттягиваю назад и бью прямо в лицо. Он с глухим стуком падает на пол, сотрясая всю клетку. Пока он лежит, схватившись за лицо и постанывая, я смотрю на Оливию, которая смотрит на меня прищуренными глазами, и мне не нравится, как это причиняет боль моему сердцу. Почему она больше не любит меня? Почему он? Я мысленно выкрикиваю эти слова, но отказываюсь произносить их вслух.

— Это тот, кого ты хочешь сейчас? — требую я. — Дон-гребаный-Рассел?

— Да. — Она кричит. — Я больше не люблю тебя.

Я вздрагиваю. Забавно, как эти пять маленьких слов могут разбить целое человеческое сердце. Забавно, как эти пять крошечных слов могут сделать мягкий кусочек мышц и тканей острым, словно лезвие бритвы.

— ...и это твоя вина, а не моя, — печально добавляет она. — Я люблю его.

Нет уж. Я бросаюсь вперед и хватаю ее за пальцы, сжимая ими проволоку.

Она не может любить никого другого... Я ей не позволю.

— Я не позволю тебе.

— Отпусти меня, — грубит она, выдергивая пальцы. — Ты не можешь изменить это,

Сет.

О, да?

— Блядь, смотри на меня.

Оливия кричит, умоляя меня остановиться, когда я поворачиваюсь и прыгаю на Дона. Я зажимаю его бедра у себя между ног, чтобы он не мог пошевелиться, и обрушиваю на него свои кулаки. Я продолжаю бить костяшками пальцев его лицо, пока оно не окрашивается кровью. Все, что я слышу — это звук соприкосновения плоти с плотью и крик Оливии. Подо мной Дон перестает двигаться. Я отстраняюсь в последний раз, и когда отпускаю кулак, Дон исчезает, а кулак встречается с полом. Я смотрю на пустое пространство подо мной... На нем даже нет ни капли от моей мести. Я смотрю на свою старую команду, но их нет. Арена пуста. Единственный звук, который я слышу — это мягкий стук каблуков по ковру. Тяжело дыша, я медленно поворачиваю голову в направлении шума. Все мое тело напрягается, когда я вижу Оливию, идущую ко мне, и она выглядит чертовски злой. Слезы блестят в ее глазах и на щеках при ярком свете. Она останавливается в полуметре от меня, и я смотрю на нее снизу вверх. Оливия шмыгает носом, вытирает слезу, и мое сердце уходит в пятки.

— Почему ты делаешь это со мной, Сет? — требует она, ее голос громкий и напряженный. — Мы уже проходили через это. Прекрати разрушать мою жизнь!

— Я разрушаю твою жизнь?

— Это не моя вина, — огрызается она. — Ты выбрал Селену.

Я качаю головой, на коленях умоляя ее.

— Я бы никогда никого не предпочел тебе. О, я люблю тебя!

Она сильно бьет меня по лицу. Это обжигает. Это чертовски больно, но я не смею отвести от нее глаз.

— Ты больше не можешь мне этого говорить. Я не твоя.

Меня не волнует, что она ударила меня. Я просто хочу, чтобы она снова полюбила меня. Хочу, чтобы она смотрела на меня так же, как раньше, прикасалась ко мне так же, как раньше.

— Ты, блядь, сошла с ума, если думаешь, что я позволю тебе быть с кем угодно, только не со мной, — говорю ей. — Ты всегда будешь моей. Ты это знаешь, и я это знаю.

Она снова поднимает руку, но на этот раз я ловлю ее прежде, чем она успевает ударить, и притягиваю стать на колени рядом со мной. Она погружается в себя, побежденная. Слезы свободно текут по ее щекам, когда она поднимает руки, чтобы обнять мое лицо.

— Я, блядь, ненавижу тебя.

Я скользну ладонями вверх по ее руке к прохладным миниатюрным рукам, которые лежат на моих щеках.

— Ты, блядь, любишь меня.

И вот она уже прижимается своим ртом к моему. О цепляется за мое тело, притягивая меня так близко, насколько это физически возможно. Я скучаю по ней... мысленно. Понятия не имею, как долго ее не было. Все это не имеет смысла, но я скучаю по ней, несмотря ни на что. Я вдыхаю ее аромат. Она пахнет именно так, как я помню: как фруктовый гель для душа, которым она пользуется. А я так чертовски люблю этот запах.

Ее язык сталкивается с моим, и этот поцелуй самый сладкий из всех в моей жизни. Он как черная смородина.

Я высвобождаю свои руки из ее рук и дергаю ее за платье. На нем нет ни молний, ни пуговиц, ни чертовых завязок, поэтому я срываю эту штуку с ее великолепного тела. Она задыхается мне в рот, но не осмеливается оторвать свои губы от моих. Меня не волнует ее платье. Она нужна мне больше всего на свете. И так и будет.

Я толкаю ее на спину, опускаясь сверху. Огни над нами яркие и согревают кожу. От этого между нашими обнаженными телами мгновенно выступают капельки пота. Оливия отчаянно пытается снять мои шорты, пока мой твердый член не оказывается на свободе. Подстроившись, я нетерпеливо толкаюсь в нее, и в ту секунду, когда чувствую, как ее мягкая и бархатистая плоть сжимает меня, я отрываю свои губы от ее и смотрю ей в глаза. Одинокa слеза скатывается из уголка ее глаза, и Оливия улыбается мне.

— Я люблю тебя...

Я задыхаюсь, и мои глаза распахиваются после того, как сильный прилив возбуждения заставляет все мое тело дрожать. Мое дыхание тяжелое и учащенное, оно заполняет обычно тихую комнату. Еще один приступ удовольствия наполняет все мое тело, пока я пытаюсь сориентироваться. Я обнимаю Оливию... Мы обнажены, и моя эрекция находится прямо у нее между ног. Член прижимается к ее половым губам. Она мокрая и вся течет по мне.

— Оливия? — шепчу я, слегка покачивая ее за плечо. Нет ответа. — Оливия? — Я пробую еще раз... По-прежнему ничего.

— Сет, — стонет она, все еще дрейфуя во сне.

Я ловлю себя на том, что ухмыляюсь тому факту, что она хочет меня даже тогда, когда спит, а потом замечаю за собой то, что обдумываю сон. Не хочу, чтобы она думала, что я намеренно сделал это... Это было бы крайне неловко. Сомневаюсь, что смогу улыбнуться, ища выход из этого положения. Я хватаю ее за бедро и слегка приподнимаю его. Достаточно, чтобы отстраниться, не задев кожу. Когда я поднимаю ее ногу, Оливия хватается за руку, и я замираю, застыв в еще более компрометирующей позе. Не говоря ни слова, она высвобождает ногу и кладет мою руку себе на бедро, толкаясь обратно в меня.

— Оставайся так, — бормочет она. — Мне нравится.

Она прижимается ко мне и мгновенно снова засыпает, оставляя меня смотреть в темноту. Полагаю, есть и худшие позы для сна. Я закрываю глаза, стараясь не думать о том, какой я твердый, какая она теплая или о моем кошмаре. Первые два пункта мне удастся игнорировать, но последний... Я не могу.

Вот и все.

Мой первый сон, порожденный чувством вины. Сон о том, что я сделал за спиной Оливии. Это был кошмар, способный соперничать с любым другим... Потому что есть вероятность, что он превратится в реальность. Есть вероятность, что она возненавидит

меня... оставит меня. Я притягиваю ее еще ближе. Оливия не может оставить меня, я ей не позволю.

***

Я встаю рано, уже слишком ярко. Бог знает почему, но я почти не спал прошлой ночью из-за этого ужасного кошмара. Почему мне не снится, что меня зарезали или застрелили? Черт, я готов даже упасть с семидесятиэтажного здания из-за того, что Оливия была с Доном. Это дерьмо оставляет душевные шрамы, и я содрогаюсь при воспоминании об этом.

— Ты готов, Сет? — спрашивает Дэррил через плечо с водительского сиденья.

Оливия сжимает мою руку и кладет голову мне на плечо. Каждое ее движение ослабляет тревогу, которая сжимает мою грудь. Это ослабляет действие последствий прошлой ночи.

— Более чем, — отвечаю я, придавая своему голосу больше уверенности, чем необходимо.

— Жаль, что нам приходится видеть лицо Дона так рано утром, — говорит Джексон, закидывая ногу на приборную панель и заставляя Селену смеяться. — В противном случае это был бы идеальный день.

Я ухмыляюсь, а Дэррил хлопает Джексона по ноге.

— Что с тобой, парень? Твои родители не научили тебя хорошим манерам?

Джексон, ухмыляясь, оглядывается на нас. Он любит дразнить Дэррила и делает это при любой возможности. Как на фотографии, которую он сделал, где Дэррил недавно потерял сознание в такси после нашего не очень впечатляющего визита в «Мятный носорог». Он отправил это сообщение всем контактам на своем и Дэррила телефонах. Теперь Дэррил следит за тем, сколько выпивает рядом с Джексоном, и я его не виню. Однажды на пляжной вечеринке в Ньюпорте я потерял сознание, и Джексон потащил меня прямо к краю океана. Когда начался прилив и поднялись волны, я промок насквозь и потерял свой мобильный и бумажник. Не стоит засыпать рядом с Джексоном.

Мы медленно проезжаем через парковку официального здания ММАС. Все выглядит серым и холодным. Спереди прямо под массивными красно-черными буквами «ММАС» находится их лозунг: *«Будь сильным. Будь умным. Будь великим»*. Это заставляет меня чувствовать себя не в своей тарелке. Я ненавижу тот факт, что такая значимая фраза используется людьми, которые не понимают ее смысла. Ненавижу, что компания, которую я раньше так высоко ценил, оказалась совсем иной. Полагаю, это больше не имеет значения. Как только я закончу с Доном, то покончу и с компанией. Собираюсь взять их милую маленькую ложь в качестве лозунга и использовать для себя. *«Будь сильным. Будь умным. Будь великим»*. Да. Это будет очень красиво смотреться на рекламном щите над моим спортзалом. Я не собираюсь идти по большой дороге. Я решил использовать их лозунг как напоминание о том, что я сильнее, умнее и выше их. Я лучше их. Лучше, чем вся их компания. Не могу поверить, что отдал все, что у меня было, чтобы тренироваться и учиться тому, как попасть в их мир. С тех пор, как я работаю в ММАС, я не был счастлив ни дня. Они разрушили мою душу... Отняли у меня страсть сражаться за них. Мы не осознаем, что мысль о чем-то часто приятнее реальности. По телевизору и в интервью Мэтт Сомерс выглядит как хороший парень, который слишком часто трахается, но за закрытыми дверями он гребаная акула во главе многомиллионной франшизы. Наша страсть как бойцов подпитывает его карьеру. Без нас у него не было бы работы, но и у нас без него тоже. Я все тщательно обдумал. Вместо того, чтобы полагаться друг на друга и относиться друг к другу как к

взаимным деловым партнерам, Мэтт Сомерс обращается с нами как с чертовыми выставочными пони. Словно мы гребаные собаки. Он тычет нам в лицо деньгами и отпускает нас с поводка, чтобы мы нашли больше бабла и вернулись к нему, покорно падая к ногам. Независимо от того, положительно или отрицательно я к этому отношусь, я всегда прихожу к одному и тому же выводу.

К черту ММАС.

***

В комнате воцаряется тишина. Никто не издает ни звука. Вместо этого все смотрят, как Дон взвешивается. Я не смотрю. Не думаю, что смогу вынести вид его лица так рано утром. Особенно после такого сна. Как бы нелепо это ни звучало, я хочу, чтобы он заплатил за мой кошмар. Я хочу обвинить его в этом, бить его, пока он не извинится... *Что, черт возьми, со мной не так?*

Я поднимаю глаза от пола и оглядываю простую комнату. Она пуста, здесь есть только раковина, скамейка, пара стульев и крошечный динамик в углу. Мэтт Сомерс устроил сегодня для всех настоящее шоу. Конференц-зал в задней части здания забит до отказа нетерпеливыми репортерами и фанатами. Он хочет, чтобы мы заходили друг за другом и устроили настоящее представление.

— У него правильный вес, — говорит мне Дэррил, и я киваю, все еще избегая смотреть на экран. — Ты взвешивался утром?

— Все будет хорошо, — говорю ему. Дэррил беспокоится насчет моих взвешиваний. Он всегда беспокоился, хотя я обычно придерживаюсь его правил, исключая, очевидно, правило о сексе.

— Сет, пора, — объявляет хриплый женский голос из динамика. Дэррил вскакивает на ноги быстрее, чем кто-либо из нас, и открывает дверь. Я встаю, поправляю рубашку и хватаю Оливию за руку, когда она проходит мимо меня. Я крепко сжимаю ее руку, удерживая рядом с собой. Ее пальцы сжимаются вокруг моих, и она кладет другую руку на мое предплечье. Когда я смотрю на нее сверху вниз и вижу, что она улыбается мне, я готов покинуть комнату.

Коридор длинный и пустой, в нем нет ничего яркого, только тусклые цвета. Удручающие тусклые. Я слышу звук моих ботинок, быстро соприкасающихся с твердым бетоном. Этот звук эхом отдается в моей голове. На расстоянии я могу различить только голос Мэтта через микрофон, когда он рассказывает толпе об истории, стоящей за нашим с Доном боем. Снова и снова он повторяет, как сильно мы ненавидим друг друга, и я почти чувствую, как треск возбуждения проникает сквозь стены и врезается в меня. По мере того, как я приближаюсь к дверям, адреналин накапливается, заставляя кровь в моих венах бурлить, а голову кружиться. Это то чувство, по которому я буду скучать, как только уйду.

Я останавливаюсь, когда Дэррил и Джексон выходят вперед и открывают двери. Небольшая толпа одобрительно кричит, от этого звука мурашки пробегают у меня по затылку и распространяются дальше по голове. Мой взгляд останавливается на баннере, висящем за сценой. Дон и я. Моя фотография старая. С тех пор, как я впервые подписал контракт с ММАС. Это воспоминание заставляет меня поморщиться. Я двигаюсь быстро пробираясь к сцене передо мной. Оливия не отстает от меня, делая более длинные шаги, чтобы успевать. Когда я обхожу переднюю часть сцены, она в последний раз ободряюще сжимает мою руку и отпускает ее. Я позволяю ее пальцу соскользнуть с моего, когда она останавливается, и продолжаю идти, наклонив голову, чтобы избежать вспышек камер,

которые сверкают со всех сторон. Джексон и Дэррил следуют за мной. Как только я поднимаюсь по лестнице и оказываюсь на сцене, то не теряю времени даром. Я стаскиваю рубашку через голову и бросаю ее Джексону. Один за другим я сбрасываю ботинки и стягиваю носки. Воздух, вырывающийся из вентиляционного отверстия надо мной, холодит мою кожу, и я быстро выхожу из-под его потока, расстёгивая пуговицу на джинсах. Я игнорирую свист, стягиваю джинсы с ног и швыряю их в кучу на полу. Опускаю взгляд на свои обтягивающие синие трусы. В них я чувствую себя более женственно, чем мне хотелось бы, но либо это, либо ходить голым, а сегодня я не в настроении показывать всему миру свой член.

Я пробираюсь к весам, туда, где стоят Мэтт и Дон. Сначала я смотрю на Мэтта, который гордо стоит в своем дорогом черном костюме, улыбаясь мне, будто я его самый любимый человек на планете. Я слегка киваю ему, прежде чем посмотреть на Дона, на лице которого, к моему удивлению, больше нет дерзости. Он хмурится, его глаза темные и суровые. Он воспринимает это всерьез? Хоть раз в жизни он серьезен? Я ухмыляюсь ему. *Напоследок.*

Встаю на весы и опускаю глаза, пока стрелка колеблется между нормальным и избыточным весом. Разница в один килограмм — это все, что у меня есть. Когда члены комиссии перестают постукивать по штанге, она останавливается ровно на восьмидесяти шести килограммах. Это вполне подходит для бойца полутяжелого веса, и мне даже не пришлось полностью снимать с себя все. Толпа снова взрывается криками, за ними следуют новые фотографии. Постояв там положенные мне пятьдесят дополнительных секунд, я спускаюсь и возвращаюсь к Дэррилу и Джексону, которые передают мне одежду. Мне удается только натянуть джинсы, прежде чем Мэтт хватается меня за руку, заставляя выронить рубашку на пол. Он ведет меня обратно к Дону.

— Фотосессия, серьезно? — бормочу я себе под нос, но Мэтт игнорирует меня. Фотосессия... Единственное, чего я хотел избежать больше, чем самого Дона.

Я останавливаюсь прямо перед Доном и поднимаю кулаки. Он следует моему примеру, поднимая свои собственные гигантские руки. Наши лица всего в пятнадцати сантиметрах друг от друга. Я ухмыляюсь ему, когда его большое грубое лицо искажается в усмешке.

— Она не знает, не так ли? — бормочет он, и все мое тело напрягается, улыбка сползает с моего лица.

— Кто не знает? — вмешивается Мэтт.

Я перевожу взгляд на него, вежливо улыбаясь перед камерами. Осознание озаряет его лицо, и он улыбается мне.

— Оливия не знает, что ты сделал? Черт возьми, тебе лучше молиться, чтобы она не узнала.

— Знает она или нет, это не твое собачье дело, — рычу я, придвигаясь к нему ближе. Мои пальцы дергаются от желания ударить его кулаками в живот. Обоими. Но я этого не делаю. Если сделаю, это только привлечет больше внимания и создаст больше вопросов. Я не могу рисковать тем, что Оливия узнает все до того, как я ей расскажу. Я сам должен рассказать ей. Так у меня больше шансов на прощение.

— Было бы обидно, если бы кто-нибудь сказал ей, — говорит Дон, не задумываясь... Я реагирую.

Я толкаю его в грудь с такой силой, что слышу, как воздух вырывается из его легких. Он отшатывается на два шага назад, прежде чем зарычать и броситься вперед. Я упираюсь ногами и готовлюсь к удару, но Мэтт Сомерс быстро встает на пути Дона, прижимая руки к

его животу. Дон немедленно останавливается, у него не хватает смелости протолкнуться через своего работодателя. Если бы я был на его месте, то расплющил бы Мэтта Сомерса здесь же. В этом разница между нами. Я делаю то, что хочу, а он делает то, что ему говорят. Сильный шлепок по спине говорит мне, что Джексон где-то рядом на случай, если что-то случится. Не то что бы мне нужна была его помощь, чтобы уничтожить любого из стоящих здесь мужчин.

— Напряжение — хорошо, драка — плохо, — рывкает на меня Мэтт. Он смотрит на Дона. — Бери одежду и убирайся к черту.

Я смотрю, как тренер Дона подает ему футболку, и тот надевает ее через голову. Дон машет рукой ликующей толпе, прежде чем сойти со сцены. Я не спускаю с него глаз, пока он проходит вдоль первого ряда, болтая с людьми. Мэтт шепчет мне на ухо, отчитывая меня за что-то, но я предпочитаю его не слышать. Все мое внимание приковано к Дону, который подходит все ближе и ближе к Оливии. Я немного расслабляюсь, когда он проходит мимо, даже не взглянув в ее сторону, пока репортер не окликает его и не заставляет вернуться назад, так что теперь он стоит прямо рядом с О. Она складывает руки на груди и отодвигается от него на несколько сантиметров, Селена тоже. Сначала Дон не замечает Селену, пока она не берет Оливию за руку и не пытается заставить ее уйти. И тут я вижу, как на губах Дона расплывается широкая улыбка. Я поворачиваюсь и проталкиваюсь мимо Джексона и Дэррила, чтобы пробиться к ним.

— Сет? — Я слышу, как Дэррил зовет меня, но продолжаю двигаться.

Я иду и смотрю, как Дон небрежно выуживает свой телефон из кармана, пока болтает с репортером. Женщина-репортер с длинными черными волосами и большими глазами, выпученными на Дона, достает газету из своей сумки с документами.

— Дон! — кричу я, с грохотом спускаясь по лестнице. Его губы дергаются, но он не смотрит на меня. Он протягивает газету Оливии, и я уже знаю, что на первой странице. Она тянется за ней, но Селена выхватывает ее из рук, прижимая к груди. Оливия хмуро смотрит на нее, потом на меня, прежде чем закатыть глаза на Дона. Когда она отворачивается, Дон хватается за руку и притягивает обратно, тыча своим телефоном ей в лицо. Я смотрю на его руку на ее теле, и меня тошнит. Она наблюдает за тем, что происходит на экране, и хмурится. Я останавливаюсь в нескольких метрах от них, и Селена медленно отступает, нервно теребя газету в руках. Целая минута, в течение которой О смотрит видео на экране, кажется вечностью. Каждый раз, когда она вздрагивает или хмурится, мое сердце сжимается в груди... И вот, наконец, ее зеленые глаза встречаются с моими, и я вижу, как ее сердце разбивается.

***

Оливия

Я беру телефон Дона в руки и продолжаю смотреть видео. Я не могу позволить ему одержать надо мной верх. *Нет*. Я изображаю улыбку, которая угрожает разрушить мои принципы. Сет не занимался сексом ни с кем другим... Но он поцеловал случайную девушку *и* — дважды — Селену? Моя грудь сжимается еще немного сильнее. Сет смотрит на меня, на его лице нет никаких эмоций. Впервые за очень долгое время мне хочется врезать ему по его красивым, но предательским губам. Я прочищаю горло и смотрю на Дона, который жестоко улыбается мне сверху вниз.

— Ты думаешь, я не знала об этом? — лгу я, чувствуя, что моя душа раздавлена глубоко

внутри меня. — Конечно, знала.

Неуверенная улыбка на лице Дона — это единственное, что удерживает меня в здравом уме. Я бросаю взгляд на Селену и Сета. От вида их широко раскрытых испуганных глаз мое сердце сжимается. *Как они могли? Почему Селена не сказала мне?*

— Я знала, верно?

Они оба кивают, не сводя с меня глаз.

— Верно, — заявляет Сет, его печальные глаза, наконец, опускаются в пол.

Я позволяю телефону Дона выскользнуть из моих пальцев, и он разбивается о бетон, покрывая мои розовые туфли без каблука кусочками пластика и стекла.

— Упс, — улыбаюсь я, поворачиваясь в направлении коридора.

Нужно выбраться отсюда. Если я этого не сделаю, думаю, что расплачусь перед всеми этими людьми. Перед Доном. И буду выглядеть так глупо, как себя и чувствую. Когда иду, я прижимаю язык к небу, чтобы остановить знакомое чувство. Чувство надвигающегося взрыва слез. Я ожидала чего-то подобного от Сета, знала, что то, что он собирался мне сказать, скорее всего и было бы примерно таким... Но я понятия не имела, что это будет связано с Селеной. Я думаю, это то, что причиняет мне боль больше всего. Она моя лучшая подруга, девушка, которая *раньше* рассказывала мне *все*. Девушка, которая случайно сказала Блейду, что я не встречаюсь с Сетом, когда я сказала ему, что у меня есть парень. Девушка, которая сказала моей матери, что я беременна, без моего разрешения. И девушка, которая рассказывает всем о моей личной жизни, но не может признаться в чем-то столь серьезном, как поцелуи с моим мужем. Неужели мы действительно настолько отдалились друг от друга? Я чувствую, что больше не знаю ее. И после этого могу ли я действительно называть ее своей лучшей подругой? Лучшая подруга рассказала бы мне в ту же секунду, как это случилось, и муж тоже. Но Сет, по крайней мере, пообещал мне сделать это.

Я толкаю дверь в комнату Сета и захлопываю ее за собой. Когда оказываюсь одна, все это обрушивается на меня, и я, блядь, понятия не имею, что делать. Я хочу, чтобы мой папа... Хочу, чтобы мой папа обнял меня и сказал, что все будет хорошо, что все это часть ММАС и что не из-за чего так волноваться. Пока меня рвало в полном одиночестве, Сет был в казино «Ария» и целовался с Селеной, чтобы добраться до Дона. Неудивительно, что эти двое были так напряжены последнюю неделю, они что-то скрывали от меня. Я низко приседаю, закрывая лицо руками... Но не могу плакать. Мне хочется, но слезы отказываются литься. Я чувствую себя разбитой и преданной, но мое тело отказывается плакать. Мне знакомо это чувство, и я приучила себя не делать из мухи слона в подобных ситуациях. Насколько я в дерьме? Меня предавали так много раз, что я даже не могу плакать из-за этого? Я подпрыгиваю, когда дверь открывается, и Сет входит, быстро закрывая за собой дверь и запирая ее. Он бросает на меня многозначительный взгляд, говорящий: «Я не позволю тебе бросить меня». Сначала я вижу его пронзительные карие глаза, и мое сердце замирает. *Глупая девчонка. Ты уже простила его.* Я игнорирую слова разума, витающие в голове, и выпрямляюсь. Сет с любопытством смотрит на меня, явно удивляясь, почему я не плачу.

Я нервно смеюсь, и он, очевидно, испытывает неловкость.

— Итак... Селена, да? Не могу сказать, что предвидела это.

— Я знаю, как это выглядит, но мне пришлось сделать что-то масштабное, чтобы Мэтт оставил меня в покое. Я сделал это для нас, чтобы мы могли быть вместе наедине.

— Вместе наедине? — Я усмехаюсь. — Я не могу сказать, что слышала такое

оправдание раньше.

Он решительно шагает вперед, толкая меня назад, пока я не оказываюсь прижатой к стене. Его сильные руки опираются на бетон по обе стороны от моей головы, а его колено толкается между моих ног.

— Это не оправдание. Я не ищу оправданий своему поступку.

— Но ты хочешь прощения?

— Просить прощения за то, что я решил сделать за твоей спиной, было бы эгоистично с моей стороны. Если бы я хотел, чтобы ты смирилась с этим, я бы спросил твоего разрешения *до того*, как это произошло. Я не хочу, чтобы ты когда-нибудь прощала меня за то, что я сделал.

Но я уже...

— Простить тебя легко, Сет. Я простила тебя в ту же секунду, как увидела видео. — Он хмурится, и я продолжаю: — Хочешь знать, что для меня самое худшее во всем этом?

Сет кивает.

— Скажи, чтобы я мог это исправить.

— Я хочу плакать, но не могу. Я чувствую, как ком нарастает и сжимает мое горло, но ничего не происходит. Мое тело реагирует на это, как на нормальное явление. Его почти не беспокоит вся эта ситуация.

— Может, твое тело знает, что то, что я сделал, было во благо... Может быть, твое сердце знает, что я твой.

— А может мое сердце просто настолько глупое. — Я выдыхаю, закрывая глаза на долгую секунду. — Что я должна сделать? Чего ты хочешь?

— То, чего я всегда хотел... тебя. — Он целует уголок моего рта. — Я захотел тебя в ту же секунду, как увидел. Я хотел тебя в ту ночь, когда ты бросилась мне на шею. Хотел тебя, когда попросил выйти за меня замуж. С тех пор я хотел тебя каждую секунду.

Я слушала его слова, будто была загипнотизированной маленькой девочкой, ловящей каждое сладкое, приторное слово, слетающее с его розовых губ.

— Даже когда ты...

— Особенно тогда. — Он прерывает меня, словно слыша слова до того, как я их произношу. — В тот день я хотел тебя больше, чем когда-либо. Я хотел сказать тебе. И собирался это сделать, когда вернулся домой, но ты сказала, что беременна. И все это завертелось так быстро. Я вышел из себя. Я не должен был этого делать, но сделал. — Его руки соскальзывают со стены и хватают меня за лицо. Он удерживает меня, чтобы я не могла пошевелить головой. — Это казалось механическим, Оливия. Я ничего не чувствовал, когда целовал девушек. — Сет проводит руками по моему лицу и зарывается в волосы. Он тянет за них, и у меня перехватывает дыхание. — Ты же знаешь, я предпочитаю брюнеток, а твоя грудь *намного* лучше, чем у них обеих вместе взятых.

Несмотря на его несносность, я хихикаю и прижимаю руки к его упругому животу. Прерывая смех, я пытаюсь затолкать его поглубже. Дело не в том, что я привлекаю его больше, чем кто-либо другой. Дело даже не в том, что у меня есть, а у них нет. Речь идет об уважении и любви... Речь о том, чтобы доверять друг другу и всегда говорить правду, несмотря ни на что. Мне нужна уверенность в том, что Сет ценит то, что у нас есть выше всего остального.

— Я собираюсь бросить все это, О. Ради тебя. Ради нас. — Он опускает руки и осторожно прижимает их к моему животу. — Я бы никогда не хотел намеренно ставить это

под угрозой. Ты и ребенок... Вы теперь моя жизнь. Меня больше ничего не волнует.

— Допустим, нам удастся уйти из мира боев... Куда мы двинемся дальше?

Его губы дергаются в улыбке, согревая мое сердце.

— Куда захочешь. Я слышал, Париж прекрасен в это время года.

Я смеюсь, и он прижимается своим лбом к моему. Тогда мне приходит в голову, что просто так он выигрывает бой.

И как всегда говорит моя мама: *«Если кто-то может внести свет в мутную ситуацию, никогда не отпускай его»*.

— Таити? — спрашиваю я. — Я предпочитаю ананасы улиткам.

Сет смеется и кивает, прижимаясь губами к моей щеке.

— Договорились.

Наконец, я поднимаю руки и обнимаю его. *Он не чувствуется иначе*. Все мое тело расслабляется от осознания этого. Я боялась, что, если прикоснусь к нему, он больше не будет ощущаться моим. Я сильнее прижимаю его к себе. *Он чувствует то же самое. Он все еще чувствует себя моим*.

Он опускает голову, зарываясь лицом в мои волосы. Его дыхание согревает мое ухо и касается каждой пряди волос на голове, вызывая у меня головокружение.

— Я люблю тебя, детка. Только ты. Навсегда, — шепчет он, целуя меня в мочку уха. — Навсегда.

Он обнимает меня. Мы не двигаемся и не разговариваем. Он не сжимает меня крепче и не ослабляет хватку. Мы просто существуем, ценя тот факт, что довольно быстро разрушили эту ситуацию. Никакой внутренней борьбы. Я прощаю его. Прощать кого-то — это не значит быть глупым или слабым. Я научилась этому с Блейдом. Оставить все позади и простить кого-то за то, что он причинил вам боль — это сила в ее самой грубой форме. Простить кого-то — это то, что не каждый может сделать, и я знаю это. Не у всех есть силы позволить себе быть счастливыми и дать чему-то второй шанс. Многие люди говорят, что они не совершают одних и тех же ошибок дважды, но если вы падаете с велосипеда, то вы снова садитесь на него, не так ли? Ты становишься лучше, едешь на велосипеде, пока не найдешь свой ритм, даже если знаешь, что снова упадешь. Это может произойти не сегодня или не на следующей неделе, но в конце концов это случится. И в глубине души вы знаете, что все равно будете ездить на нем.

Единственное, что я извлекла из своих отношений с Блейдом — это опыт. Без этого опыта я бы не смогла увидеть, что то, что сделал Сет, было не таким уж жутким. Мошенничество — это получение вознаграждения за что-то нечестным путем или поиск легкого выхода из неприятной ситуации. Сет не искал легкого выхода из ситуации с Мэттом. Он выбрал трудный путь, прекрасно зная, что тот может причинить мне боль. Чтобы сделать Вегас лучше для меня, ему пришлось сделать хуже для себя. И вообще, что такое поцелуй, в который нельзя вложить всю душу?

Через несколько маленьких вечностей он отпускает меня и берет мою руку в свою. Он тянет меня к двери.

— Позволь мне отвезти тебя куда-нибудь, только мы.

Я упираюсь ногами в пол.

— Хорошо, но сначала ответь мне на один вопрос.

— Конечно.

— Селена когда-нибудь собиралась мне рассказать?

Ответ, который даст Сет, расскажет мне все, что мне нужно знать о нашей дружбе и о том, к чему она привела. Сет отпускает мою руку, проводит по лицу рукой, и я задерживаю дыхание, когда его темные глаза скользят по мне.

— Она просила не говорить тебе, но она была напугана, Оливия.

Его слова прорываются сквозь мой блок, когда мое зрение затуманивается.

— Она просила тебя... — вдыхаю я и прикусываю нижнюю губу, чтобы она не дрожала, — не говорить мне?

На этот раз я знаю это... Чувствую, как забивается мое горло и заставляет челюсть нерегулярно сжиматься. Я сейчас заплачу.

— Черт, О. — Сет вздыхает, его голос полон боли и сострадания. — Не плачь.

Он обнимает меня своими сильными руками, когда меня прорывает, и я рыдаю. Он прижимает меня к своему торсу и гладит по волосам, пока я плачу в его рубашку.

Моя лучшая подруга...

Я не понимаю этого. Я больше не понимаю ее. До того, как я встретила Сета, я не могла заставить ее заткнуться, а теперь разговаривать с ней — это то же самое, что пытаться засунуть лом в заваренный сундук. Куда движется наша дружба? Какая ценность в лучшей подруге, с которой ты не можешь свободно разговаривать? В чем значимость лучшей подруги, которая слушает и делится всеми твоими секретами, но отказывается делиться своими? Так много вопросов крутится у меня в голове. Каждый из них приближает меня к тому, что, я уверена, является концом. Не слишком ли я преувеличиваю? Неужели мои гормоны уже вышли из-под контроля? Нам всего одиннадцать недель. Я делаю прерывистый вдох, задерживаю дыхание, а затем выдыхаю. Я отталкиваюсь от Сета и провожу тыльной стороной ладони под глазами, собирая слезы, которые мне внезапно становится стыдно проливать.

— Мы можем уйти? — Я шмыгаю носом, запуская пальцы в волосы. Я знаю, что в какой-то момент мне придется поговорить с Селеной, но не сегодня.

— Конечно, я дам Дэррилу знать...

— Нет. Я не хочу видеть никого из них прямо сейчас. Я просто хочу выбраться и пойти куда-нибудь... Куда угодно.

Он едва заметно кивает.

— Хорошо. Я знаю одно место.

Сет снова берет меня за руку и тянет к двери. Я не хочу, чтобы он открывал ее, потому что точно знаю, что находится с другой стороны. В данный момент я не хочу видеть Джексона, Селену или Дэррила. Дверь открывается со скрипом. Конечно же, они все стоят с угрюмыми и полными сожаления выражениями лиц. Трудно осознавать, что причина, почему все они так выглядят, состоит в том, что *они* что-то скрывали от *меня*.

Селена вынимает руки из карманов юбки и подходит ко мне. Она открывает рот, но Джексон хватается за запястье, оттягивая назад. Она смотрит на него, и он качает головой, молча говоря ей, чтобы она позволила мне уйти. Ее грустный взгляд зеленых глаз возвращается ко мне, и я быстро перевожу свой взгляд на дверь в конце коридора. Я игнорирую тишину и сосредотачиваюсь на большом пальце Сета, который успокаивающе поглаживает мое запястье. Это единственное, что удерживает меня от того, чтобы не развалиться и не потребовать объяснений от нее. От всех них. Я понимаю, что Джексон и Дэррил верны Сету, но как насчет меня? Как насчет принципа поступать правильно?

— Ты же знаешь, что тебе нужно будет когда-нибудь поговорить с ними, — бормочет

Сет, пока мы идем по узкому коридору к запасному выходу.

Я думаю, мы воспользуемся запасным выходом, чтобы фанаты и репортеры нас не увидели. Сомневаюсь, что мои опухшие глаза и сопли будут хорошо смотреться. Я чувствую неловкость от мысли о всех статьях, которые могут возникнуть из-за этого, и от того, насколько счастливым они сделают Дона.

— Я поговорю... — бормочу я. — Просто не здесь. Не сегодня.

Снаружи Сет останавливает такси, и я забираюсь внутрь.

— «Белладжио», — говорит он водителю, обнимая меня и прижимая к себе. Подойдет. Подойдет любое место, лишь бы не здесь и не в моем гостиничном номере. Запах Сета окутывает меня, и я чувствую себя лучше, поэтому закрываю глаза.

Мы едем в такси меньше двадцати минут, и когда я открываю глаза, мы прямо перед «Белладжио». Мои губы растягиваются, когда я улыбаюсь, не в силах сдержать свое волнение. Все это время, пока мы были в Вегасе, Сет обещал, что мы сможем пойти и посмотреть шоу фонтанов. Я бы предпочла смотреть на это ночью, когда все освещено, но это лучше, чем ничего. И это определенно поможет мне отвлечься. Сет расплачивается с водителем, открывает дверь и выскальзывает из такси. Он протягивает мне руку, и я беру ее, сжимая слишком сильно.

— Я знаю, ты хотела это увидеть, но мы не могли выйти.

Когда мои ноги касаются земли, я направляюсь к фонтану, двигаясь так быстро, как только позволяют мои ноги, и таща Сета за собой. В небо не взлетают струи воды, так что я уверена, что следующее шоу начнется с минуты на минуту, и я не хочу пропустить ни одной секунды. Я резко останавливаюсь, когда Сет тянет меня, сворачивая влево. Я надуваю губы, когда он тащит меня в противоположную от фонтана сторону.

— Полегче, водяной жук, — смеется он. — Давай насладимся шоу с мороженым.

Мороженое. Единственное, что звучит лучше, чем фонтан. Мы останавливаемся у небольшого автомата, которым управляет мальчик-подросток. Я сосредотачиваюсь на массивных отверстиях в его ушах, растянутых идеальным металлическим кругом. Если я закрою один глаз, то смогу увидеть даму позади него, выуживающую что-то из своей сумочки.

— Это называется «тоннели», — говорит Сет, заставляя меня подпрыгнуть.

Я перевожу взгляд с Сета на мальчика. Оба смотрят на меня как на сумасшедшую.

— Хочешь?

Я хлопаю Сета по руке.

— О, боже, нет. Это отвратительно... — Кустистые черные брови мальчика сходятся вместе. — Совершенно уникально.

Сет хихикает, подталкивая меня плечом.

— Выбери вкус.

Их ассортимент невелик. И под «невелик» я подразумеваю только клубничный или шоколадный вкусы. Это мои варианты.

— Клуб...

Сет касается моего плеча, прерывая.

— Оно пастеризованное? — спрашивает он продавца мороженого таким милым озабоченным тоном, что это заставляет меня глупо улыбнуться.

Молодой парень у киоска с мороженым пожимает плечами и мотает головой, отбрасывая свою длинную черную челку в сторону.

— Я не знаю, что это значит.

— Ты работаешь с мороженым... — Сет возвышается над прилавком, оглядывая ограниченное пространство мальчика. Мальчик Том снимает свой бейджик с именем и тяжело сглатывает. — Разве у тебя не должен быть список ингредиентов?

Том смотрит на высокого и сильного Сета и качает головой.

— Я... Я не знаю.

— Где твой менеджер? Он знает?

— Сет, — начинаю я, и он прижимает пальцы к моим губам, останавливая меня. Я отмахиваюсь от него.

— Я не знаю, — снова отвечает Том.

— Ты хоть *что-нибудь* знаешь? — рычит Сет. — Вообще что-нибудь?

Я хватаю его за локоть и пытаюсь оттащить. Конечно, было бы намного легче, если бы он не весил столько же, сколько валун небольшого или среднего размера.

— Я возьму клубничное и шоколадное, но если она заболит, то я вернусь за тобой.

Испуганно кивнув, Том наполняет два вафельных рожка. В один он кладет шоколадное мороженое, а в другой — клубничное. Сет протягивает мне мой рожок, но не сводит глаз с мальчика.

— Ты продаешь мороженое, нужно знать свой продукт.

— Ты можешь расслабиться? — говорю ему, не в силах удержаться от смеха. Я отталкиваю Сета от перепуганного парня за стойкой.

— Расслабиться? Я присматриваю за тобой. Не хочу, чтобы ты подхватила листерин.

Листерин? Я громко фыркаю и закрываю лицо руками, когда мои щеки краснеют.

— Что? — требует он, убирая мою руку ото рта. Я откидываюсь назад, смеясь так громко, как только могу.

Мой желудок сводит судорогой от смеха.

— Листерин? Ты только что сказал *листерин*?

— Да, — смеется он. — Почему это так смешно?

— Я думаю, ты имеешь в виду листерию. Я могу подхватить листерию (*прим. — Листерин — ополаскиватель для рта, листерия — род грамположительных палочковидных бактерий. Некоторые виды являются возбудителями заболеваний животных и человека*).

Он закатывает глаза, и я наблюдаю, как муж подносит ко рту шоколадное мороженое, прежде чем обхватить его губами. *Почему я не могу выглядеть так же хорошо, как он, когда ем мороженое?*

— Я просто забочусь о тебе.

Я улыбаюсь.

— Знаю. — И это приятно.

Мы возвращаемся к фонтану, находим хорошее место в первом ряду вдоль стены и ждем шоу. Забавно, что полчаса назад я плакала навзрыд, а сейчас так счастлива, как никогда за последние недели. Сет и мороженое творят чудеса.

Я доедаю четверть мороженого, когда Сет спрашивает меня, хочу ли я поговорить о Селене и моей реакции на то, что она скрывала от меня. Я пожимаю плечами и облизываю мороженое, изо всех сил стараясь казаться невозмутимой.

— Мы никогда раньше не ссорились... — говорю ему я, вспоминая свое детство. — В любом случае это не имело значения. Я всегда думала, что она прикроет меня, как я ее. Не знаю... Тот факт, что мы не делимся тем, чем раньше, заставил меня сегодня плакать. Я

думаю, мама была права, когда сказала: «Твои друзья могут присутствовать на твоей свадьбе, но не жди, что приведешь их в свой брак». Так не работает.

— Селена теперь другая, Джексон изменил ее. Он энергичный парень... Селена ни за что не предала бы его, рассказав тебе все его секреты. Джексон научил ее важности секретов. Важности того, чтобы иметь чье-то доверие.

Я смотрю на него снизу вверх, не впечатленная. Не уверена, должна ли я быть оскорблена или унижена тем, что он пытается защитить ее.

— Она сказала моей матери, что я беременна.

— Я никогда не говорил, что она идеальна, но она начинает понимать.

Я не знаю... Меняться ради кого-то просто не кажется мне правильным.

— Я вижу это так: мы впитываем немного от каждого человека, которого встречаем, это незначительно изменяет нашу личность. Ты не можешь ожидать, что останешься прежней. Можешь себе представить, если бы я остался тем же парнем, как при нашей первой встрече? Ты бы ни за что не вышла за меня замуж, и я ставлю на это все наши сбережения, — говорит он, будто читает мои мысли.

— Я бы вышла за тебя замуж несмотря ни на что, — говорю я ему, и он приподнимает бровь. — Просто тебе потребовалось бы *гораздо* больше времени, чтобы добиться моего согласия.

Сет смеется своим очаровательным смехом, и в воздух взлетает первая струя воды. Начинает играть классическая музыка — то, что я вряд ли когда-либо смогу идентифицировать, — и я наклоняюсь ближе, когда белые струи воды заполняют небо, простирающееся от одного конца фонтана до другого. Высокие всплески выстреливают быстро, за ними следуют более короткие потоки, а затем еще более мелкие, которые закручиваются друг вокруг друга. Я никогда не видела ничего более прекрасного... Могу только представить, как потрясающе выглядят подсвеченные струи на фоне ночного неба.

Через несколько минут я остро ощущаю присутствие Сета, то, как близко он находится. Чувствую его взгляд на своем лице, когда он игнорирует шоу перед нами. Я медленно искоса смотрю на него. Первое, что замечаю — его губы, они слегка изогнуты, на них дразнящая *почти* улыбка. Под его пристальным взглядом я чувствую, как горят мои щеки, и быстро возвращаю свое внимание к шоу, съедая еще мороженого. Оно тает у меня на языке и по вкусу больше напоминает замороженный йогурт.

Проходит еще несколько минут. В такт прекрасной музыке в небо взлетает все больше струй воды, но в конце концов все это прекращается. Я смотрю на теперь уже неподвижный фонтан, а люди вокруг меня одобрительно хлопают. Я откусываю край вафельного рожка и отламываю еще один маленький кусочек. Когда я кладу его в рот, Сет хлопает меня по колену и слегка поворачивает голову в сторону чего-то за моим плечом. Селена стоит в трех метрах от меня, засунув руки в карманы. Ее обычно безупречные кудри обвисли и безжизненно спадают на плечи, едва заметные черные круги размазанного макияжа затемняют ее усталые глаза, а тушь оставила пятна на воротнике ее красивой белой блузки. Мне неприятно видеть ее такой расстроенной, но чего она от меня хочет? Я могу говорить, но может ли она?

— Ты должна поговорить с ней, — говорит Сет. — Если она много значит для тебя, такая мелочь не стоит того, чтобы выбрасывать воспоминания на всю жизнь.

— Что бы ты сделал? — спрашиваю я, в моем голосе слышится неуверенность. — Если бы мы с Джексоном поцеловались?

Его ярко-шоколадные радужки темнеют вместе с тонким изгибом губ.

— Ты и я — два очень разных человека... Если бы Джексон поцеловал тебя так, как я целовал Селену, я бы убил его.

Я погружаюсь в себя. Верно, логика Сета. Я забываю, что обычно это не имеет смысла.

— Иди поговори с ней, О. Я подожду здесь.

Я протягиваю ему свое мороженое и отталкиваю от гладкого камня, на котором сидела. Селена неловко переносит вес на левую ногу, закусывая губу, когда я подхожу к ней. Останавливаюсь в трех футах и складываю руки на груди. Я не собираюсь говорить первой. *Ее очередь.*

— Я попросила Дэррила проследить за вашим такси, — бормочет она, закрывая один глаз и прикрываясь рукой от солнца.

— Выслеживала и лгала. Кто знал, что в тебе это есть?

Она вздрагивает, и я ненавижу, что в моем голосе звучит такая горечь. *Это твоя лучшая подруга, а не твой враг.*

— Оливия, пожалуйста. — Она придвигается ближе. — Сет сказал, что собирается рассказать тебе, поэтому я позволила ему разобраться с этим.

Я качаю головой.

— Я знаю, ты не хотела, чтобы он говорил мне. — Мое горло сжимается, и я с трудом сглатываю, чтобы прочистить его. — Как будто я тебя больше не знаю.

Слезы наворачиваются на ее глаза, когда ее лицо искажается. Она отводит глаза к фонтану.

— Я даже не знаю, кто я такая, О. Я едва узнаю себя и тону здесь. Не знаю, как это остановить. — Она резко смахивает злые слезы со своих щек. — То, что я сделала, было дерьмово, знаю это, но, пожалуйста, О. Я...

— Почему ты мне не сказала? — Это все, что я хочу знать. Если она сможет дать мне достойное объяснение, я прощу ее так же, как простила Сета.

Она переводит свой заплаканный взгляд на меня.

— Из-за твоих отношений с Блейдом и отношений с Сетом. Я подумала, что хоть раз в жизни промолчать было правильным поступком. Я думала, что защищаю тебя.

— В любой другой день я бы не возражала против такого ответа. — Я нервно потираю пальцами ладонь. — Но ты не разговаривала со мной уже несколько месяцев.

Ее брови хмурятся, и она открывает рот, чтобы возразить.

— Это правда. — Я вмешиваюсь прежде, чем у нее появляется шанс. — Ты не разговариваешь со мной. Не так, как раньше. Конечно, мы разговариваем, как это делают дальние друзья. Мы догоняем друг друга и спрашиваем, как дела, но это все. В наших разговорах больше нет интимности. Ты рассказываешь всем остальным мои секреты, а меня это никогда по-настоящему не волновало, потому что я знаю, кто ты такая. Я знаю, чем рискую, когда рассказываю тебе что-то, но в ту секунду, когда у тебя есть секрет, ты опускаешь шторы и притворяешься, что никого нет дома. Как ты думаешь, что я чувствую, зная, что ты не доверишь мне так сильно, как я доверяю тебе?

Селена вытаскивает руки из карманов и складывает их перед грудью, умоляя меня.

— Ты моя лучшая подруга, О. Позволь мне доказать это, позволь загладить свою вину.

— Загладить свою вину передо мной? Речь идет не о том, чтобы загладить свою вину передо мной. — Ее лицо вытягивается, она чувствует себя побежденной моими словами. — Речь идет о честности. И теперь, когда я сказала тебе, что думаю, давай исправим это

вместе. — Смуглое лицо Селены светлеет, ее глаза расширяются еще немного.

— Есть вещи, которые Джексон рассказал тебе, и он не хочет, чтобы кто-то еще знал. Я понимаю это и принимаю. Откровенно говоря, я на самом деле не хочу знать о нем, но хочу знать о тебе. Я хочу, чтобы ты сначала сказала *мне*, когда вы с Джексоном поссоритесь. Не Мэдди или Дэррилу. Мне. Я хочу, чтобы ты звонила мне, когда захочешь, даже если это для того, чтобы поговорить о дерьмовой погоде, и хочу, чтобы ты *никогда, никогда* не хранила секрет, если это напрямую касается меня. — Я подхожу ближе. — Сет рассказал, что вам, ребята, пришлось сделать, чтобы избавиться от Мэтта Сомерса. Когда я узнала, поцелуй не причинил мне боли, но ложь — да. Если есть что-то, что я ненавижу в этом мире больше, чем Дона Рассела, так это ложь. Я получила свою долю... Не корми меня больше этим.

Она бросается вперед, неожиданно заключая меня в объятия. Я обнимаю ее за талию, пока она плачет мне в плечо, несомненно, намочив мои волосы.

— У меня будет ребенок, — говорю я, чувствуя, как мои губы подергиваются в зарождающейся улыбке. — Я не хочу спорить о лжи и правде. Мы теперь взрослые. И я хочу, чтобы ты была в жизни нашего малыша.

Она кивает, плача сильнее в мое плечо. У меня в животе что-то ноет, и это говорит мне, что в этом маленьком срыве Селены кроется нечто большее, чем кажется на первый взгляд, но я не лезу. Если она захочет рассказать мне, она скажет. Селена резко отстраняется и прикрывает лицо рукой.

— Извини, я сегодня чересчур эмоциональна. — Она осторожно проводит большим пальцем под глазами, убирая остатки макияжа. — Мы с Джексоном официально расстались.

Мой желудок сжимается.

— О, Сел... Мне жаль. Ты хочешь поговорить об этом?

Она кивает, потом качает головой.

— Я думаю, что сегодня я достаточно выплакала. Может быть, когда не будет больно, я смогу рассказать тебе об этом?

— Конечно. — Я толкаю ее в плечо. — Возьми мороженое и присоединяйся к нам. Через пятнадцать минут будет еще одно шоу фонтанов. Это сотворит с твоей душой чудо.

Она оборачивается с улыбкой.

— О, и не могла бы ты извиниться перед мальчиком за меня? — кричу я. — Сет иногда может быть настоящим мудаком.

Она показывает мне большой палец вверх, а я разворачиваюсь и направляюсь обратно к Сету, подпрыгивая на каждом шагу. *Все правильно в этом мире... Ну, во всяком случае в моем мире.* Когда я сажусь, Сет засовывает телефон обратно в карман, и я молю, чтобы это был не Мэтт Сомерс. Ничего хорошего из его телефонных звонков не выходит.

— Как все прошло?

Я запускаю пальцы в волосы и перекидываю их через плечо.

— Все прошло хорошо. Мы в порядке. С кем говорил?

Он выдыхает.

— Мама позвонила Мэдди и сказала ей, что та будет тетей.

Я поднимаю брови и забираю свое растаявшее мороженое обратно.

— Что она сказала?

— Ну, сначала она сказала мне, что так разыгрывать маму — это жестоко и что я должен немедленно прекратить это. Когда она поняла, что это не шутка, то отчитала меня за то, что я так испортил «бедную Оливию», *но* как только я убедил ее, что это то, чего ты

хочешь, она была счастлива за нас. Думаю, Мэдди действительно в восторге от того, что станет тетей.

— Это хорошая новость, — говорю я. — Надеюсь, что мой брат воспримет это так же хорошо.

— Я тоже. — Он облизывает свое мороженое так, что я начинаю ревновать. *Какой озабоченный идиот ревнует к мороженому?* — В меня никогда не стреляли, и я надеюсь, что так и останется.

— Он бы никогда в тебя не выстрелил.

Сет приподнимает бровь. Знаю. Я никого не обманываю. Чейз может быть очень заботливым.

— Хорошо, позволь перефразировать. Он бы никогда не выстрелил, чтобы *убить* тебя.

Его губы растягиваются в улыбке, и он прикусывает нижнюю губу, чтобы скрыть это.

— Думаю, мне следует купить бронежилет на случай, если ты ошибаешься.

— Это было бы неплохим вложением средств. Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть, верно?

Мы смеемся, и звук нашего смеха так сладко смешивается, что приносит мне больше радости, чем когда-либо могли бы принести звуки поющего фонтана.

— Когда мы закончим здесь, я отвезу тебя домой и покажу, как сильно тебя ценю.

И он это сделал.

Он отвез меня домой и показал, как сильно меня ценит. Сет двигался медленно, уделяя внимание каждому дюйму моего тела. Он делал все как раньше, ухаживал за мной без единого слова. Его руки ласкали, а не сжимали, его язык пробовал на вкус, а не трахал, а его бедра прижимались ко мне, а не врезались. Снова и снова он рассказывал мне, как сильно меня любит...

...и я верила каждому его слову.

Сет

После взвешивания дни пролетели быстро, и все они прошли без происшествий. Селена осталась с нами, и я почти не видел Джексона. Он проводил большую часть своего времени вне дома и занимался бог знает чем и с кем, в то время как я провел большую часть своего времени в обсуждении стратегии с Дэррилом, пока Оливия тусовалась с Селеной. Я выслушал все, что сказал Дэррил, но в конце концов это мой бой, и Дон заплатит так, как я сочту нужным...

...и вот мы здесь. Вечер боя.

— *Он может забрать все, ради чего ты так усердно работал, Сет,* — голос Дэррила звенит в голове, а кровь вибрирует в венах, как будто я кусок металла, в который ударила молния.

Чертов. Вечер. Боя. Вечер, который я ждал несколько месяцев. Это последний вечер, который я собираюсь провести в этой комнате. Это последний раз, когда мои руки будут обернуты бинтами для профессионального боя. И последний раз, когда я буду драться перед десятками тысяч людей. В комнате тихо. Единственный звук, наполняющий мои уши — учащенное биение моего сердца. Я расхаживаю взад-вперед, взад-вперед. Прохладный цемент под моими ногами щекочет пятки, но я этого почти не замечаю. Покалывание в груди сегодня сильнее. В последний раз повторяю, что я разогрелся и готов к работе. Я сжимаю и разжимаю руки, проверяя бинты и перчатки. В отличие от прошлого раза, сейчас все еще достаточно места, чтобы кровь прилила к кончикам моих пальцев. Я подпрыгиваю на пальцах ног и размахиваю руками, выполняя свою любимую комбинацию перед боем. Намеренно игнорирую всех остальных в комнате. Мои мысли заняты этим боем и только им. Я готов, более чем. Никакие секреты не удерживают меня, никакие заботы не задерживаются на задворках моего сознания. Дон мог разрушить мой брак своим трюком, который разыграл на взвешивании, и теперь он заплатит за это.

Я оттягиваю ворот своей толстовки, чувствуя себя в ней неудобно. Я хочу сорвать ее и сделать это прямо сейчас. Я хочу драться сейчас, а не через — смотрю на часы — двадцать минут. Я не хочу ждать двадцать минут, чтобы разрушить карьеру Дона, а затем и попрощаться со своей.

На самом деле это немного сюрреалистично — знать, что это конец для меня. После этого мне никогда не придется нервничать перед боем, не придется каждый день доводить свое тело до изнеможения. Я могу быть нормальным... Могу вести обычную жизнь со своей женой и ребенком.

— Скакалка, — говорит Дэррил, протягивая ее мне.

Не говоря ни слова, я беру ее из его рук и принимаюсь за дело. Я не хочу, чтобы мое тело расслаблялось ни на секунду. Мне нужно быть быстрым и сильным... Я буду быстрым и сильным.

Краем глаза вижу Оливию, сидящую на стуле у стены. На ней обтягивающая футболка с надписью «СЕТ». Поскольку сегодня вечером она сидит в моем углу и забыла свою более мешковатую футболку, ММАС выдал ей эту. Я уверен, что они специально дали ей слишком маленький размер. Она облегает ее великолепные изгибы и обнажает самый крошечный «бугорок» с ребенком, который я когда-либо видел. Он небольшой, учитывая, что она все

еще на очень раннем сроке беременности, но как минимум это начало. Если бы вы не знали, что она беременна, вы бы не заметили, но я вижу и прикасаюсь к ее телу каждый день.

Я чувствую на себе ее взгляд, следящий за каждым моим движением. Мне нравится, когда она смотрит на меня. Мне нравится, что это с ней делает. Я поворачиваю голову, и мои глаза встречаются с ее. Ее щеки мгновенно краснеют, а губы застенчиво изгибаются. Что бы она ни делала, это заставляет мое тело гореть. Я отбрасываю скакалку в сторону и смотрю на Дэррила. Мне даже не нужно говорить. Он знает, чего я хочу. Кивнув, он открывает дверь.

— Все вон.

Все уходит без возражений, и в комнате становится тихо, когда за ними закрывается дверь. Стул Оливии скрипит по бетону, когда она поднимается с него. С осторожным вдохом она проводит ладонями по бедрам своих джинсов.

— Мне нравится твоя футболка, — говорю ей. — Я хорошо смотрюсь на тебе.

Она застенчиво улыбается, ее щеки горят, когда она вспоминает фразу, которую я использовал в отношении нее во время того самого первого боя в Портленде.

— Да, — отвечает она, придвигаясь ближе. — Да, это так.

Оливия заправляет за ухо густую прядь длинных шоколадных волос.

— Нервничаешь?

Когда она оказывается достаточно близко, я обнимаю ее за талию и притягиваю ближе.

— Нет.

Я смотрю на ее лицо, наши глаза встречаются. *Она, конечно, хорошенькая...* Ее близость напоминает мне о первом бое, на который она пришла. Тогда мы были такими разными и находились в совершенно другом месте. Она не хотела иметь со мной ничего общего, и я отчаянно пытался залезть к ней в штаны... А потом передумал и снова попытался убежать. Я был придурком, которому не хватало целеустремленности, а она была невинной девушкой, неосознанно ищущей в любви что-то искупительное. И она нашла.

О толкает меня локтем.

— Что?

Уголок моего рта дергается вверх.

— Мы далеко зашли, не так ли?

— Да. — Она тихо посмеивается. — Думаю, это так.

— Это последний раз, когда мы собираемся быть вместе в подобном месте... Как ты себя чувствуешь?

Легкая улыбка играет на ее губах, когда она проводит руками по моим рукам, сжимая их через ткань толстовки.

— Пока у меня есть ты, мне все равно, где мы находимся. Как ты себя чувствуешь?

Теперь, когда ты прикасаешься ко мне, лучше.

— Чувствую себя... готовым. Довольным.

Ее руки скользят вверх по моим плечам и обвиваются вокруг шеи. Она медленно притягивает меня ближе. Когда ее губы касаются моих, дверь открывается. Она отскакивает от меня, когда придурок с камерой нацеливает ее прямо на нас. Лампочка сбоку мигает красным, и Оливия отказывается смотреть в объектив. Если бы это был любой другой день, я бы взял его камеру и швырнул ее о бетонную стену, но поскольку это мой последний бой, думаю, она может дожить до следующего дня.

— Пора, Сет, — кричит Джексон из-за спины оператора.

Что ж, я ни за что не пропущу свой поцелуй перед боем из-за камеры. Я бросаюсь вперед и хватаю Оливию. Притягивая ее к себе, ставлю руку перед объективом камеры, загораживая обзор, и прижимаюсь губами к губам жены. Парень пытается вытащить свою камеру, поэтому я сжимаю тонкую металлическую трубку, удерживающую объектив. Конечно же, она трескается, и Оливия со вздохом отстраняется от меня.

— Боже мой, Сет, — выдыхает она, поворачиваясь к мужчине. — Мне так жаль.

— О, — выдыхаю я, передразнивая ее и выпуская его камеру. — Мне так жаль.

Взгляд оператора темнеет из-за моего сарказма. С ухмылкой я хватаю Оливию за запястье и протискиваюсь мимо него.

— Не могу поверить, что ты это сделал, — огрызается она себе под нос.

Я смеюсь, закидывая руку ей на плечо.

— В следующий раз он не забудет постучать.

Она пыхтит рядом со мной, но я не могу перестать улыбаться. *Мне это показалось забавным.* Когда я выхожу в коридор, то слышу, как громко играет моя музыка. Она течет сквозь меня, превращая меня в сгусток агрессии. Я останавливаюсь перед большими двойными дверями и оборачиваюсь. Передаю Оливию Джексону и срываю с себя толстовку. Дэррил и член ММАС, которого я никогда раньше не видел, начинают втирать вазелин в края моего лица. Я ненавижу ощущение густой субстанции, но это точно лучше, чем получить порез поперек брови. Дэррил засовывает мне в рот капу, и двери открываются. В последний раз в моей жизни море людей заполняет арену передо мной и скандирует мое имя. Вокруг мигают огни, а плакаты с моим именем высоко подняты. Для меня это горько-сладкий момент, поэтому я не тороплюсь и впитываю все это в себя...

...в последний раз.

***

Оливия

Дэррил и Джексон подталкивают Сета, но он отказывается двигаться. Вместо этого он наблюдает за толпой, которая выкрикивает его имя. Я смотрю мимо него и вижу Дона, ожидающего в клетке. На дальнем телевизоре приближают его лицо, транслируя выражение отвращения по всей арене. Он ходит из стороны в сторону и подпрыгивает. Я никогда не видела, чтобы Дон выглядел таким серьезным. Он жаждет крови. Сет оглядывается через плечо на Джексона и вытаскивает капу.

— Береги ее, — приказывает он, и Джексон обхватывает меня сильной рукой за талию, прижимая к себе.

Сет бросается вперед, и толпа сходит с ума. Мои барабанные перепонки, желудок и сердце вот-вот взорвутся. Я никогда не привыкну к этому. Никогда. Я спотыкаюсь, когда Джексон тянет меня за собой. Он опускает голову и притягивает меня еще ближе, когда со всех сторон протягиваются руки, чтобы коснуться нас. Пальцы скользят по моему плечу и волосам, когда мы несемся по дорожке прямо к клетке. Когда мы подбегаем, рефери проверяет уши, рот и перчатки Сета, и я улыбаюсь, когда он проходит краткий осмотр. Не прошло и секунды, как он взбежал по лестнице и влетел в клетку. Оказавшись внутри, ни Сет, ни Дон не сводят друг с друга глаз. Я провожу руками по кусочку пола. Крики толпы заставляют клетку вибрировать, и я задаюсь вопросом, щекочет ли это основание ступней Сета так же, как мои пальцы. Покалывание, вызванное полом клетки, проходит по моему телу. От кончиков пальцев до сердца. Мое сердце колотится, каждая клеточка вибрирует со

своей собственной скоростью. Никогда в своей жизни я не была так взволнована или напугана перед боем. Никогда настолько, как в этот самый момент.

Я откидываюсь на спинку маленького металлического стула, предоставленного мне. Диктор стоит посреди ринга. С потолка медленно спускается микрофон, и мужчина хватается за него.

— Дамы и господа, сегодняшняя душераздирающая битва вот-вот начнется. — Дрожь пробегает у меня по спине, когда он представляет обоих участников, отмечая, откуда они и сколько весят. Диктор погружается в их наполненную ненавистью историю, разогревая аудиторию все больше и больше, пока они не начинают жаждать крови.

После представления судьи, микрофон поднимается обратно к потолку, а диктор уходит. Вход в клетку за ним закрывается. Толпа успокаивается, и я хватаюсь за край своего сиденья. Я хотела бы быть в толпе с Селеной. Рядом с ее плечом, чтобы уткнуться в него. Сет и Дон все еще сдерживаются... В ожидании гонга. Это ожидание превращается в маленькую вечность, и я не уверена, исходит ли громкий стук в моих ушах исключительно от моего сердца или от всех сердец в этой комнате, бьющихся в такт друг с другом.

Затем раздается гонг, и все вскакивают на ноги, включая меня. Быть впереди, у клетки, все равно что находиться в океане. Течения управляют тобой. Каждый крик и хлопок толкают меня ближе к ней, пока я не оказываюсь рядом с Джексоном и Дэррилом. Я никогда не была так близко...

Дон и Сет молча кружат друг вокруг друга, пытаюсь понять, в какую игру играет каждый из них. Дон двигается первым. Он нетерпеливо рычит и бросается вперед, отбрасывая Сета назад кулаками. Сет держит руки поднятыми, блокируя удары в лицо, и пропускает только один или два удара в ребра.

— Двигайся! — кричу, когда Сет делает шаг в сторону, а Дэррил, спотыкаясь, влетает в клетку.

— Вперед! — кричит Дэррил, и Сет пользуется промахом Дона. Он хватается за голову и заезжает коленом прямо в середину лица Дона. — Да! Еще!

Сет готовится ко второму удару коленом, но Дон толкает его, оттесняя назад, пока они не врезаются в прутья.

Под моими руками трясется пол, мое накачанное адреналином тело дрожит. Теперь я это вижу... То, почему мой отец так любил драки. Это бодрит и придает сил... Или, по крайней мере, так оно и есть, пока Дон не берет верх над Сетом и не ударяет его кулаком в рот. Моя кровь стынет в жилах, когда Дон ухмыляется и отводит руку назад, чтобы ударить его снова.

— Бедра! — кричит Джексон. — Двигай своими гребаными бедрами!

Сет поднимает бедра, сбрасывая с себя Дона, и быстро вскакивает на ноги. Дон тоже быстро приходит в себя и бросается на моего мужа, размахивая руками. Каким-то чудом Сет уворачивается от них и ударяет кулаками по ребрам противника. Я слышу, как воздух вырывается из легких соперника каждый раз, когда кулаки Сета соприкасаются с его телом.

Мои собственные ребра болят, когда я смотрю на это. Я засовываю пальцы в рот, нервно покусывая ногти. Сет подпрыгивает на носках, уворачиваясь и уклоняясь от всех ответных ударов Дона. Воспользовавшись паузой, Дон делает шаг назад, чтобы перевести дух и переосмыслить свою тактику. На этот раз Сет тренировался как сумасшедший и изучал Дона. Он хочет отомстить, а то, чего хочет Сет Марк, он получает. Дон бросается вперед, ныряя в ноги Сета. С громким стуком Сет падает на колени и растягивается, отражая удар.

Дон падает плашмя на живот, а мой муж запрыгивает ему на спину, обхватывает шею соперника своими сильными накаченными руками и тянет. Лицо Дона сразу же меняет цвет на ярко-красный, но он отказывается отключаться. Я наклоняюсь еще ближе к клетке, пока не чувствую запах запекшегося вина, которым покрыта клетка. Я слышу, как мое собственное дыхание срывается с губ тяжелыми и быстрыми вздохами. Судья наклоняется Дону в лицо. Он разговаривает с ним, а Дон качает головой.

— Сожми! — кричит кто-то позади меня. — Выжми все из этого мудака!

— Давай, давай, давай, — кричит Дэррил, хлопая по прутьям.

Звучит гонг, и этот звук поднимает с моей груди тяжесть, о которой я и не подозревала. Рефери оттаскивает Сета от Дона, и мой муж неторопливо возвращается к нам.

— Черт! — рывкает Джексон, хлопая по прутьям. — Блядь!

Они хватают маленький синий табурет и бегут ко входу клетки. Я остаюсь по другую сторону, пока Сет опускается на свой табурет. Он близко. Так близко, что я вижу, как пот покрывает его кожу. Даже сквозь аплодисменты я слышу его тяжелое дыхание. Когда ему в лицо втирают еще больше вазелина и дают немного воды, он оглядывается через плечо. Я сосредотачиваюсь на порезе, который рассекает его нижнюю губу. Она кровоточит и опухла. Это зрелище наполняет мой желудок беспокойством. Мне не нравится видеть его боль. Особенно когда место боли находится на его идеальном лице.

— Как твои дела? — кричит Сет, улыбаясь.

— Не беспокойся обо мне. Как ты?

Он поднимает бровь и уверенно улыбается.

— Я почти вырубил его.

— Почти, — повторяю я, борясь с собственной улыбкой.

Я не сомневаюсь, что Сет может победить Дона... Я просто не хочу, чтобы он слишком рано был в этом уверен. Кто знает, что задумал Дон. Перерыв заканчивается, и не успеваю я оглянуться, как Джексон и Дэррил оказываются рядом со мной, а Сет снова на ногах.

Звучит гонг, и Сет немедленно начинает бой, пригибаясь и уворачиваясь от ударов Дона и нанося ему ответные удары везде, где только может. После несомненно болезненного комбо в живот Дон наносит удар, переходя к быстрому правому джебу (*прим. — Джеб — один из основных видов ударов в боксе. В советских/российских источниках часто используется название прямой левой (при этом подразумевается, что боксёр-правша находится в обычной левосторонней стойке) или прямой с ближнего расстояния. Иногда джебом называют «встречный» удар (на опережение)*). Мое сердце останавливается, замирает, а затем начинает биться снова, когда Сет уклоняется от удара, отвечая собственным джебом, за которым следует быстрый апперкот правой в челюсть Дона. Сет сегодня на высоте. Все его движения спланированы, точны и разрушительны. Я не могу дождаться, когда Дон рухнет на пол. Они обмениваются ударами, ни один из них не устает бить другого. Через минуту после начала раунда Сет бросается на Дона, и они оба сплетаются конечностями, катаясь по полу и пытаясь поймать другого.

— Держи плечи поднятыми, а руки дальше! — кричит Джексон.

Когда раунд подходит к концу, Сет одерживает верх. Он садится верхом на Дона, давя ему на грудь. Сет ударяет локтем по лицу, и я ахаю, чувствуя, как кровь отливает от моего собственного лица, когда звук удара твердой кости о кость эхом отдается в моей голове. Сет бьет еще и еще, рассекая бровь Дона, пока кровь не начинает стекать с краев его лица. Толпа сходит с ума при виде крови, отчаянно желая большего. Дон поднимает руку, чтобы

оттолкнуть Сета, и его команда кричит ему, чтобы он не стучал. Видя возможность закончить бой, Сет хватается руку Дона и обхватывает ее ногами, а затем падает спиной на пол, выпрямляя руку соперника. Лицо Дона искажается от боли, и я вижу, как его пальцы тянутся к полу. *Сделай это. Сделай это. Сделай это.* Я умоляю его.

Я перевожу взгляд с лица Дона на Сета. На его лице нет никаких эмоций, а брови нахмурены, как будто он пытается решить, что делать. Его глаза встречаются с моими, и я придвигаюсь ближе к клетке, притянутая к нему словно магнитом. Дон стонет от боли, и этот звук вызывает у меня сочувствие. Затем Сет отпускает руку Дона и вскакивает на ноги. Я ахаю. Джексон и Дэррил тоже удивлены. Вся толпа удивлена. *Какого черта он делает? Он почти выиграл!*

Сет ждет, давая ошеломленному Дону время подняться на ноги, а затем кричит на него. Слов я не слышу из-за рева толпы. Весь стадион сотрясается от топота ног, и я хватаюсь за прутья. Дон трясет руками и поднимает их к лицу, прежде чем броситься на Сета, словно носорог. Они сталкиваются и снова падают на пол. Ни один из них не пытается подчиниться, вместо этого они бьют друг друга снова и снова. Удар за ударом. В этом бою больше нет стиля, это просто старомодная уличная драка.

Джексон радостно кричит рядом со мной, что заставляет меня подпрыгнуть. Я смотрю на Дэррила, который сжимает свои волосы между пальцами, сильно дергая.

— Он игнорирует план, — говорит он мне, и на его лице отражается беспокойство.

Я оглядываюсь назад. Теперь оба мужчины на ногах, как происходит в классическом боксе, ни один из них не использует свои ноги. Дон беспокойно покачивается, его лицо в крови и порезах. Пот попадает ему в глаза, и он смахивает его, но рефери не объявляет конец. Когда Дон наносит быстрый и сильный удар, Сет пригибается и бьет Дона кулаками в живот. Тот горбится, и я вижу по лицу Сета, по его ухмылке на губах, что раунд закончен. Мой муж отдергивает руку, и раздается гонг. Судья вскакивает, заполняя пространство между Сетом и Доном.

Когда Сет подходит к нам, Дон падает на колени. Как и раньше, Джексон и Дэррил вбегают в клетку с маленьким синим табуретом, и Сет падает на него. Они пытаются помочь ему, пытаются намазать его еще большим количеством вазелина и промокнуть порезы, но у Сета ничего нет. Он поворачивается на стуле и вынимает каппу.

— Тебе понравился этот раунд?

Он тяжело дышит, убирая мокрые волосы со лба.

— Ты почти выиграл, почему остановился?

Он пожимает плечами.

— Потому что я хотел причинить ему больше боли.

Я хватаюсь за проволоку.

— Не думаю, что он сможет вынести больше, Сет.

— Ты хочешь, чтобы я закончил?

Я киваю, и он улыбается, поворачиваясь обратно к своей команде. Они надевают на него бинты, кладут пакеты со льдом, мажут вазелином, и в конце концов судья приказывает членам команды уйти. Я оглядываю Сета и затем смотрю на Дона. Он выглядит дерьмово... Один глаз заплыл. Огромный кусок вазелина лежит у него на лбу, предотвращая попадание крови в глаз.

Гонг звучит в последний раз, и Сет прыгает вперед. Оба бойца устали, поэтому их движения намного медленнее, чем в начале боя. На их лицах отражается эта усталость, и я

чувствую жалость к ним обоим. Сет поднимает руки к лицу, в то время как Дон сильно и быстро размахивает кулаками, полный решимости победить Сета в этом финальном раунде. Дон знает, что, если это дойдет до судей, он проиграл. Он в панике, потому что ему отчаянно нужно вырубить Сета. Наблюдая за этим, наблюдая, как он безжалостно бьет Сета, моя кровь закипает. Сет блокирует столько ударов, сколько может, но пара проскальзывает, ослабляя его защиту.

— Давай, Сет! — кричит Дэррил. — Убирайся с дороги!

Сет тяжело ставит ногу и низко наклоняется. Дон теряет равновесие и запинаясь в движении. Это все, что нужно Сету. Я вижу, как его глаза сужаются, а губы дергаются прямо перед тем, как он ударяет Дона кулаком в живот. Тот вздрагивает, слегка сгорбившись. Вложив всю свою силу в правую руку, Сет отступает назад и бьет Дона кулаком в лицо. Соперник отброшен в сторону, он выплевывает кровь на пол. Сет бьет его снова, но уже с противоположной стороны. Еще кровь. Еще больше крови. Толпа приходит в ярость, когда Дон падает на пол и перестает двигаться. Рефери подбегает к нему и отмахивается от Сета. Звучит гонг, возвещающая о победе моего мужа. Я хлопаю в ладоши, пока они не начинают гореть, а потом хлопаю еще сильнее. Гордость переполняет меня, когда Сет делает круг по клетке, крича и радуясь. Ворота открываются, и клетка заполняется членами команды, врачами и камерами. Я, наконец, выдыхаю воздух, который, уверена, сдерживала все это время, и расслабляюсь, прислонившись к клетке.

Два с половиной изнурительных раунда, удар за ударом, и, наконец, Сет вышел на первое место, совершив полный нокаут. Когда я слышу, как толпа зовет его, по моему телу пробегает электрический разряд, и я скриплю зубами, борясь с дрожью, проходящей по моему позвоночнику. Наконец, он надрал Дону задницу. В конце концов, он дал ему именно то, что тот заслуживал. Как бы печально это ни звучало, наблюдение за тем, как Дон лежит на полу, полностью поверженный, снимает тяжесть с моих плеч. Сету больше никогда не придется с ним драться, и как только мы покинем Вегас, уверена, что ему больше никогда не придется видеть его лицо. После этого я сомневаюсь, что он появится в Портленде, по крайней мере, пока там Сет.

Я смотрю, как Сета отбрасывает назад, когда Джексон и Дэррил врезаются в него. Похоже, он все еще слишком накачан адреналином, чтобы мучаться от боли, но я подозреваю, что, когда его тело остынет, мышцы будут чертовски болеть.

— Ты сделал это! — кричат они, шлепая его по лицу.

Сет смеется и прижимает их к себе. Он не смог бы сделать этого без них. Команда Сета — вот кто они такие. И этот финальный бой не означает, что все должно закончиться сейчас.

— Сет!

Его смех затихает, а улыбка исчезает, когда Мэтт Сомерс лучезарно улыбается ему с другого конца клетки. Он мотает головой, и Дэррил с Джексонсом отпускают Сета. Мой муж одаривает меня легкой ободряющей улыбкой и направляется к Мэтту, ведущему и шести камерам, которые находятся перед ним.

Ведущему вручают микрофон, чтобы он обратился к толпе. Его золотое кольцо выделяется, поблескивая в свете, создаваемом аппаратурой наверху, когда он приглаживает свои растрепанные каштановые волосы.

— Вау, — просто говорит он, и все кричат в знак согласия. — Это было напряженно. Как себя чувствуешь, Сет?

— Я чувствую себя хорошо, — отвечает он с ухмылкой. — Великолепно.

— Я знаю, что перед этим боем накапливалось большое напряжение. Было несколько случаев, когда вы с Доном Расселом собирались подраться за пределами ринга, это подогрело твой гнев сегодня вечером?

— Это сыграло небольшую роль в моем плане сегодня, но я боец. Это моя работа — бить морды и вырубать людей. И это именно то, что я делал.

Мэтт Сомерс и ведущий посмеиваются над Сетом и игнорируют Дона, которого сейчас осматривают как минимум три врача. Ведущему и Мэтту плевать на него... Но только не на Сета, не на бойца, который выиграл бой. А если бы Дон победил? Оставили бы они Сета одного на полу? Независимо от того, за что Дон выступает и кто он такой, мое сердце разрывается из-за этого... Никто не заслуживает того, чтобы его выбросили, словно мусор.

— Что будет дальше с Сетом Марком? Если бы ты мог выбрать, с кем бы ты дрался следующим?

Взгляд Сета скользит через плечо на мое лицо. Он что-то пытается передать мне, но я не могу понять.

— Что дальше? — Он размышляет несколько секунд. — Моя жена беременна.

Раздаются новые радостные возгласы.

— И я возвращаюсь домой в Портленд, чтобы заняться своим тренажерным залом. Я больше не хочу драться.

Зрители резко выдыхают, почти единодушно, прежде чем начать сплетничать. Мэтт Сомерс смотрит на Сета с вымученной улыбкой на лице, а ведущий пытается сыграть на этом.

— Не слишком ли сильно тебя ударили, Сет?

Он смеется, отходя от Мэтта и Сета. В его глазах появляется беспокойство, когда он обыскивает клетку в поисках чего-нибудь, на что можно было бы переключиться. Когда замечает Дона, сидящего на полу, он подходит к нему. Мой муж следит глазами за ведущим, избегая неловкой улыбки Мэтта. Сет тоже замечает Дона, все еще лежащего на полу, и смотрит на меня. Я киваю головой, зная, что он спрашивает меня, должен ли сделать это. Мои губы растягиваются в обожающей улыбке, когда я смотрю, как муж поднимает Дона на ноги и жмет ему руку. Они не обмениваются ни словом, но, к счастью, и ударов больше не наносится. Мой муж — хороший спортсмен, образец для подражания для других бойцов. Дон знает, что победитель уже определен. Он знает, что больше нечего доказывать.

Сет неторопливо выходит из клетки и спускается по лестнице. Я поднимаю его толстовку с пола и протягиваю ему. Он набрасывает ее на плечи и переплетает свои пальцы с моими. Я чувствую, как дрожат его мышцы, когда я прижимаюсь к нему всем телом, пока мы идем. Люди хлопают его по плечу. Они говорят ему, что он хорошо справился и что они любят его. Он кивает в ответ. Его пальцы сжимаются вокруг моих, будто он боится, что кто-то оттащит меня от него, и не расслабляются, пока мы не остаемся одни в его комнате, а дверь не закрывается и не запирается.

Я прислоняюсь к стене, пока он сбрасывает толстовку на пол и стягивает шорты. Мои щеки пылают при виде его обнаженного зада. Он тянется за ножницами на ближайшем стуле и протягивает их мне, затем убирает их обратно.

С дерзкой улыбкой он спрашивает:

— Ты покраснела?

— Ты снял шорты, — отвечаю я, заставляя свой взгляд оставаться на его лице. —

Конечно, я покраснела. — Я бросаю взгляд на ножницы в его руках в перчатках. — Ты хочешь, чтобы я их отрезала?

— Новое правило, — смеется он. — Ты не можешь произносить такие фразы, когда я голый. Это заставляет меня нервничать.

— Принято к сведению. — Я смеюсь, забирая ножницы у него из рук. Он протягивает мне свои перчатки, и я разрезаю их ровно посередине, освобождая руки.

Сет бросается вперед, его горячие голые руки обхватывают мое лицо. Мое дыхание прерывается, когда я изо всех сил прижимаюсь к стене, чтобы он не втирал кровь Дона в мою одежду.

— Я слышал тебя, знаешь.

Мое дыхание, быстрое и нервное, сталкивается с его.

— Ты слышал, что я говорила?

— Крики, подбадривания.

— *Двигайся!* — кричу я, когда Сет делает шаг в сторону, а Дэррил, спотыкаясь, влетает в клетку.

Я чувствую, как мои губы растягиваются в улыбке, когда я вспоминаю это.

— Видимо, да.

Он очень нежно целует уголок моего рта. Это такой мягкий и дразнящий поцелуй, от которого мне хочется схватить его за лицо и заставить целовать сильнее. Он отпускает мое лицо и отворачивается. Я смотрю на его великолепную спину, пока она не исчезает за дверью душа. Сет принимает душ не менее двадцати минут, и я ожидаю, что кто-нибудь постучит в дверь или вышибет ее ногой, но никто этого не делает. А я терпеливо жду, прислушиваясь к успокаивающему звуку воды, бьющейся о кафель. Сет выходит с полотенцем, свободно обернутым вокруг бедер. От вида его чистой загорелой кожи у меня пересыхает в горле. Он прислоняется к стене напротив меня, и я молча подхожу к нему ближе.

— У меня все болит... — Он ухмыляется, его темные глаза ярко вспыхивают. Когда я оказываюсь в пределах досягаемости, он хватается за футболку и притягивает ближе. — Я хочу, чтобы ты вылечила меня.

Жар пробегает по моему позвоночнику и скапливается между бедер, когда он прижимает меня к своему теплему и влажному телу. Если никто не постучит в дверь в ближайшие двадцать секунд, здесь станет очень грязно. Я жажду его. Я жажду показать, как сильно его люблю. И я готова временно исцелить его тело своим собственным.

— Как мне тебя вылечить? — шепчу я, мое горло пересохло, а голос хриплый.

— Поцелуй — хорошее начало.

Он опускает голову, и я парализована, не в силах отодвинуться или приблизиться.

Когда его губы касаются моих, замок щелкает снаружи, а затем дверь открывается. Сет поднимает голову, его брови сходятся вместе.

— Ты, блядь, издеваешься надо мной, Сет? Как ты смеешь нести эту чушь! — кричит Мэтт, разбрасывая что-то по комнате. Это что-то отскакивает от стены и падает на стол, опрокидывая бутылки с протеиновыми коктейлями. Сет сдвигается, пряча меня за своим большим телом. — У тебя контракт. Ты не можешь, блядь, уйти!

Я оглядываю тело Сета, а Дэррил бросает ему его джинсы. Не говоря ни слова, Сет натягивает их и отбрасывает полотенце в сторону. В груди становится тесно, когда я с тревогой жду следующего момента.

— Я позабочусь об этом мудаке, Сет, — говорит ему Дэррил, когда Джексон проскальзывает в комнату. — Иди домой и отоспись после боя.

Кивнув, Сет поворачивается и подхватывает меня на руки. Я очень впечатлена, что он все еще способен двигать ими после такого боя.

— Нет! — кричит Мэтт. — Ты не можешь уйти! У меня есть твоя подпись на чертовом контракте!

Игнорируя его, Сет направляется к двери, но Мэтт бросается вперед, готовый преградить нам путь. Прежде чем он добежал до двери, Джексон врезался в него всем телом, оставляя нам место, чтобы мы могли уйти.

— Пока, Мэтт! — говорю я, обнимая Сета за шею и хихикая, как идиотка.

— Присмотри за моим мальчиком, Оливия, — кричит Дэррил, и я улыбаюсь ему через плечо Сета.

— Всегда.

Сет прижимает меня к своему телу и целует в шею.

— На чем мы остановились? — спрашивает он, касаясь кончиками губ моей щеки.

— Поцелуй, — говорю я без колебаний. Я поворачиваю голову и мягко прижимаюсь губами к его порезу. — Я собиралась тебя вылечить.

Люди пьются на нас, когда мы идем и целуемся, но в этом нет ничего нового. До Сета я избегала любых форм публичной привязанности. Теперь я понимаю, что это было потому, что я боялась, что люди раскроют фарс, которым были мои отношения с Блейдом. Я боялась, что люди увидят, что я его не люблю.

С Сетом все по-другому. Я целую его на публике, вкладывая все чувства, что у меня есть, потому что я больше не боюсь. За время наших отношений я усвоила одну вещь: нужно стараться найти единственного человека, с которым вам комфортно. Нужно приложить все усилия, чтобы найти кого-то, кто заставляет вас улыбаться и в то же время сводит с ума. Нужно найти кого-то, кто не ставит вам ультиматумов, но готов расти вместе с вами, а не для вас. Подходящий вам человек будет расти потому, что он этого хочет, а не потому, что вы этого хотите. Вам следует найти кого-то, кто точно знает, как загладить свою вину, когда совершает ошибки. И помните, что ошибки совершают все.

Никто не должен соглашаться на меньшее. Каждый заслуживает своего собственного Сета.

Сет

Несколько месяцев спустя

Мясо шипит под моей лопаткой, когда я переворачиваю стейк на сырую сторону. Солнце высоко, воздух теплый, а на небе нет ни облачка.

— Как там стейки? — спрашивает Дэррил, нависая над барбекю. Он ставит свое пиво и встает рядом с Джексоном.

— Так же, как и пять минут назад, — говорю я ему со смехом.

На любом барбекю Дэррил должен контролировать процесс приготовления мяса. Обычно я позволяю ему это делать, но поскольку это первое барбекю в нашем новом доме, то я сам хочу это сделать. Я стану отцом со дня на день. Черт, живот Оливии такой круглый, что я уверен, что стану отцом с минуты на минуту.

— Думаю Оливии нужна помощь, чтобы спустить холодильник. Он наполнен безалкогольными напитками, так что довольно тяжелый.

Я вручаю Дэррилу свои щипцы и бросаюсь к лестнице. Протискиваюсь мимо мамы и Мэдди, взлетаю по лестнице быстрее, чем когда-либо, и врываюсь на кухню. Мама Оливии, Сандра, подпрыгивает, хватаясь за грудь, когда я случайно опрокидываю мусорное ведро и натываюсь на столешницу.

— Ради всего святого, Сет! — злится ее мама. — Тебе обязательно устраивать сцену, прежде чем войти в *каждую* комнату?

— Не таскай холодильник одна, — говорю я Оливии. — Он слишком тяжелый. Дай мне.

Оливия переносит свой вес на столешницу и кладет руки на бедра. На ее губах играет улыбка, полная веселья.

— Кто готовит барбекю?

— Дэррил.

Позади меня Сандра ворчит, поднимая мусорное ведро, которое я опрокинул, и его содержимое. Оливия смеется.

— О, милый, — надувает она губы, протягивая ко мне руки.

Нахмурившись, я придвигаюсь к ней ближе.

— Что?

Она обхватывает меня руками, и я не собираюсь лгать: обниматься с ней теперь, когда у нее живот размером с баскетбольный мяч, действительно тяжело.

— Дэррил спустил холодильник. Все это время он ныл из-за того, что ты готовил мясо.

Вот блюдонок...

— Но если хочешь помочь, то у нас с мамой есть еще три тарелки, которые нужно вынести. — Она указывает на три большие тарелки на стойке. Судя по всему, это салат из макарон, картофельный салат и странный куриный салат, который Оливия вчера вечером увидела в интернете и попробовала приготовить. Сандра моет руки и берет тарелку. Я тоже беру одну, а Оливия берет третью, но я забираю ее, удерживая обе тарелки в двух руках.

— Полегче, мамочка, — смеюсь я над ней. — Ты можешь лопнуть в любой день, и мне бы не хотелось, чтобы ты поскользнулась и испортила такой вкусный салат.

— О, ха-ха, — невозмутимо произносит она. — Очень смешно. — Оливия проводит руками по животу. — Не думаю, что он или она когда-нибудь вылезет.

— Он, — уточняя я, — выйдет, когда он будет готов. Просто расслабься и наслаждайся обедом.

Оливия и я решили не узнавать пол... Ладно, это ложь. Она решила. Она думает, что это возбуждающе, но я думаю, что это чертова пытка. Однажды я попытался подкупить узиста, чтобы она сказала, кто это, когда Оливия не смотрела. Я никогда не видел женщину такой оскорбленной. Можно было подумать, что я попросил ее показать мне грудь, пока моя жена не смотрит. Сейчас это смешно, но в то время это было ужасно.

Детская находится прямо через коридор от нашей спальни, и она до отказа забита всем необходимым для ребенка, но Оливия утверждает, что это не так. Я купил средство для чистки бутылочек, хотя Оливия планирует кормить грудью, но я сказал ей, что как только ребенок прикусит один из ее сосков, она *очень* быстро передумает.

Мы спускаемся по лестнице, и я смотрю на Дэррила, который самодовольно улыбается мне, потягивая пиво. Джексон смеется рядом с ним. Я ставлю тарелки на стол, и Селена хлопает в ладоши.

— Я чертовски голодна, — восклицает она, волнение окутывает ее слова.

— Вот как ты разговариваешь за обеденным столом? — отчитывает ее Сандра.

Плечи Селены опускаются, и ее светлые локоны спадают по ним.

— Прости.

Когда Сандра разворачивается и направляется к барбекю, моя мама убирает волосы с лица и наклоняется к Селене.

— Иногда ругаться — это нормально, — говорит она ей. — И я думаю, что быть голодной и видеть такое вкусное блюдо — это чертовски веская причина.

Я задыхаюсь.

— Мама!

Оливия, Мэдди и Селена смеются, прикрывая рты, словно маленькие школьницы.

— Что? — Моя мама хватает свой бокал и подносит к губам. Чтобы быть как все, она налила апельсиновый сок в бокал для вина. Она трезва с тех пор, как ее выписали из реабилитационного центра. И она совсем не скучает по алкоголю. Я рад за нее. Знал, что в конце концов она вернется к нам... Даже если мне пришлось заставить ее.

— Ты же знаешь, что Джексон должен сидеть за столом, чтобы поесть, — говорит Мэдди Селене.

Верно. Джексон и Селена перестали разговаривать после Вегаса. Из того, что Джексон рассказал мне, они все еще занимаются сексом, но сразу после этого она его выгоняет. *Порочный круг.*

— Знаю, вот почему я пью эту водку, как воду.

— Ложь, — вмешивается Оливия. — Ты не пьешь воду.

И снова все смеются, и мама тоже. Это был чудесный день, и я никогда не был так счастлив. Мы плавали в бассейне, пили хороший алкоголь, наслаждались компанией и готовили вкусную еду. Не могу дождаться, когда покончу со всем этим и лягу спать.

С тех пор, как я покинул ММАС, не могу сказать, что мой распорядок дня сильно изменился. Я по-прежнему рано просыпаюсь и хожу в спортзал. Тренируюсь с Джексоном и Дэррилом, а затем мы открываем тренажерный зал для клиентов. Зал переполнен. У нас было так много клиентов, что нам пришлось купить магазин велосипедов по соседству и расширить его, чтобы все вместились. Мы проводим ежедневные занятия. В общей сложности у нас двадцать шесть сотрудников и один стажер. Рик гордился бы Оливией,

мною и всем, чего мы достигли вместе. Уверен в этом.

Я выдвигаю стул и сажусь, ожидая, пока Дэррил принесет стейки. Это единственное, что прекратит голодные спазмы у меня в желудке. Я искоса смотрю на Оливию, которая все еще стоит у своего стула. Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Иди сюда. — Я похлопываю по сиденью. — Расслабь ноги. — Она качает головой.

— Нет... Я не могу сидеть.

Я хмуро смотрю на нее, и она опускает взгляд на свои ноги. Ее светло-голубые шорты становятся темно-синими прямо между бедер. Она начинает плакать. Оливия взволнованна. Я вскакиваю со своего места и бросаюсь к ней. Она крепко держится за меня, будто боится, что упадет, если я отпущу ее.

— Э-э, мам! — кричу я. — Что-то происходит.

Черт! Я месяцами допоздна читал книги о беременности, но теперь, когда это происходит на самом деле, понятия не имею, что делать. Мама визжит, заставляя нас с Оливией поморщиться.

— У нас будет ребенок! — кричит она.

В одну минуту я держу Оливию на руках, а в следующую нас окружают все остальные. Слова, приказы и информация вбиваются в мой мозг, и я едва могу мыслить здраво.

— Ты чувствуешь какую-нибудь боль? — спрашивает ее Сандра, и Оливия кивает.

— Тянет, — морщится она. — Но ничего слишком плохого.

— Нам нужно рассчитать время схваток, — говорит Дэррил.

Из заднего кармана он достает свой секундомер. Тот самый, которым он пользовался всю мою бойцовскую карьеру. Я приподнимаю бровь.

— Ты носишь эту штуку с собой?

Он пожимает плечами.

— Никогда не знаешь наверняка.

Я опускаю Оливию на ее место, и Дэррил протягивает мне секундомер. Как только Оливия садится, я засекаю время схваток, а наши мамы убирают волосы с ее лица. Все остальные возвращаются к нормальной жизни. Они раскладывают еду по тарелкам и наполняют бокалы, готовят тосты и набивают желудки, пока мы пытаемся родить ребенка. Все равно все пьяны, не похоже, что они могут приехать в больницу, так что я оставляю всех в покое. Они довольны своей жизнью и счастливы за нас. Новый Марк вот-вот войдет в этот мир. Я смог посвятить себя одной девушке и создать другую жизнь. Давайте будем честны: это само по себе чудо.

***

С последним болезненным стоном и сильным толчком мой ребенок бесшумно скользит в этот мир.

— Это девочка, — говорит доктор, и у меня на глазах выступают слезы. Я никогда не видел ничего более прекрасного. Я так влюблен, и мне все равно, что это не мальчик. Я бросаюсь к изголовью кровати и покрываю поцелуями все лицо Оливии. Она устало улыбается мне.

— Как я справилась? — бормочет она, полузакрыв глаза. Я целую ее снова и снова.

— Идеально. Она идеальна.

Глаза Оливии расширяются, и ее улыбка становится шире, когда слезы катятся из глаз.

— Она?

Я киваю. Нам с Оливией потребовались месяцы, чтобы выбрать имя для мальчика и девочки. Споры были бесконечными, и все заканчивались одинаково, пока мы не нашли то единственное, которое легко слетело с наших языков.

— Хлоя Марк, — шепчет она, и я снова киваю.

Врачи кладут нашего ребенка на грудь Оливии. Малышка спокойно наблюдает, ее глаза на самом деле ни на чем не фокусируются, а ручки прижимаются к щекам, когда она начинает морщиться. У ее глаз еще нет определенного цвета, но черные, как смоль, волосы прилипают к голове.

— Я хочу больше, — говорю я Оливии, трогаю маленький розовый носик Хлои. Я чувствую взгляд Оливии на своем лице, а затем смотрю на нее и замечаю ее белую, как у призрака, кожу.

— Один ребенок — тоже хорошо. Селена и Джексон оба единственные дети в семье... — Она делает паузу и обдумывает свои слова. — Или двое. Два — хорошее число.

«Или три, или четыре», — думаю я про себя. Вместо того, чтобы высказать это вслух, я снова целую Оливию в лоб, и малышка Хлоя начинает плакать. Я улыбаюсь, когда Оливия прикладывает ребенка к груди, следуя своим естественным материнским инстинктам. Наблюдая за сближением дочери и жены, я чувствую, как мое сердце разрывается надвое. На две части, которые принадлежат только им. Тогда я понимаю, что каждое решение, которое я когда-либо принимал в своей жизни, приводило меня к этому. Вот почему я здесь. Это моя цель в жизни.

Хлоя снова плачет, вырывая меня из мыслей. Я улыбаюсь и касаюсь ее ручки своим мизинцем.

Она сжимает его изо всех сил.

И вот так Хлоя, моя милая и невинная малышка, становится второй девушкой, которая лишила меня дара речи и полностью завладела моим сердцем.

Конец третьей части

Больше книг на сайте - Knigoed.net